

От автора
бестселле-
ров New
York Times
и Amazon
Charts.

ГРЕГГ ОЛСЕН

В «Затаившемся» Грегг Олсен проделал первоклассную работу над психологически сложным сюжетом, полным захватывающих крутых поворотов!

Popular Culture
Association

ЗАТАИВШИЙСЯ

Annotation

Адам и Софи Уорнер – супружеская пара, которая переживает тяжелые времена в браке. Для спасения ситуации они решают провести выходные на озере. Но в первый же день отдыха Адам, находясь в лодке с трехлетней дочерью, становится свидетелем похищения жены.

Адам безутешен и надеется, что в поисках жены ему поможет старая подруга – детектив Ли Хуземан.

Она собирает факты, складывая кусочки головоломки из жизни Адама и Софи в единое целое. В процессе расследования детектив понимает, что Кристен и Коннор Мосс, живущие в коттедже по соседству, связаны с супругами намного больше, чем говорят.

Кто и зачем похитил Софи среди бела дня? И что на самом деле произошло в то утро? По мере расследования появляется больше вопросов, чем ответов. Кому можно, а кому нельзя верить в этой запутанной игре в «кошки-мышки»? Действительно ли свидетели видели то, о чем говорят?

Страшные тайны выплывут наружу, и тогда все зададутся вопросом: а много ли они знают о незнакомцах, которых считают своими супругами?

- [Грегг Олсен](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)

- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [Эпилог](#)
- [Адам](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)

- 1
 - 2
 - 3
-

Грегг Олсен

Затаившийся

*Посвящается
Крису Ренфро –
умному,
терпеливому и
доброму*

*Самка
гигантского
осьминога,
Enteroctopus
dofleini, – весьма
коварное создание.
Она крупнее, чем
самец, и охотится
только под
покровом ночи. На
каждом из ее
восьми щупалец
более двухсот
присосок, и она
преследует свою
добычу грациозно и
неотвратно. В
хитрости ей тоже
не откажешь. Она
умеет менять
облик, цвет и
текстуру, чтобы
слиться с
окружающей
средой, поджидая в
засаде. Даже*

взрослая самка,
если ее поймают
живьем, сможет
выбраться через
отверстие
размером с
половину
долларовой
купюры. Одну из
крупнейших самок
осьминога
размером в длину
больше двадцати
футов выловили
возле западного
берега Худ-Канала,
недалеко от
городка Лилливаап,
штат Вашингтон,
в глубоководном
районе, который
местные называют
«осьминожьей
дырой».

© 2019 by Gregg Olsen
© Лаптева В., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Я прижимаю дочку к себе, чтобы она не поранилась осколками разбитого бокала. Эти осколки – единственный знак, указывающий на то, что с моей женой произошло нечто ужасное. Я судорожно втягиваю в себя воздух. Мои руки изранены шипами: я продирался через заросли малины, когда бежал к шоссе через пляж. Из царапин сочится кровь, но раны не нуждаются в перевязке, хоть кто-то и предложил мне бинт. Еще меня укутали одеялом, и теперь я сижу на пятифутовой дамбе, отделяющей пляж от трех коттеджей за моей спиной. Несмотря на этот заботливый жест, я по-прежнему дрожу. У меня нет сил поднять взгляд. Я просто сижу и пытаюсь понять, сделал ли я все, что мог, все ли я сделал правильно.

Обри ерзает в моих объятиях, глядя по сторонам своими карими глазами.

Пожилая женщина, живущая в соседнем коттедже, приехала сюда вместе со своими внуками на выходные в честь Дня поминовения. Она изо всех сил старается сохранять спокойствие. От шока ее имя совершенно вылетело у меня из головы.

Она дотрагивается до моего плеча: «Адам, давайте я отведу Обри к себе».

Она бросает взгляд на дорожку, ведущую к коттеджам. По ней едет черный внедорожник с золотыми полосами по бокам. Шериф округа Мейсон наконец-то здесь. Я гляжу на женщину (без очков у меня в глазах все расплывается) и медленно киваю: «Простите. Я забыл ваше имя».

– Тереза, – говорит она.

– Точно, – я сжимаю плечи Обри. – Милая, иди с Терезой. Поиграй с ее внуками.

Обри ничего не понимает, ей страшно. Она стала частью трагедии.

– Я хочу к маме.

– Я знаю, – говорю я. – Мы ее найдем. Я останусь здесь. Хорошо? Побудь немного с Терезой.

– Мы как раз сделали фруктовый лед, – говорит Тереза.

Обри переводит взгляд на эту милую пожилую женщину, но ничего не говорит.

– Вишневый, – добавляет Тереза, которая хорошо умеет общаться с трехлетними детьми.

– Давай, иди, – говорю я. – Папа будет здесь.

Моя малышка подходит к Терезе, а я направляюсь к внедорожнику, постепенно ускоряя шаг, а в конце вообще переходя на бег.

– Наконец, вы здесь! – кричу я полицейским. Голос срывается, и я стараюсь взять себя в руки. *Сохраняй спокойствие. Нужно объяснить им, что случилось.*

Полицейские – мужчина и женщина. Мужчина старше, у него седые волосы и очки в тонкой металлической оправе на носу.

Женщина мне знакома. Ее длинные волосы собраны в хвост. Лицо усыпано веснушками.

– Ли? – спрашиваю я.

– Адам, давно не виделись.

Ее напарник, представившийся как Зак Монтроуз, глядит на нее с любопытством: «Вы знакомы?»

Она по-прежнему смотрит на меня. Слабо улыбается воспоминаниям, хотя это отнюдь не счастливое воссоединение. Иначе и быть не могло.

– Мы выросли вместе, – говорит она. – Они с Кипом дружили.

Кипом звали ее старшего брата. Мы были неразлучны еще с детского сада. А после школы он пошел в армию и не вернулся из Афганистана. Последний раз я видел Ли на поминальной службе, когда Хуземаны провожали сына в последний путь. Я помню, как стоял перед всеми в церкви и говорил про то, каким человеком был Кип (бескорыстный... готов помочь любому... отдать последнюю рубашку), и не мог перевести взгляд на его родителей и сестру, потому что боялся разрыдаться. Я предпочитаю держать все под контролем и быть уверенным, что все делаю с определенной целью.

– Мир тесен, – Монтроуз оглядывается по сторонам.

– Я слышал, ты стала офицером полиции, – говорю я. У Ли зеленые глаза. По ним я ее и узнал.

– Я детектив, – отвечает она, и ее взгляд неожиданно холодеет. – Расскажи нам, что произошло.

– Нам нужно ее найти, – умоляю я.

– Это мы и сделаем, – говорит Монтроуз. – Давайте побеседуем вон там.

Он указывает на террасу «Глицинии» – коттеджа, который мы с Софи арендовали на выходные.

* * *

Я излагаю основные факты. Поездка на Худ-Канал была сюрпризом. Софи сказала, что я никогда ничего не организовывал для семьи, и была права. А потом я увидел статью в «Сиэтл Таймс» о трех любовно отреставрированных коттеджах возле Лилливаапа. Они были построены в 1920-х годах, и предыдущие владельцы, заядлые садоводы, назвали каждый из них в честь цветка. Софи обожает старые дома; поэтому-то последние пять лет мы и живем в окружении вечной суеты и опилок, реставрируя кофейного цвета бунгало в стиле крафтсман 1922 года.

Я смотрю на Ли, сидящую напротив за потертым столом для пикника. Она записывает что-то в блокноте.

– Я думал, будет весело, отдохнем, расслабимся. Проведем несколько дней вместе.

– Между вами был какой-то конфликт? – спрашивает Монтроуз.

Я качаю головой: «Просто слишком много работы и слишком мало времени, чтобы насладиться жизнью. Не более того».

Конечно, это не так. В любом браке есть конфликты. Но я понимаю, что детективам незачем писать об этом в своих блокнотах.

– Адам, – говорит Ли, – я знаю, это будет непросто. Но ты должен рассказать нам все, что произошло. До мельчайших подробностей. То, что тебе покажется неважным, может помочь нам найти похитителя.

– И мою жену, – говорю я.

– Да, – говорит она. – Конечно. Мы здесь для того, чтобы ее найти.

В пятницу мне не удалось уйти с работы пораньше, потому что моя начальница участвует в каком-то тренинге по эффективной работе с кадрами. Она настояла, чтобы я остался в офисе и занялся отчетами, пока она изучает способы помочь сотрудникам найти баланс между работой и личной жизнью. Иронично.

Софи и Обри сели на паром из Сиэтла в Бремертон и прибыли в коттедж раньше меня, около половины шестого. Я выехал из Рентона, где работаю, проехал по Такомскому мосту и пересек Белфэр по пути в Лилливаап; в коттедже я оказался около восьми.

Ли внимательно слушает мой рассказ, Монтроуз записывает.

– Кто-нибудь видел, как ты приехал? – спрашивает Ли.

– Не знаю, – говорю я. – Наверное. У Терезы, женщины, которая сейчас приглядывает за Обри, были открыты окна и включен свет. Думаю, она меня видела. Или ее внуки.

– А что насчет другого коттеджа?

Мне хочется перейти к рассказу о происшествии, но я продолжаю отвечать на вопросы, чтобы у детективов была вся необходимая информация.

– Поздно вечером приехала пара в синем «Лексусе», – отвечаю я. – Но я с ними не говорил.

Монтроуз делает заметку: «Вы видели здесь кого-нибудь еще?»

Это же не Центральный вокзал, думаю я. Но вслух не говорю.

– Пожилого мужчину с собакой. Еще утром здесь играли дети из дома чуть дальше. Больше никого не было. Или я не заметил. Я не обращал внимания на посторонних. Просто хотел провести время с Софи и Обри.

Мой голос срывается, когда я произношу имя Софи. Но я пытаюсь сдержать эмоции.

Я рассказываю, что развел костер, когда приехал. Софи по дороге заглянула в магазин и купила сэндвичи и пару стейков. Мы выпили по бокалу вина и посмотрели фильм – владельцы оставили несколько DVD, по большей части семейных комедий. Около девяти вечера Обри уснула, и Софи уложила ее в постель. Где-то через час мы тоже легли спать.

На следующее утро я приготовил вафли.

– Обри их обожает. А я толком и не умею готовить ничего другого.

Я слышу, как она смеется, и вижу старшего внука Терезы, раскачивающегося на канате, привязанном к ветке массивного кедра.

Монтроуз ждет продолжения рассказа: «Что случилось потом?»

– Мы с Обри сели в лодку и отправились ставить ловушки на крабов, – говорю я.

Обри, одетая в ярко-оранжевый спасательный жилет, пришла в восторг. Поверхность воды напоминала стекло – безупречное оконное стекло. Мы все утро катались на лодке туда-сюда.

– Мы просто плавали в лодке, ничего особенного.

– Не торопись, – говорит Ли. – Расскажи нам все по порядку.

Я рассказываю, что, пока мы с Обри занимались ловушками, Софи устроилась на террасе с книгой и чашкой кофе, а потом и с бокальчиком-другим шардоне.

В качестве приманки я положил в ловушки кошачий корм, и мы с Обри проверяли их каждые полчаса. Дело было даже не в крабах. Мне просто нравилось проводить время с Обри, видеть все ее глазами. Для нее этот день был полон открытий. Первая поездка на лодке. Первая встреча с чайкой. С тюленем. Я вспоминал, как катался на лодке с собственным отцом. Это был шанс узнать поближе не только природу, но и друг друга. *Кораблекрушение. Пираты. Капитан Ахав.*

– И потом вашу жену похитили? – спрашивает напарник Ли.

Он меня раздражает. Будто пытается подловить на лжи. Я знаю, он делает свою работу, но у меня пропала жена. Он мог бы проявить хоть каплю сочувствия.

– Скажи, – говорит Ли, – в какой момент ты понял, что с Софи что-то не так?

К моему удивлению, я вынужден приложить усилие, чтобы взять себя в руки. Но я достаточно силен. Я делаю вдох и продолжаю рассказ.

* * *

Мы успели отплыть на сотню ярдов от берега. Софи переместилась с террасы на бетонную дамбу. Книгу она оставила в коттедже, а бокал вина взяла с собой. Она машет нам с берега. Обри услышала, как лает вдалеке собака, и теперь я гребу в том направлении. Она очень хочет завести собаку, но мы с Софи настаиваем, что сначала нужно закончить ремонт. Для Софи это способ потянуть время. Я люблю собак. В детстве у меня дома жили золотистые ретриверы. А вот Софи собаки не по душе. Это один из немногочисленных поводов для разногласий между нами. Софи редко меняет свое мнение. Ее твердые убеждения – одновременно достоинство и недостаток. Когда мы согласны друг с другом, то способны преодолеть любые преграды. Когда наши мнения расходятся, дело неизбежно заканчивается долгой ссорой и я всякий раз проигрываю. За пять лет нашего брака стало очевидно, что, как бы упрям я ни был на работе, дома я всегда уступаю Софи, соглашаюсь с ее идеями, планами и начинаниями. Я делаю это, потому что хочу сохранить мир в семье, потому что Софи так много для меня значит.

Мы с Обри так и не нашли собаку, и я начинаю грести обратно к коттеджу, когда внезапно раздается крик. Не пронзительный, но достаточно громкий, чтобы заставить меня обернуться к берегу. Я вижу, что моя жена борется с каким-то мужчиной. Бокал упал на землю и разбился. Софи что-то кричит, но я не могу разобрать слова. Я вновь поворачиваюсь к ним спиной и гребу так быстро, как только могу.

Обри, сидящая напротив, думает, что мы играем в игру. Я никак не могу достаточно разогнаться, хотя хожу в тренажерный зал два раза в неделю. Обри неправильно истолковывает ужас в моих глазах.

– Быстро! – кричит она. – Быстро!

Софи – довольно хрупкая женщина. В ней едва ли наберется 110 фунтов. Но она сильна. Легко может обогнать меня, и обгоняла. Когда я снова оборачиваюсь, то вижу, как незнакомец совершает нечто ужасное. Он бьет Софи кулаком в лицо. Она падает.

– Какого черта! – кричу я. – Отвали от нее!

Мне туда не добраться. Я гребу изо всех сил. Когда я оборачиваюсь еще раз, очки слетают с меня из-за резкого движения и падают в воду. Мир расплывается у меня перед глазами. Я вижу, как мужчина поднимает мою жену и уносит куда-то за коттедж.

Сердце выпрыгивает у меня из груди.

– Черт побери! Хватит! Оставь ее в покое!

Обри поняла, что это не игра. Она начинает плакать. Мне хочется выпрыгнуть из лодки и пробежать по мелководью, чтобы догнать похитителя, но я не могу оставить дочь одну. Я задыхаюсь. Пытаюсь взять себя в руки. Осталось всего двадцать ярдов. Я почти у цели.

– Помогите! – кричу я, обернувшись к «Хризантеме», коттеджу посередине, самому маленькому из тех, что стоит на берегу. Прошлым вечером я видел, как в окне горел свет, но больше ничего.

– Кто-нибудь, на помощь! – кричу я изо всех сил. Меня слышали бы даже посреди бури, что уж говорить про тихое утро. – Кто-то похитил мою жену!

Я выпрыгиваю из лодки, хватаю плачущую Обри и бегу по бетонным ступеням к лужайке за пляжем. Там я ставлю Обри на землю.

– Все будет хорошо, – говорю я. – Стой здесь. Никуда не уходи. Хорошо?

– Я хочу к маме, – жалобно говорит Обри.

– Да, милая, – я пытаюсь ее успокоить. – Я тоже.

Из коттеджа раздаются голоса, и я гадаю, не привиделось ли мне все это. Может, свет, отражавшийся от поверхности воды, исказил реальность. Я взбегаю по ступенькам террасы, пересекаю кухню, врываюсь в гостиную, окно которой выходит на Худ-Канал и покрытые хвойными деревьями холмы.

– Софи?

Конечно, это всего лишь телевизор. Софи здесь нет. Показывают рекламу кастрюли-скороварки.

Я сам словно очутился в кастрюле.

Я тяжело дышу. Мое сердце пытается вырваться из груди. У меня вот-вот случится сердечный приступ. Я упаду на этот старый сосновый пол, которым Софи так восхищалась сегодня утром, поедая вафли. *Что происходит?*

Я возвращаюсь наружу и вижу женщину с двумя детьми, видимо, возвращающуюся с прогулки.

– Кто-то похитил мою жену! Вызовите полицию! Помогите!

Женщина смотрит мне в глаза и понимает, что я не шучу. Она посылает мальчика с девочкой в «Хризантему», а сама достает

телефон.

На бегу я кричу пожилому мужчине с собакой, чтобы он тоже набрал 911. Здесь ужасное покрытие. Мой телефон ловит сигнал от силы четверть времени – и не ловит, когда это нужнее всего. Как сейчас.

Я поднимаюсь по ступеням мимо джакузи, в направлении, куда незнакомый мужчина унес мою жену. Я бегу так быстро, как только могу. Я довольно высок, и заросли малины, обрамляющие дорогу над коттеджами, исполосовывают мне руки.

– Софи! Софи!

Тишина.

Добравшись до дороги, я ничего не нахожу. Ни следа Софи. Ничего. Мимо проезжает серебристая «Хонда-Аккорд», и я бросаюсь ей наперерез, но водитель не останавливается, а объезжает меня, показывая мне средний палец.

– Да пошел ты! Моя жена! Кто-то похитил мою жену!

Машина уезжает, и без очков я не могу разобрать номерной знак. Я судорожно втягиваю в легкие воздух и бегу обратно к коттеджу.

Женщина из коттеджа посередине представляется Терезой Диббли. Она говорит, что позвонила шерифу.

– Что случилось? – спрашивает она.

– Не знаю, – говорю я. – Мы с дочерью катались на лодке, и я увидел, как кто-то на берегу спорит с моей женой, а потом он ударил ее, схватил и куда-то понес. Я уронил очки. Плохо видел. Но она была прямо здесь.

Я показываю на осколки бокала, из которого Софи пила, сидя на дамбе.

– Вы тоже пили? – спрашивает Тереза.

– Нет.

С чего она это взяла? Я дрожу. Задыхаюсь. Я в шоке. Но я не пьян. Я знаю, что я видел. Или частично видел. Я знаю: кто-то похитил мою жену. В глазах Терезы смешиваются сочувствие и встревоженность.

– Полиция уже едет, – говорит она.

Я решаю расспросить ее.

– Вы кого-нибудь видели, когда приехали сюда? По-моему, он утащил ее наверх, на дорогу.

– Нет, – говорит она. – Я не видела ничего особенного.

Я думаю про все те похищения, которые видел по телевизору. Возможно, Тереза тоже про них думает. Я знаю, что многие такие случаи похожи. Какой-то урод похищает девушку или женщину, держит ее в плену, воплощает в жизнь свои извращенные фантазии.

– Нужно ее найти, – говорю я.

– Полиция скоро будет здесь.

– Да. Когда? Где они?

– Диспетчер сказал, в двадцати минутах езды.

Я смотрю на телефон. Не могу сдержать досаду и страх. Пот стекает у меня по рукам и лбу. Я стараюсь дышать медленнее.

– Двадцать минут – все равно что час, – говорю я. – За это время он успеет увезти ее куда угодно. В округе ничего нет, кроме лесов и проселочных дорог.

Тереза молчит. Наверное, думает то же самое. Она протягивает руку в мою сторону, но передумывает. Я пытаюсь ее утешить.

– Все будет в порядке. Ее найдут. С ней все будет хорошо. Она сильная. Очень сильная. Душевно. И физически.

Тереза немного успокаивается, а Обри уже без спасательного жилета прижимается ко мне изо всех сил. Я обнимаю ее в ответ и стараюсь не думать о красных разводах, которые остаются на ее футболке с мультяшками от моих исцарапанных рук – лучше бы это была клубника, которую я положил утром на ее вафли. К нам приближается мужчина с черным лабрадором. На вид старику лет семьдесят, и он говорит с легким акцентом, который мне не удастся определить. Нидерландский, может быть?

– Что-то случилось? – спрашивает он. – Я услышал, как вы кричали. Вызвал 911.

– Я тоже. Полиция скоро приедет, – говорит ему Тереза Дибли, кивком указывая на меня. – Он говорит, что кто-то похитил его жену.

Она смотрит на своих внуков, наблюдающих за нами с террасы их маленького коттеджа. – Прямо здесь, – продолжает Тереза, безуспешно пытаясь сдержать эмоции. – Прямо на пляже!

– Вы что-нибудь видели? – спрашиваю я у мужчины.

Он кивает и бормочет что-то про то, какой это ужасный шок, но я едва слышу его слова: очевидно, он видел еще меньше, чем я. Людей притягивают опасности и трагедии; они хотят выразить сожаление, да. Но еще и порадоваться собственной удаче, ведь с ними ничего

подобного не случилось. Будто Бог или другая высшая сила не допустит, чтобы такое произошло с ними, раз они уже видели трагедию собственными глазами.

Я в безопасности.

Такое не может произойти дважды в одном и том же месте.

Мне ничего не грозит.

Господи, пожалуйста.

* * *

Я заканчиваю свой рассказ и перевожу дыхание. Детективы продолжают меня расспрашивать. Допытываются о деталях, которые я, к своему сожалению, действительно упустил в суматохе происходящего. Ли просит меня сохранять спокойствие, пока они с напарником дописывают свои заметки и переглядываются. Должно быть, они еще никогда не сталкивались ни с чем подобным.

— Нужно ее найти, — повторяю я срывающимся голосом.

Ли опускает блокнот: «Мы этим займемся, Адам».

Пока Монтроуз собирает осколки разбитого бокала, на случай если на них окажутся отпечатки пальцев похитителя, а криминалист берет у Адама образец крови, чтобы сравнить его с брызгами на осколках, я методично обхожу коттедж по периметру в поисках улики. Софи тридцать три, моя ровесница. Но в отличие от меня, у нее есть ребенок. Она графический дизайнер в офисе «Старбакс» в Сиэтле и разработала многие рекламные акции этой сети кофеен. По словам Адама, между ними не было никаких конфликтов, и нет причин полагать, что его жена знакома с похитителем. Адам не знает, зачем кому-то вообще понадобилось ее похищать.

Солнце светит мне в затылок. К зарослям малины у дороги ведет твердая, иссохшаяся тропинка. По бокам растут папоротники и триллиумы; их никто не потревожил. Я не вижу ни одного отпечатка ног. Но отдельные следы подтверждают рассказ Адама о том, как он продирался сквозь кусты в погоне за похитителем. Поднявшись наверх, я оборачиваюсь. Коттедж загораживает мне обзор, но отсюда можно разглядеть часть пляжа и бетонной дамбы, где сидела Софи. Я поворачиваюсь еще раз. На земле валяется доказательство того, что кто-то вполне мог наблюдать отсюда за коттеджами. Я подбираю окурочку и фотографирую растревоженный гравий рядом с тропинкой, ведущей к «Глицинии». Следы означают, что здесь был припаркован автомобиль или маленький фургон. Конечно, мы не знаем, когда именно это было и связано ли это с происшествием на пляже.

Я возвращаюсь и встречаю Монтроуза внутри одноэтажного коттеджа «Глициния», окаймленного сбоку массивными зарослями одноименных фиолетовых цветов.

– Как он? – спрашиваю я.

Монтроуз слегка пожимает плечами.

– Да вроде ничего, учитывая обстоятельства. Нашла что-нибудь?

– Не особенно. Только окурочка. И он, кажется, там уже давно валялся.

Мы продвигаемся вглубь коттеджа. В раковине на кухне стоят миска из-под теста для вафель и пара тарелок. На бумажном полотенце на стойке сложены зеленые черенки от клубники. Через окно мне виден Адам, сидящий на террасе. Он держит на коленях дочь и прижимает к уху телефон.

Монтроуз смотрит в их сторону.

– Звонит родителям жены.

– Незавидная работа, – говорю я.

– Хуже и не придумаешь.

Это верно. Но, если верить Адаму, Софи – сильная и храбрая женщина. Если ее похитил какой-то псих, у нее есть шанс спастись, по крайней мере я на это надеюсь. Прежде чем пойти в полицию, я проводила уроки самообороны.

– Кто вообще станет творить такое среди бела дня? – говорю я.

– Сумасшедший, – отвечает Монтроуз. – Кто-то, кто либо следил за ней, либо просто воспользовался удачным моментом.

Мы переходим в спальню с двухъярусной кроватью. Нижняя постель не убрана, на полу валяется одеяло с корабликами. Рядом с подушками лежит мягкая игрушка – персонаж из «Щенячьего патруля», того же мультфильма, что и на футболке Обри.

– Нужно поговорить с девочкой.

– Не слишком ли она мала? – сомневается Монтроуз.

Мы направляемся в главную спальню. Я замечаю женские солнечные очки рядом с сумкой, по-видимому принадлежащей Софи. Словно символ приостановившейся жизни.

– Верно, – говорю я, оглядываясь по сторонам. – Но она может что-то нам рассказать.

Монтроуз первым обращает внимание на странную деталь: правая половина кровати аккуратно застелена, подушки сложены у изголовья.

– Похоже, в постели спал только один человек, – говорит он. – Любопытно.

– Ты ему не веришь, – к моему собственному удивлению, в мой голос закрадывается нотка обиды. Хотя я не так уж близко знакома с Адамом Уорнером.

Монтроуз работает детективом гораздо дольше меня. Несмотря на то что ему пришлось на два года уйти с должности из-за алкогольной зависимости, которая вполне могла разрушить его жизнь, у него

отлично развита интуиция. Но я не всегда с ним соглашаюсь: мне тоже нравится убеждаться в собственной правоте.

– В его рассказе есть пара несостыковок, – говорит он.

– Например?

– Например, то, что он не смог вовремя добраться до берега. Сотня ярдов? С такими-то бицепсами? Он явно немало времени проводит в качалке. Вполне мог догresti вовремя.

– Да он едва видел, что происходит вокруг.

– Точно. Его очки.

– Да, он их уронил.

Монтроуз корчит гримасу: «Удачное совпадение».

– Ты злишься, потому что не успел пообедать.

– Я злюсь совсем чуть-чуть.

Я вздыхаю: «Ладно, еда подождет. Давай не будем забывать. Главное – доказательства. А не то, что ты нутром чуешь».

Монтроуз похлопывает себя по животу, свисающему из-за ремня брюк: «Мое нутро меня не подводит».

Я улыбаюсь ему. В животе у него пусто.

– К тому же, таких похищений попросту не бывает. Прямо напротив дома.

– Это не чей-то дом, – говорю я. – Его арендуют на время отпуска. Люди здесь не задерживаются: приходят и уходят.

В гостиной почти все место занимают резная вешалка, украшенная фигурой медведя, и диван с выцветшими синими подушками. Я замечаю покрывало на диване.

– Может быть, кто-то из них спал на диване, – говорю я, обходя комнату.

– Ты имеешь в виду, он врал и между ними не все было гладко?

Я бросаю на Монтроуза взгляд.

– Я имела в виду ровно то, что сказала. Я не знаю причины, и ты не знаешь.

Ванная комната оказывается неожиданно просторной, учитывая, что коттедж построили в двадцатых годах. У стены стоит ванна на когтистых лапах; остальное пространство занимают унитаз и душевая кабина. Рядом с раковиной лежит открытая косметичка. На медных крючках у двери висит пара чистых белых полотенец, слегка влажных на ощупь.

По пути к выходу Монтроуз заглядывает в помещение, которое я приняла за кладовку.

– Ого, – говорит он. – Сауна.

– Не люблю сауны, – отзываюсь я.

– Еще и джакузи. Я бы и сам не отказался здесь пожить.

Я наклоняю голову: «Мы, вероятно, проведем здесь немало времени, но вряд ли в сауне или в джакузи».

Монтроуз глядит на меня. В его глазах за стеклами очков загорается лукавая искорка. Я жду дежурной шутки. Что-нибудь про то, что с этим делом мы запаримся и без всякой сауны. Что нужно будет прибавить жару, чтобы вы всем разобраться.

Но мой напарник молчит. И я признательна ему за это.

Тереза Диббли предлагает нам кофе и газировку, но я отказываюсь. Как выясняется, она не просто заботливая бабушка. В свои шестьдесят два она в одиночку воспитывает детей своего сына – двенадцатилетнего Кларка и семилетнюю Дестини, потому что ее сына и невестку больше интересуют наркотики, нежели родительский долг. Мы вместе стоим на террасе «Хризантемы» и наблюдаем, как дети вместе с Обри играют под деревом с привязанным к ветке канатом. Светловолосая Дестини очень застенчива.

– Дестини почти не знает свою маму, и, откровенно говоря, я этому рада. Хотя мой сын не лучше. Но я могу его выносить: у меня, по сути, нет другого выбора.

– Сожалею, – говорю я.

– Я забрала Дестини из роддома на четвертый день. От ее мамы осталось только это нелепое имя^[1]. Надеюсь когда-нибудь его сменить. Жду, пока мне наконец-то позволят официально оформить опеку. Нелепая, жестокая система, но уж какая есть.

Тереза, стройная и подтянутая, одета в шорты и удобные ботинки. На ее футболке логотип «Хама-Хама» – устричного ресторана, расположенного неподалеку от Лилливаапа. Ее седые волосы с вкраплениями темных прядей стянуты в хвост.

– Вы не видели, как пропала Софи? – спрашивает Монтроуз, снимая очки и протирая их платком, который он достал из кармана штанов.

– Нет. Мы с детьми все утро гуляли в лесу, тут неподалеку.

Я киваю, вспомнив собственные прогулки по окрестностям.

– Живописное место.

– Да. Дестини устала, но совсем не жаловалась. Она тихая девочка. Но мы все равно вернулись пораньше. Кларк настоял. Хотел пособирать устриц на берегу во время отлива.

– Что вы увидели, когда вернулись? – спрашиваю я.

– Мистера Уорнера. Адама. Я еще не знала его имени. Они приехали вчера вечером. А сегодня с утра мы ушли рано, никто еще не

проснулся. Ночь выдалась долгой. Мы с Дестини спали вместе на раскладной кровати, а Кларк – на диване. Больше никогда не буду арендовать такой крохотный коттедж. Втроем здесь негде развернуться.

– Когда вы вернулись с прогулки, – продолжаю я, – то увидели мистера Уорнера?

Тереза кивает.

– Да. Он стоял на лужайке перед коттеджем, кричал, чтобы я вызвала полицию. Он выглядел очень скверно. Было ясно, что произошло что-то ужасное.

– Что именно он сказал? – спрашивает Монтроуз.

– Что его жена пропала, – говорит она. – Что кто-то ее похитил.

Она резко оборачивается к Кларку, который раскачивается на канате над водой: «Осторожно! Ты чуть не толкнул Дестини!»

Светловолосый мальчик оборачивается к нам: «Прости, бабуль!»

Я замечаю, что Адам все еще говорит по телефону. Он ходит взад-вперед, поглядывая в нашу сторону, как цепной пес, мечущийся из стороны в сторону. В какой-то момент он поднимает руки к небу и оборачивается ко мне.

– Найдите ее! – говорит он. – Сделайте же что-то!

Мы пытаемся, думаю я. Показываю жестом, что мы скоро к нему присоединимся.

– Вы говорили с Софи? – спрашиваю я у Терезы.

Та качает головой.

– Может, ночью вы слышали что-то из их коттеджа? Хотя что-то примечательное?

Она снова качает головой: «Я всегда сплю с берушами. Иначе в одной постели с Дестини никак не уснуть. Она любит поболтать даже во сне».

К нам подходит Кларк. Его губы вымазаны фруктовым льдом.

– А я кое-что слышал, – говорит он.

Я и забыла, какой острый у детей слух.

– Что ты слышал, Кларк? – спрашивает Тереза.

– Дестини разбудила меня, чтобы я дал ей попить. Было поздно. Я принес ей стакан воды и лег обратно и, пока я пытался уснуть, услышал какой-то шум. Потом захлопнулась дверь. Завелся мотор. Я выглянул в окно, но ничего не увидел. Свет не горел.

– Что это был за шум, Кларк?

Подросток смотрит на меня непонимающими глазами: «Не знаю. Просто шум».

Да уж, очень полезно.

– Чей-то голос? – уточняет Монтроуз. – Или что-то еще?

Кларк смотрит вверх.

– Нет. Скорее как будто что-то упало, – говорит он. – Или как будто дверь ударилась о косяк. Не знаю. Просто шум.

Кларк старается, как может. Не так-то просто описать случайный звук, раздавшийся посреди ночи, если это не выстрел.

– Ты помнишь, когда это было? – спрашиваю я.

– В смысле во сколько?

– Да, – говорю я. – В котором часу?

– Поздно, – отвечает Кларк. – Было совсем темно. Наверное, где-то после двух. Дестини обычно просит пить примерно в это время.

– Она все еще так делает? – спрашивает Тереза, когда речь заходит о ее внучке.

– Да, – отвечает Кларк совсем не с детской усталостью. – Каждую ночь. Можно мне еще фруктового льда?

Тереза не возражает: «Возьми своей сестре и Обри».

– Вы встречались с другими соседями? – спрашиваю я, указывая на последний из трех коттеджей.

– Нет, – отвечает Тереза. – Но они были здесь прошлым вечером. Свет горел, шторы были задернуты. Машина стояла неподалеку. Наверное, они поздно встают.

Перед уходом Тереза диктует нам имя и контактный телефон владельца коттеджей. Монтроуз направляется к машине, чтобы позвонить и расспросить его насчет постояльцев. Потом он поговорит с нашим помощником, который опрашивал соседей, собравшихся поглазеть на происходящее, и постояльцем, которого мы еще не встречали.

Я иду по пляжу к дому Акселя Беккера, пожилого мужчины с собакой. Когда я сказала, что нам нужно будет с ним побеседовать, он показал пальцем на свой дом и предложил мне зайти, когда смогу. Дескать они с собакой меня подождут.

Дом Акселя Беккера, стоящий на Канал-вью-роуд, построен в классическом стиле Худ-Канала двадцатых годов, когда все в Лос-Анджелесе помешались на местности вдоль соленого вашингтонского фьорда. Покрытое обветшавшей черепицей серебристое бунгало с кремовыми ставнями и красной дверью. При моем приближении мистер Беккер машет мне рукой из своего огорода.

– Как поживает горох? – спрашиваю я.

Мистер Беккер пожимает плечами: «Паршиво, как и всегда».

Ему где-то под восемьдесят, но на вид он в прекрасной форме. Цветом и текстурой его лицо напоминает старый бумажный пакет, но в голубых глазах горит ясный ум. У его ног сидит Уинстон, его пес.

– Как, вы сказали, вас зовут? – спрашивает он меня, прищурившись.

Я представляюсь.

– Я уже рассказал вашему напарнику все, что знаю, – он оглядывает меня с ног до головы, потом возвращается к огороду. – Вашему начальству, видать, денег девать некуда.

– Вы бы думали иначе, будь Софи вашей дочерью, – говорю я.

– Наверное, – он заканчивает подвязывать куст томата и приглашает меня войти внутрь.

Войдя в дом, я понимаю, что никакой это на самом деле не дом. Это музей.

Почти вся мебель вырезана из древесины с наплывами. Мне на глаза попадаются декоративные подушки, украшенные салишской вышивкой. Некоторые назвали бы это кошунством. На стенах развешаны реликвии Худ-Канала: таблички «Свежие устрицы!», резная вывеска давно закрытого танцевального зала, череда черно-белых фотографий этой местности, изобилующей медузами и древесиной.

– Отец построил дом во времена сухого закона, – говорит он, заметив мой заинтересованный взгляд. – Смог подзаработать. Вместе с парой других местных жителей. Отсюда легко переправлять самогон в Сиэтл.

– А сейчас и не скажешь, что это такой уж отдаленный район, – говорю я, а мистер Беккер жестом приглашает меня сесть на один из больших деревянных стульев.

– Верно, – говорит мистер Беккер, снимая свои поношенные резиновые сандалии. – Проклятые калифорнийцы все тут испортили. Налоги все растут и растут. Моим соседям пришлось переехать. А они жили здесь почти столько же, сколько и я. Теперь ютятся в какой-то лачуге в Аризоне и каждый день жалеют, что уехали, а не умерли здесь. Надеюсь, меня когда-нибудь хватит сердечный приступ во время прогулки по пляжу...

Он глядит вниз, на Уинстона: «Но не сегодня. Не хочу, чтобы Уинстон меня пережил, а он протянет еще несколько лет».

– Он у вас красавец, – говорю я, потрепав Уинстона по ушам.

– Но вы пришли не за уроком истории и не за тем, чтобы погладить моего пса.

– Верно, – говорю я. – Меня интересует, что вы видели на пляже.

– Почти ничего, – говорит он.

– Понимаю. Но порой свидетели трагических происшествий вспоминают больше подробностей по прошествии некоторого времени. Вы ведь согласны, что это была трагедия?

Уинстон яростно чешется, а мистер Беккер хмурит свое морщинистое лицо.

– Для той женщины и ее мужа? Да, трагедия. Для меня? Как сказать. Я служил в армии и много чего повидал. Здесь поутру на пляже такого не увидишь. Хотя один раз мне почудилось, будто я застукал насильника, а оказалось, ребята просто баловались на надувном матрасе.

Я киваю и прошу его описать, что именно он видел этим утром.

– Пожалуйста, расскажите еще раз.

Мистер Беккер повторяет то же самое, что сообщил Монтроузу во время предварительной беседы. Он выгуливал Уинстона, как привык делать каждый день. Адам и Обри плыли в лодке примерно в сотне ярдов от берега. Потом кто-то закричал. Мистер Беккер посмотрел сначала на Адама, который в панике греб к берегу, потом перевел взгляд на бетонную дамбу.

– И увидели миссис Уорнер? – уточняю я. – И нападавшего?

Мистер Беккер извлекает из нагрудного кармана свои очки.

– Я знаю, что уже не молод, – говорит он, – но в очках вижу вполне неплохо. Все произошло очень быстро, но я знаю, что видел.

Он словно бы раздосадован моими вопросами, и его акцент усиливается.

– Я здесь не потому, что сомневаюсь в ваших словах, мистер Беккер. Было совершено преступление, и необходимо выяснить, что произошло и кто в этом виновен.

Уинстон – весьма крупный пес, но мистер Беккер разрешает ему забраться к себе на колени.

– Ладно, – говорит он, – хорошо.

– Расскажите, что именно вы видели на берегу.

Он медленно вдыхает и выдыхает.

– Было довольно далеко, но, как я и сказал, в очках я вижу нормально. Я увидел, как миссис Уорнер пытается вырваться из хватки какого-то мужчины. Все произошло очень быстро. Я увидел ее, потом посмотрел под ноги, чтобы не споткнуться о камни, а когда снова поднял взгляд, их уже не было.

– Какого роста был этот мужчина? Во что он был одет?

Мистер Беккер задумывается, прикрыв на секунду глаза.

– Среднего роста, – говорит он наконец. – Кажется, на нем была бейсболка. И оранжевая куртка. Насчет этого я уверен. Или, может, красная куртка. Но скорее оранжевая.

– Моему напарнику вы ничего не говорили про куртку, – замечаю я.

Мистер Беккер разводит руками.

– Он не спрашивал.

– Хорошо, – говорю я. – Это очень полезно. Это нам поможет. Что насчет миссис Уорнер? Вы помните, как она выглядела? Во что была одета?

Мистер Беккер вновь задумывается.

– Соломенная шляпа – это я хорошо помню. И белое платье, – добавляет он менее уверенно. – Или, может, голубое? Она была в платье, это точно. Знаете, такое легкое, полупрозрачное, их нынче надевают поверх купальников. Я даже в магазине видел девушек, одетых так. Через эти платья все видно. Но я не жалуюсь.

Я улыбаюсь. Не очень-то пристойное замечание, но мистера Беккера не назовешь похотливым старикашкой.

– Парео, – говорю я.

– Как скажете.

– Что-нибудь еще?

– Нет, – говорит он. – Она как сквозь землю провалилась. И нападавший тоже. Я набрал 911. Муж почти доплыл до берега, когда я положил трубку.

– Как он себя вел?

– Как и сказал, он был в панике. Мало что понимал. Девочка рыдала, он велел мне позвонить в полицию. Дескать его телефон не ловит сигнал. «Ти-Мобайл», наверное. У них здесь плохо с покрытием.

Дальше он рассказывает, что Адам оставил Обри с женщиной из соседнего коттеджа, а сам побежал вверх по склону за коттеджами, надеясь догнать похитителя. Потом они вместе дожидались приезда полиции.

– Случилось ли что-нибудь за время ожидания? – спрашиваю я. – Как вел себя мистер Уорнер?

– Почему вы им так интересуетесь?

– Это стандартная процедура.

– Он был в лодке, когда миссис Уорнер похитили. Клянусь, это чистая правда.

– Я знаю, – говорю я. – Но обязана спросить. Скажите, как он себя вел?

Уинстон садится обратно на пол и пытается выкусить из шерсти блоху.

– Он был совершенно раздавлен, – говорит мистер Беккер. – Его жену только что похитили. Как, по-вашему, он мог себя вести?

Не поспоришь, думаю я.

Мы еще некоторое время обсуждаем то, что он увидел и тот факт, что у него вполне приличное зрение, хотя, по-хорошему, ему не помешало бы заказать новые очки.

– Страховка для пенсионеров – сплошное издевательство, – говорит он. – Столько дурацких ограничений.

Хотя плохое зрение – повод насторожиться, его уверенность меня успокаивает. Он проводит для меня небольшую экскурсию. Я замечаю свадебную фотографию мистера Беккера и его жены.

– Очаровательная пара, – говорю я.

Он смотрит на фотографию. Это черно-белый снимок, очень умело подкрашенный вручную. Неброско, самую малость – так, чтобы оживить и без того прекрасное изображение.

– Знаете, что такое настоящая трагедия?

Я молчу. На глаза у него наворачиваются слезы.

– Потерять ее, – говорит он. – Тот парень очутился в настоящем аду. Потерять жену – невероятно больно. И очень одиноко.

– Соболезную, – говорю я, направляясь к выходу. – По крайней мере Уинстон составляет вам компанию.

– Уинстон? – переспрашивает мистер Беккер.

Он выглядит озадаченным, так что я наклоняюсь и глажу пса по голове.

– Этот красавчик, конечно же.

Мистер Беккер хмурится еще сильнее.

– Это не Уинстон, – говорит он. – Его не стало много лет назад. Этого пса зовут Реджи.

Вернувшись на место преступления, я нахожу Монтроуза и пересказываю ему разговор с мистером Беккером. С некоторой долей неохоты – пожилых людей часто незаслуженно обвиняют в проблемах с памятью. Я упоминаю, что он назвал диспетчеру неправильную кличку.

– Это мелочь, – замечаю я.

Монтроуз щурится, глядя на солнце, и снимает очки, чтобы протереть их.

– Может, и не мелочь.

Он прав. Мистер Беккер – единственный, кроме Адама, свидетель преступления.

Коннор

– Это был коп? – спрашиваю я Кристен, когда она возвращается в спальню «Лилии».

Я лежал там без сил, как сбитое автомобилем животное, с самого нашего приезда. Когда кто-то постучал в дверь, я с огромным трудом приподнялся на коленях, чтобы выглянуть в окно, и вроде бы заметил полицейскую форму, но тут же упал обратно в постель. Каждый мускул в моем теле охвачен болью, а в голове будто перекачивается множество металлических шариков, как в старой машине для пинбола, которую отец купил когда-то нам с сестрой.

– Да, – говорит Кристен. – Пропала женщина, они ее ищут.

Я пытаюсь сесть, оперевшись о пару пуховых подушек, но они чересчур мягкие. Я смотрю на телефон: два пополудни. Я опускаюсь обратно в облако одеял, но приподнимаю голову.

– Откуда пропала? – говорю я, пытаюсь перебороть прилив тошноты. – Не понимаю.

– Из крайнего коттеджа, – говорит она. – Ее вроде как похитили.

Мне с трудом удастся осознать и повторить последнее слово: «Похитили?»

– Я толком ничего не знаю. Сказала им, что тебе нездоровится. Потом нужно будет дать показания. Ну, знаешь, выполнить гражданский долг.

Я слегка киваю. Кристен – самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Светловолосая и голубоглазая, она могла бы стать супермоделью, если бы захотела. Я в этом уверен. Она могла бы стать кем угодно. Она очень умна. Ей тридцать девять, и она вот-вот станет партнером в юридической фирме.

– Выпей, – говорит она, протягивая мне стакан с теплой мутноватой жидкостью. – Я нашла в кладовке соду. Тебе полегчает.

Я приподнимаюсь на мягких подушках и залпом выпиваю пенящуюся жидкость.

– Спасибо, милая, – говорю я. – Прости, что так получилось.

С ее лица исчезает всякий намек на доброту, оставляя лишь хорошо отработанное выражение разочарования. Я видел, как она поворачивалась с таким лицом к присяжным, когда свидетель говорил не то, что следует.

Но мне действительно жаль.

Она делает вид, будто не может подобрать слова. Я знаю, что это не так, потому что моя жена всегда знает, что сказать, особенно когда дело касается меня.

– Тыпил весь день, Коннор, – говорит она наконец с протяжным вздохом. – Весь день напролет. Я зря взяла тебя с собой. И зря позволила тебе достать ту бутылку текилы.

Я морщусь при слове «текила».

– Ну не знаю, – говорю я.

Кристен присаживается на край кровати: «Еще как знаешь».

Она права. Знаю.

Мне хочется напомнить ей, что она могла бы помочь. Подливать мне алкоголь и потом жаловаться, что я слишком много пью, – не очень-то честно. Но я не могу этого сказать. Я знаю, что она любит меня, и в конце концов это моя битва.

– Да, – говорю я. – Мне пора завязывать.

Она могла бы сказать, что слышит это уже не в первый раз, но, к счастью, не говорит.

– Верно, – отвечает она вместо этого, забирая у меня стакан.

Теперь она снова смотрит на меня с нежностью. С печальной, но искренней улыбкой. Ее голубые глаза видят меня насквозь. Она любит меня больше всего на свете, но я знаю, что мое время с ней может вот-вот подойти к концу из-за всего, что я совершил. И продолжаю совершать. Мне нужна помощь. Лечение. Ненавижу это слово – из-за него я кажусь таким слабым; но после вчерашнего Кристен вряд ли даст мне еще один шанс. Когда она принимает решение, ее крайне сложно переубедить. Хотелось бы мне иметь такую уверенность в себе. Но, увы, я слишком мягок, слишком податлив. Я – словно комок теста. А моя жена – скалка. Несмотря на некоторые сложности, мы хорошо дополняем друг друга. Когда-то я сомневался в этом, но откуда мне знать? Она юрист. А я – официант. Хороший официант. Но все же.

– Я не смогла сделать это ради своего отца, – говорит она, напоминая, что выросла с алкоголиком, что сильно на нее повлияло. –

И не могу сделать ради тебя, Коннор. Тебе самому придется пройти все шаги к выздоровлению. Я буду рядом, но я не могу сделать это за тебя.

На самом деле я уже пытался, но потерпел неудачу.

– Я чувствую себя ничтожеством, – говорю я. – Я запишусь к своему врачу, поговорю насчет возможного лечения.

– Милый, – говорит она, – я в тебя верю. Правда. Коннор Мосс – вовсе не ничтожество.

– Иногда мне трудно с этим согласиться, – говорю я.

Она смотрит на меня своими пронзительными голубыми глазами: «С этим тебе тоже придется справиться самому».

Кристен встает и смотрит на меня мягким, но знающим взглядом. Она настоящий ангел. Иначе и быть не может. Ни одна другая женщина не стала бы меня терпеть.

– Тебе нужно принять душ, – говорит она. – Ты пахнешь как ликероводочный завод.

Мне удастся улыбнуться ей в ответ.

– Это последний раз, Кристен, – я не добавляю «*клянусь*». Я слишком легко разбрасывался этим словом раньше. Много раз.

Я встаю с постели и добираюсь до ванной. Это маленькая комнатка, отделанная от пола до потолка стеклянной мозаикой. Из открытого окна доносятся звуки проезжающих по шоссе машин. Звучит сирена. Должно быть, дополнительный наряд полиции.

Пропажса. Похищение. Потеря. Слова крутятся у меня в голове, когда я включаю душ и жду, пока не нагреется вода. Это кажется выдумкой, чем-то, что я увидел по телевизору. Криминальная хроника. Я смотрю на свое отражение в зеркале. Я высок ростом и в хорошей форме. Волосы у меня выглядят лучше, чем когда-либо выглядели у моего отца, и я признателен за это. Цвет лица в данный момент слегка нездоровый, но это пройдет, когда я попью воды. На правом плече – паутина шрамов, доставшихся мне в память о давней автомобильной аварии. Для официанта я выгляжу вполне неплохо. Для мужчины, женатого на влиятельной женщине, – не так шикарно, как мог бы. И как выглядел когда-то.

Шрамы, шум воды и сирена за окном пробуждают во мне воспоминание. То, о котором я стараюсь не думать. Не потому, что хочу забыть – это было бы ошибкой, – но потому, что этот момент изменил всю мою жизнь. К худшему. Из душа идет горячая вода, и я намыливаюсь, ощупывая бугорки шрамов на плече. Я ковыряю порез на руке, и вода окрашивается красным.

Это тоже навевает воспоминания.

Это было задолго до того, как я встретил Кристен. Мне было двадцать четыре, и я приехал в Хантингтон-Бич в гости к своим кузенам. Богатым кузенам. Я как раз окончил социологический факультет Южно-Калифорнийского университета и занимался тем, чем злоупотребляю сейчас. Мы с кузеном Робом провели весь день на пляже, потягивая пиво. Мы были пьяны, не на шутку пьяны. Когда у нас закончилось пиво, Робу взбрело в голову прогуляться по пляжу с пачкой наличных, покупая выпивку у всех, у кого она имелась. Роб умел убеждать. Его белозубая улыбка и сонная, непринужденная манера поведения располагали к нему людей.

Мы перебрали. Но все равно выпили еще. Я отрубился, пока Роб играл в волейбол с симпатичными девчонками. Солнце пригревало. Я чувствовал себя отлично. Я был пьян, но на пляже это не так уж и плохо. Мне казалось, что все идет прекрасно.

Я ошибался.

За несколько недель до этого я приступил к поискам работы и успел получить несколько заманчивых предложений. На следующей неделе мне предстояло собеседование на позицию по работе с молодыми совершеннолетними преступниками – не то чтобы работа мечты, но для начала неплохо.

Когда солнце начало опускаться за горизонт, Роб вернулся и предложил заехать в пару баров. Он указал на стоявших неподалеку девушек. Как и все девушки в Лос-Анджелесе, они были прекрасны. Безупречны.

– Они хотят потусить вместе, – сказал Роб, направляя на девушек свое секретное оружие – фирменную белозубую улыбку, озаряющую пляж, словно луч прожектора.

Высокая блондинка повесила на плечо пляжную сумку и помахала мне.

– Круто, – сказал я.

Последнее, что я отчетливо помню, – как мы с Робом сели в его ярко-красный «БМВ» с открытым верхом. Роб был слишком пьян, чтобы садиться за руль. Как и я, но мне казалось, что, если я буду вести осторожно и не стану соваться на скоростную магистраль, то смогу довезти нас до дому. На полпути Роб начал издавать мерзкие гортанные звуки, показывая, что его вот-вот вырвет. Никому не нравятся эти звуки и то, что за ними следует. А меня от них и самого начинает тошнить.

– погоди, Роб, – сказал я. – Дай мне притормозить.

– Ох, – сказал он, – сейчас сблую.

– Высунь голову в окно!

Я опустил стекло и подтолкнул Робу, чтобы он высунул голову, пока я не найду, где остановиться. Обочина была полна машин. Притормозить было негде, так что я прибавил газу, чтобы найти подходящее место.

Я не заметил фургон. И не заметил красный свет светофора. На скорости сорок пять миль в час я каким-то образом успел вывернуть руль. С тех пор я верю в Бога. Фургон был набит битком. Семья из семи человек ехала в Диснейленд, по пути осматривая местные достопримечательности.

Следующее, что я помню, – как очнулся в больнице Хантингтон-Бич, напичканный какими-то трубками. Я с трудом соображал, хотя ситуация была довольно очевидна. У двери стоял полицейский.

– Что случилось? – спросил я у врача.

У нее было мрачное выражение лица: «Вы выехали на красный свет».

Точно. Я был за рулем.

– Боже, – сказал я, пытаюсь привстать. Все мое тело охватывала боль. Плечо было перебинтовано. Я едва мог двигаться. Но все это не имело значения. Я тут же подумал о кузене.

– Что с Робом? Моим кузеном?

– Вам обоим повезло, – сказала врач. – Вам – больше, чем ему. Но вы оба живы.

Позже я узнал, что Роб получил травму мозга и так от нее и не оправился. Это тяжело сознавать. И все из-за меня. Я знал это. Мне не следовало садиться за руль. Я думал, что справлюсь. Как глупо.

Я стал преступником. Из-за моих действий пострадал пассажир, поэтому мне предъявили обвинение в совершении тяжкого преступления. Я был не в состоянии возразить, да и в любом случае не стал бы. Роб никогда меня не винил, но мне кажется, дело в травме мозга. В том, что Роб не до конца осознавал, какие последствия повлек за собой тот день на пляже. Я провел за решеткой один-единственный день перед условным освобождением. Не потому, что был невиновен, а потому, что в тюрьме не было места.

Повезло. Или нет.

Хоть в чем-то Господь меня помиловал и я никого не убил: пятеро детей вернулись домой в футболках с Микки-Маусом, сувенирами и захватывающим рассказом.

Но преступления не так-то легко смыть. Они следуют за тобой неотступно, словно тени. Я не смог получить работу, на которую рассчитывал. Не смог получить вообще никакую приличную работу. Как выяснилось, единственное, на что я мог рассчитывать в краткосрочной перспективе, – это позиция официанта. Со временем краткосрочная перспектива превратилась в долгосрочную. Впрочем, не все так плохо. На работе я встретил Кристен. Она только-только окончила юрфак Вашингтонского университета, а я переехал в Сиэтл, чтобы начать все заново. Она была на четыре года старше меня, гораздо умнее, и я еще ни у кого не видел таких добрых глаз.

Я был настоящим везунчиком, когда она согласилась пойти со мной на свидание. Я все еще настоящий везунчик. Каждый раз, когда я смотрю на свою жену, я вижу добродетель. И оттого мне еще больнее, когда я думаю о том, что произошло с нами за последние несколько лет.

Не понимаю, в чем дело. Я все им рассказал. Но детективы топчутся на месте. Говорят с той бабушкой и даже с ее внуком, вместо того чтобы приступить к поискам Софи. Объявить ее в официальный розыск или что-то типа того. Может, они уже это сделали? С момента пропажи прошло больше четырех часов. Обри разве что на голове не стоит из-за сахара в этом проклятом фруктовом льде, а я сижу и пытаюсь понять, как мне найти ее маму.

Найти Софи.

Привести ее домой.

Вернуть мою жену.

Спассти ее.

Я думаю, что еще я могу сказать детективам, но, когда они снова подходят ко мне, их слова совершенно выбивают меня из колеи.

– Мы заметили, что либо вы, либо ваша жена прошлой ночью спали на диване, – говорит детектив Монтроуз.

Он обвиняет меня. Или мне так кажется. Не знаю. Мне еще не доводилось быть мужем пропавшей женщины. Я защищаюсь, потому что знаю, что они хотят повесить все на меня. Я видел это по телевизору. Копы всегда подозревают мужа.

– Вот как? – я пытаюсь сохранять спокойствие, но у меня плохо получается. – Это все, что вы можете сказать? Какого черта? Господи! Да, я спал на диване, потому что Софи простудилась. Мы даже думали отменить из-за этого поездку. На что вы намекаете? Что мы поссорились?

– Мы просто спрашиваем, – говорит Ли. – Мы обязаны спросить.

– Ладно, – говорю я, скаля зубы.

Это инстинктивная реакция. Я ничего не могу с ней поделать.

– Что вы предприняли, чтобы ее найти? – спрашиваю я, изо всех сил стараясь не потерять самообладание. – Ее здесь нет. Вы это видите. Какой-то ублюдок ее похитил. Почему вы не опрашиваете местных жителей, не обыскиваете окрестности?

– Мы уже разослали ориентировку, – говорит Монтроуз. – Но у нас ничего нет, кроме фотографии с ее водительского удостоверения. Мы не знаем, был ли у похитителя автомобиль или грузовик. Слишком мало информации.

– Адам, – говорит Ли, – мой напарник прав. Мы слишком мало знаем. То, что ты разглядел без очков с расстояния в сотню ярдов, не особенно нам помогло. Красная куртка. Какой-то головной убор, по словам другого свидетеля. Средний рост, средний вес.

– Это все, что я знаю, – говорю я.

– Да, – говорит она. – Понимаю.

Я рассчитываю, что полицейские мне поверят, но из газет и передач я знаю, что ты попадаешь под прицел, как только заявляешь о пропаже или гибели жены. Сочувствия хватает минут на пять – потом оно сменяется подозрениями и обвинениями. Поначалу тихими. Они исходят от посторонних наблюдателей, ни на что не влияющих. Но потом отдельные шепотки объединяются в многоголосый хор. Я никогда не думал, что такое произойдет со мной. Я никогда не думал, что мою жену похитят.

– Вы слышали что-нибудь необычное прошлой ночью? – детектив Монтроуз заносит ручку над блокнотом, готовясь записать мой ответ.

– Я уже сказал бы вам, если бы что-то слышал.

– Около двух часов ночи? Довольно поздно, – теперь говорит Ли.

– Нет, я ничего не слышал. Ли, за что ты так со мной? – я смотрю на нее в упор. – Ты же меня знаешь. Но расспрашиваешь так, будто не веришь ни единому моему слову.

Ли сглатывает. Ее бледное лицо охватывает легкий румянец. В детстве она всегда краснела, когда я ее дразнил. Сейчас румянец едва заметен. Но он все же есть. Хорошо. Я отвратительно себя чувствую. Да и в целом в атмосфере хватает враждебности. Они не желают сосредоточиться на том, что произошло с Софи.

Вместо этого они сосредоточились во мне. Это не должно меня удивлять. Но почему-то удивляет.

– Это был громкий шум, – говорит Ли. – Мальчик его услышал. Сказал, было похоже на звук захлопывающейся двери.

– Я ничего не слышал, – говорю я. – Вы двое вообще меня слушаете?

Мне начинает казаться, будто я погружаюсь в зыбучий песок. Опускаюсь все ниже и ниже, пока эти копы смотрят на меня сверху. Ниже и ниже. Они нависают надо мной. Я сжимаюсь под весом их расспросов и понимаю, что потерял всякий контроль над тем, что происходит вокруг. Я не на работе, где я всегда могу соврать своей начальнице и сделать то, что хочу. Здесь я не могу велеть своим подчиненным действовать так, как я считаю нужным. Не то чтобы я хоть раз вынуждал кого-то сделать что-то аморальное. Вовсе нет. Искать обходные пути, чтобы побыстрее расправиться с заданием – совершенно нормально. Но тут я оказался бессилён.

– Мы просто выполняем свою работу, Адам, – говорит Ли.

– Что-то незаметно. Я видел, как кто-то ударил мою жену, схватил и утащил ее, а вы это игнорируете.

– Мы ничего не игнорируем, – говорит детектив Монтроуз. – Мы просто хотим разобраться, как обстояли дела между вами и вашей женой. Может быть, Софи обиделась на что-то и сбежала. Моя жена сделала так однажды. Уехала к сестре на выходные, оставила меня наедине с бутылкой джина.

Ли по-прежнему глядит на меня, но я вижу, как она напрягается. Слова напарника стали для нее неожиданностью. Думаю, если по пути обратно они устанут обсуждать пропажу Софи, то переключатся на его брак.

– Наши отношения в полном порядке, – говорю я. – Если вы хотите махнуть рукой на все, что я вам рассказал, – дело ваше. Как знаете. То, что с ней сейчас происходит, будет на вашей совести. Я рассказал вам, что видел. Мы не ссорились, она не могла просто так убежать. Мы были счастливы.

К «Глицинии» подъезжает чей-то автомобиль.

– Родители твоей жены? – спрашивает Ли.

Я качаю головой: «Нет. Они приедут только через час».

Пару секунд я стою на месте. Молча. Все еще в зыбучем песке. Я держу Обри. Она не до конца понимает, что происходит, как и я.

– Я знаю, что я видел, – говорю я наконец. Слова неловко повисают в воздухе.

– Конечно, – говорит Ли.

– Что дальше? – спрашиваю я.

Детектив Монтроуз смотрит на темнеющий берег Худ-Канала; кучевое облако заслоняет солнце. Монтроуз молчит, как и Ли. Может быть, это специальная тактика, а может быть, они не знают, что мне ответить.

– Ты останешься ночевать здесь? – спрашивает Ли.

– Куда еще мне деваться?

– Пожалуй, не лучшее место для девочки.

– Спасибо за заботу, Ли. Моя жена пропала, и я останусь здесь. Ее родители скоро приедут. Наверное, заберут Обри с собой.

Я поворачиваюсь к своей малышке. Она выглядит напуганной и растерянной. И я не знаю, что сказать, чтобы ее утешить.

– Хочешь увидеться с бабушкой Хелен и дедушкой Фрэнком? – спрашиваю я.

Она едва заметно кивает.

Ли подает голос.

– Это хорошая идея, Адам. Но сначала нам нужно поговорить с Обри.

– Это еще зачем? Она ничего не знает. Она всего лишь ребенок.

– Она свидетельница преступления, – говорит Монтроуз.

– Так нужно, Адам, – говорит Ли. – Стандартная процедура. Пойми.

Я понимаю. Но мне все равно кажется, что выпытывать у трехлетней девочки подробности о самом ужасном событии в ее жизни – плохая идея. Этот разговор может еще сильнее ее травмировать.

– Я не уверен, – говорю я наконец.

– Я уже проводила такие разговоры, – говорит Ли. – Можешь остаться, но мне надо с ней поговорить. – Она переводит взгляд на Монтроуза.

Его это тоже касается.

Под пристальными взглядами ее отца и моего напарника мы с Обри Уорнер садимся рядом на бетонных ступенях, ведущих к пляжу. Мы смотрим на воду, и суeta за нашими спинами постепенно отдалается. Незнакомцы. Полицейские машины между тремя коттеджами. Мигалка на одном из автомобилей. Тревога на лице Адама.

– Обри, – говорю я ей, – я знаю, что ты большая девочка.

Та слегка улыбается: «Да, я большая».

– Я знаю, – говорю я. – И мне нужна твоя помощь.

Обри находит на ступеньке ракушку и протягивает ее мне: «Мама тоже любит ракушки».

За эту реплику легко зацепиться.

– Расскажи мне про свою маму, – прошу я, беря ракушку. – Ты видела ее на пляже перед тем, как она исчезла?

– Ее забрал плохой человек.

– Как он выглядел?

Она поворачивается к Адаму и Монтроузу и тыкает в них пальцем.

– Как он.

– Как твой папа?

– Нет. Как *он*.

Она имеет в виду Монтроуза, который старше Адама.

Я спрашиваю, может ли она еще как-то описать этого мужчину, но Обри не знает, что сказать. Просто мужчина.

– Он ее забрал. Он забрал маму.

– Да, – говорю я, – я знаю.

– Найдите маму.

Я хочу обнять ее. Пообещать, что мы непременно найдем ее маму. Но я знаю, чем могут обернуться такие обещания.

Смотреть, как твоего ребенка допрашивают, — невыносимо. Умом ты понимаешь, что детектив просто выполняет свою работу, но сложно понять, зачем все это нужно. Дети не помнят даже, что они ели на завтрак, если только это не была их самая нелюбимая пища. Они не знают, случилось ли что-то десять минут или два часа назад. Мне приходится сдерживаться изо всех сил, пока Ли выпытывает у Обри несуществующие детали.

Но я сдерживаюсь. Так надо. Их разговор как раз подходит к концу, когда я замечаю бордовый «Бьюик» родителей Софи.

Я рассказал им о случившемся по телефону, хотя лучше было бы объяснить все лично.

— В каком смысле ее забрали? — спросил меня Фрэнк. — Кто ее забрал?

— Не знаю, — ответил я. — Я не разглядел.

— Да какого... Что ты за мужик, если допустил такое?

Дубина стоеросовая. Тупой увалень. Трепло. Вот что я думаю про Фрэнка Флинна. Я не говорю об этом ему в лицо. И Софи не говорю. Просто улыбаюсь и терплю его выходки. По ночам я часто сжимаю зубы, и в этом наверняка виноват Фрэнк. Но я не собираюсь каждую ночь вставлять в рот каппу только затем, чтобы смириться с его присутствием в моей жизни.

Фрэнк вываливается из машины и идет в моем направлении, а Хелен семенит за ним, словно чемоданчик на колесах. Он одет в свою садоводческую одежду. Она одета так, словно собиралась в гости к подруге. Скорее всего, так оно и было. Она никогда не упускает возможности пойти куда-нибудь без Фрэнка. Я ее не виню. Она серая мышка. Но достаточно умна, чтобы держаться подальше от своего мужа. Так далеко, как только возможно.

Обри бежит к своей бабушке, не останавливаясь рядом с Фрэнком. Ей он тоже не нравится. Обычно эта мысль меня радует. Но не в этот раз. Сегодня не день для радости.

– Черт возьми! – кричит Фрэнк детективам. – Что случилось с моей дочерью? Где она? Это моя единственная дочь, дьявол вас поberi!

Ли представляет себя и своего напарника как детективов из округа Мейсон.

– Господи! – раздраженно фыркает Фрэнк. – Нельзя было вызвать копов, которые умеют делать свою работу? Кого-нибудь из Сиэтла?

Хелен тянет своего мужа за рукав. Она слаба, но Софи – и ее дочь тоже.

– Фрэнк, это так не работает.

Я представляю, как прошло их путешествие из Сиэтла. Наверняка Хелен всю дорогу просидела в гробовом молчании, пока он крыл Софи на чем свет стоит за то, что она вышла за меня замуж.

«Менеджер “СкайАэро”! Она могла выбрать кого угодно, черт подери!»

Я знаю, что Хелен не стала бы меня защищать. Не потому, что ей нет до меня дела. Просто не хватило бы храбрости.

Фрэнк кидает на свою жену холодный взгляд. *Его жена*. Его собственность. Его питомец. Его аксессуар. Я часто гадаю, не избивает ли он ее втайне – так, чтобы под длинными рукавами не было видно синяков.

Потом он поворачивается ко мне.

– Они найдут ее, Фрэнк, – говорю я, и слова звучат скорее как жалобная просьба, чем констатация факта. Этот задира всегда так на меня действует. Словно высасывает весь кислород вокруг. Не дает возможности защитить себя. Он мелкий, но талантливый тиран.

– Если с моей Софи что-то случится, – говорит Фрэнк, весь трясаясь от злости и поддевая землю носком ботинка, – это будет твоя вина!

Пока Адам Уорнер и Хелен Флинн собирают вещи Обри, мы с Монтроузом беседуем с отцом Софи. Уже начало пятого, и солнце ощутимо припекает, поэтому мы прячемся под тенью кедров между коттеджами.

– Похоже, вы недолюбливаете зятя, – говорит Монтроуз.

Фрэнк Флинн кивает.

– Он тот еще засранец, так что да, недолюбливаю. Расхаживает, словно он важная шишка. Вечно ждет какого-то повышения, которое так и не приходит, – он на секунду замолкает и смотрит в сторону «Глицинии». – Хороший отец, пожалуй, – единственное достоинство.

– А какой из него муж? – спрашиваю я.

Фрэнк не скупится на обвинения: «Никудышный. Самовлюбленный. Эгоистичный».

Чья бы корова мычала, думаю я.

– Значит, вы не ладите, – говорю я.

– Ладим, – отвечает Фрэнк без тени сомнения. – По большей части. Он знает свое место, а это самая важная часть битвы, не так ли?

– Пожалуй, – отвечаю я, пытаюсь сообразить, почему он называет замужество дочери битвой. Я помню, как дружна была семья Адама, когда мы вместе росли в Шелтоне. Мои родители развелись, когда мне было шестнадцать, а родители Адама не просто остались вместе – они были счастливы. Однажды они взяли Кипа с собой в Диснейленд. Боже, как мне хотелось поехать с ними. Адам об этом знал и позаботился, чтобы Кип привез мне в подарок ободок с мышинными ушками, на которых было вышито мое имя. Эти ушки до сих пор валяются где-то у меня дома. Мистер Уорнер работал на лесопилке, а миссис Уорнер – библиотекарейшей в начальной школе. Они были хорошими людьми.

– Между ними все было гладко? – спрашивает Монтроуз. – Никаких проблем в браке?

– Была пара конфликтов, – говорит Фрэнк с внезапной неохотой, – еще до рождения Обри.

– Каких конфликтов? – уточняю я.

– Софи хотела переехать в Нью-Йорк, – говорит он. – Она работает графическим дизайнером. Отличный специалист. Не какой-то ленивый фрилансер, который мечтает стать художником. Софи слишком умна для этого и слишком талантлива. У нее был шанс попасть в одно из самых престижных агентств в мире, но Адам отказался уходить с работы в «СкайАэро». Можно подумать, это такая завидная карьера, тоже мне.

По меркам Шелтона «СкайАэро» – действительно весьма солидное место работы. Когда я узнала от общего знакомого, что Адам занял высокую должность в аэрокосмической фирме, то порадовалась за него. Я летала на самолете всего три раза в жизни. Успех Адама произвел на меня впечатление. Это солидно. Уж точно лучше, чем работать на лесопилке или в порту Брементона, как большинство местных парней и девушек.

– Но они смогли договориться? – спрашиваю я.

– Скорее, зашли в тупик, – говорит Фрэнк. – Она по-прежнему хотела уехать. Он по-прежнему настаивал, что вскоре окажется во главе этой своей конторы. Я сказал ей, чтобы бросала его, и, по-моему, она почти согласилась. Но вскоре забеременела. Ее последний шанс чего-то добиться оказался потерян. С концами. А все из-за него.

Я прикусываю язык. Как по мне, ребенок не мешает жить своей жизнью. Мои родители едва сводили концы с концами, но мы никогда не знали нужды в любви и поддержке. Папа работал, пока хватало сил. Мама тоже. У них не было ничего, кроме школьных аттестатов и неиссякаемого оптимизма.

– Но они все же договорились? – повторяю я.

Фрэнк вертит ключи от машины:

– Ну да, пожалуй. Мне это было не по душе. Я думал, забеременев, она задумается о будущем, но... Нельзя прожить чужую жизнь, знаете ли.

Не уверена, что он действительно в это верит. За десять минут нашего знакомства у меня сложилось впечатление, что он хотел бы контролировать дочь, как чревоуещатель контролирует свою куклу. Его слова, ее голос, его планы.

Мы смотрим, как мимо проплывает пара ярко-зеленых каяков. Наши слова разносятся над водой, словно мы говорим в мегафон.

Когда каяки уплывают, Монтроуз вновь подает голос.

– Софи не говорила, что ей кто-то досаждают? – спрашивает он. – Может быть, на работе?

Фрэнк отрицательно качает головой:

– Был один настырный экс-бойфренд из старшей школы, но довольно давно.

Он достает из кармана бумажник и находит там пару фотографий дочери. Одну из них он протягивает нам.

– Настоящая красавица, – говорю я.

– Я всегда считал, что она похожа на кинозвезду, – говорит Фрэнк. – Само собой, с ней часто заигрывают, но она умеет отваживать ненужное внимание, поэтому-то я так зол, что она сошлась с Адамом.

– К чему это вы? – спрашивает Монтроуз.

– Черт, – говорит Фрэнк, – она не была особенно заинтересована в Адаме. Ну вы сами понимаете. Такая девушка и такой парень. Вам кажется, я ненавижу своего зятя. Это не так. Я просто ненавижу заурядность. Презираю. Адам волочился за ней. Не давал ни минуты покоя. Хотел быть с ней. Я думал, она стряхнет его, как дерьмо, налипшее на ботинок, но нет. Он добился-таки своего. Завоевал ее.

Я спрашиваю, можно ли оставить фотографию.

– Я верну ее позже.

– Да нет, – отвечает он, – не волнуйтесь. У меня хватает фотографий. Оставьте себе, детектив. Просто найдите мою дочь.

Я слышу, как Хелен, Обри и Адам выходят из коттеджа. Хелен несет крохотный розовый чемоданчик. Я уже видела его в спальне с двухъярусной кроватью. Обри тащит потрепанную игрушку, практически подметая ею террасу. Адам замыкает процессию, и втроем они приближаются к тени кедров. Его лицо непроницаемо. Может быть, он горюет. Вероятно, в шоке.

Пока я собираю вещи Обри, Хелен почти ничего не говорит. Она вообще предпочитает молчать. Не помню, когда она в последний раз говорила хоть что-то мало-мальски важное. Я знаю, что муж тиранит ее и в созданном им мире для нее почти нет места. Я знаю, что после колледжа Софи осталась жить у родителей, чтобы поддержать маму. Хелен слаба, это так. Не из-за депрессии (хотя она в депрессии) и не из-за алкоголизма (трудно винить ее за лишний бокал вина в середине дня). Она словно обитает на окраине мироздания. Как будто Фрэнк правит их миром и позволяет ей ютиться там, пока она стирает его вещи и убирается по дому.

Я стараюсь быть с ней приветлив. Фрэнк никогда не передумает на мой счет. Он не умеет менять свое мнение. Всегда стоит на своем. Когда-то мне казалось, что через Хелен я смогу наладить хоть какие-то отношения с ними. Быть может, отчасти ее присутствие и вправду смягчает ситуацию, но в общем и целом мой план провалился.

– Мне страшно, – говорит она, когда мы выходим за дверь.

У Хелен голубые глаза, и я впервые обращаю внимание, как они покраснелись. Наверняка она рыдала всю дорогу, пока Фрэнк в красках расписывал, какая ужасная судьба могла постичь Софи. Можно подумать, самого похищения недостаточно.

Представляю его монолог: «Ее прикончил серийный убийца» – «Возможно, ее прямо сейчас насилует какой-то маньяк». – «Ее убили, выпотрошили и закопали».

А Хелен меж тем сидела, прислонив голову к окну, – я вижу, как прижаты ее волосы с одной стороны, – плакала и бессильно шептала в кондиционируемый воздух: «Ее найдут, Фрэнк».

– Что? Ты что-то сказала?

Она продолжала смотреть на дорогу, потому что Фрэнк, встретившись с ней взглядом, непременно нашел бы способ заткнуть ей рот.

– Мы не можем ее потерять, – сказала она.

Сейчас она говорит:

– Фрэнк будет винить во всем тебя.

Может быть, это предупреждение. Может быть, она хочет ранить меня так, как муж ранит ее.

– Он попытается доказать Софи, что ты никудышный муж, – она говорит все это, не глядя на меня, а потом идет в ванную, чтобы помочь Обри с краном.

– Когда мама вернется? – спрашивает Обри. Она выглядит озабоченной и явно понимает лишь, что ее мама куда-то ушла. Но не знает как. И почему.

– Скоро, – говорю я.

Она смотрит на меня снизу вверх.

– Я хочу ее подождать.

– Да, – говорю я, – я знаю. Но не выйдет. Тебе нужно поехать с бабушкой и дедушкой. А папа поможет найти маму, и потом мы вместе за тобой приедем. Хорошо?

Нелепый план, но Обри соглашается.

– Милая, – говорит Хелен, – все будет хорошо. Обещаю.

Не знаю, как она может пообещать что-то подобное, но я ей признателен. Я почти готов простить ей то, что она сказала снаружи. Она просто повторяла то, что сказал Фрэнк. Хотя милосерднее было бы не распространять его яд. Я смотрю, как Хелен берет мою дочь за руку, и гадаю, не путаю ли я отстраненность с добротой. Молчание с заботой. На самом деле нам не дано узнать, что думают другие. Мне хочется ладить с Хелен Флинн, но, возможно, она этого не заслуживает.

– Детское кресло в машине у Софи, – говорю я.

Я вижу, как Фрэнк размахивает руками, наверняка втолковывая детективам, какой я отброс общества и как Софи следовало бы найти себе кого-то получше.

– Кого угодно! – сказал бы он.

Детективы и мой тесть молчат, когда мы приближаемся. Какое удовольствие – оказаться на линии огня в худший день своей жизни. От Фрэнка Флинна другого и ожидать не стоило.

Уезжая, мой тесть демонстративно газует, будто бы его «Бьюик» – гоночная машина. Детективы отправляются обратно в участок, пообещав напоследок держать меня в курсе дела, и вот я остаюсь один. Обри здесь нет. Софи тоже. Я не знаю, что делать, поэтому просто сижу на бетонной дамбе, раз за разом прокручивая в голове сегодняшний день. Я вспоминаю ловушки на крабов, Софи, вспоминаю, как звал на помощь, полицейских, незнакомцев вокруг. Каждая мысль обвивается вокруг меня удавкой – тяжелой, печальной.

Хруст ракушек под ногами Терезы Диббли вырывает меня из моих размышлений. На ее лице отпечатались долгие годы разочарований и солнечного света.

– Мой внук нашел в лодке, – говорит она, протягивая мои очки.

– Слава богу, – говорю я, надевая их. Мир резко становится отчетливее: лица, мрачная атмосфера – все вокруг.

– Кларк – хороший мальчик, – говорит Тереза, указывая на раскачивающегося на канате подростка. Он долговяз, и его волосы на северо-западном солнце неизбежно выгорят почти что до белого.

– Я могу чем-нибудь вам помочь? – спрашивает она.

У нее добрые глаза. Она – единственная, кто был добр ко мне с тех пор, как Софи пропала.

Я качаю головой: «Нет. Я просто не знаю, что делать. Искать ее? Или остаться здесь на случай, если она вернется?».

Глупый вопрос. Она не вернется.

– Вы ели что-нибудь? – спрашивает она.

Я снова качаю головой: «Я не голоден».

– Понимаю. Но вам надо поесть. Мы собираемся приготовить бургеры на гриле. И, может, немного устриц.

Я благодарю ее:

– Думаю, мне просто стоит прилечь.

Она печально улыбается:

– Держитесь, Адам. Дайте знать, если передумаете. Хорошо?

– Договорились, – отвечаю я.

Белую простыню покрывают красные пятна. Сначала я думаю, что забыла в постели открытую помаду. Черт. Но потом я приглядываюсь, и пятна вызывают во мне тревогу. Я дотрагиваюсь до них и зову мужа.

Коннор входит в спальню; на поясе у него повязано полотенце, хотя он уже довольно давно вышел из душа. Все это время он лежал на диване и тихо постанывал.

– Ты в порядке? – спрашиваю я.

Он прижимает ладонь ко лбу.

– В голове как будто отбойным молотком тарахтят, – говорит он, снимая полотенце и доставая из белого лакированного комода одежду. – Но в целом да. В порядке.

Я рассматриваю его, а потом он вслед за мной переводит взгляд на красные пятна на простыне.

– У тебя идет кровь?

Он мотает головой:

– Да нет. Может, немного. Порезался на работе.

Я пересекаю комнату и рассматриваю порез у него на пальце.

– Многовато крови для такой царапины, – замечаю я.

– Что тут скажешь? – говорит Коннор, натягивая боксеры. – Я много пью и обильно кровоточу.

Я боюсь, что он решит исполнить песню на эту тему. Он это любит. Обычно я не возражаю. Просто сейчас я измотана. Работа. Наш брак. Наши планы завести ребенка. Проблемы наслаиваются одна на другую, и напускная веселость ничуть не помогает. Даже наоборот: попытки Коннора меня подбодрить зачастую имеют противоположный эффект. Дело во мне. Не в нем. Я просто не могу перестать думать обо всем, что нужно сделать. Так уж я устроена. Всегда вовремя. Всегда готова. Меня не переделать. Не стоит и пытаться.

Ночь я провела на сером раскладном диване. Коннор был слишком пьян, чтобы делить с ним постель. Конечно, я надеялась провести первую ночь здесь совсем иначе. Мы вот уже больше

четырёх лет пытаемся завести ребенка. Чего мы только ни предпринимали! Кломифен. Фолиевая кислота. Пищевые добавки для поддержания качества яйцеклеток. Мы измеряли базальную температуру тела. Собрали и заморозили мои яйцеклетки. Мы регулярно криоконсервируем сперму Коннора, чтобы во время обеденного перерыва на работе я могла достать шприц и предпринять еще одну попытку. Да, на работе. Я запираюсь в комнате отдыха и делаю свое дело. Меня это не смущает. Ничуть. Я привыкла делать то, что нужно. Встреча в девять. Заседание в час. Попытка оплодотворения в три. В шесть тридцать дорога домой с плотно сжатыми ногами.

Я знаю, что у Коннора болит голова, но он никогда меня не подводит. На него можно положиться. Отчасти именно поэтому наш странный асимметричный брак и продлился так долго. Хотя я думала, что он будет не просто официантом. Я вышла за него не ради денег, но надеялась, что он сможет найти работу получше. Я пыталась помочь. Даже ходатайствовала насчет той судимости в Калифорнии. В конце концов он ведь был молод и глуп. Но не настолько молод. Закон неумолим: судимость не исчезает только потому, что так хочется жене осужденного.

Я чувствую себя слегка заторможенной. Поездка с пьяным мужем далась мне нелегко, и я выпила одну или две таблетки снотворного, перед тем как отправить Коннора в постель и разложить диван. Но у меня есть дела. Мне тридцать девять, и время на исходе. Как и многие женщины моего поколения, я решила подождать. Я хотела устроить свою жизнь и карьеру, прежде чем стать матерью. Как же несправедливо, что мужчины с этим не сталкиваются. Биология несправедлива. Репродуктивная функция несправедлива. Один из моих коллег – мужчина под шестьдесят с молоденькой женой и двухлетним ребенком. Мне бы хотелось порадоваться за него. Он хороший человек. Но тяжело радоваться тому, что так легко дается другим и ускользает от тебя.

Выпуклость под боксерами моего мужа растет. Я гляжу на нее с одобрением. Более того, будто не могу поверить собственным глазам. Коннору это нравится. Всем мужчинам это нравится. Хотя никакого чуда здесь нет. Я вижу лишь солдата, вставшего по стойке смирно, готового водрузить флаг своей страны.

Печальная истина состоит в том, что секс превратился для нас в рутину. Не столько выражение любви, сколько расчет. Мы спим вместе потому, что я хочу ребенка. Это желание не терпит ни минуты промедления.

Проклятая биология.

Я лежу в постели обнаженная, и Коннор подходит ближе. У него стоит. Это одно из лучших его качеств. Член моего мужа встает быстро, как у подростка. Я раздвигаю ноги и наношу смазку. Мы не утруждаемся предварительными ласками: сейчас я все равно не смогу возбуждаться. Коннор тоже себя смазывает. Радостно улыбается. Порой он и правда похож на подростка. Я поднимаю ноги – хочу, чтобы он вошел в меня так глубоко, как только возможно. Хочу, чтобы сперматозоиды достигли своей цели. Хочу почувствовать горячее семя на шейке матки. И вот Коннор двигается, и у меня вырывается стон. Это приятно. Мне нравится секс. Действительно. Мне хочется полностью отдаться ощущениям, но я не могу. В голове прокручивается одна и та же мысль: *Вдруг в этот раз все получится? Вдруг я забеременею? Вдруг у нас будет ребенок?*

Все заканчивается довольно быстро. Мы оба хотим разобраться с этим делом. Вычеркнуть его из списка.

К счастью, во время секса Коннор обычно молчит. Никаких «деток» и «о да, вот так, я кончаю».

Коннор отстраняется и кладет мне под бедра подушку, чтобы подкрепить нашу мечту.

Я молчу.

– Ты в порядке?

Поначалу я не отвечаю, а потом начинаю бормотать: «Не уверена. Кажется. Надеюсь. Просто думаю о другом».

Мы перестали гадать, какие усилия потребуются, чтобы наконец-то зачать ребенка. Как-то раз я ощутила странное покалывание в тазу и уверилась, что уж теперь я точно забеременела. Но нет, ничего. Мне невыносима идея о том, что все это было зря. Нас обоих осматривал врач. Меня не назовешь идеально здоровой, но я вполне могу забеременеть.

Ну а сперма Коннора могла бы переплыть Ла-Манш.

Он моложе. Он преступник. Он работает официантом. И он плодовит как кролик. Я полная противоположность своего мужа. Я

люблю его, но и немного завидую. У него есть преимущество там, где его быть не должно.

– Схожу в душ, пока ты оплодотворяешься, – говорит он с улыбкой, берет одежду и уходит.

Я лежу в постели, слегка приподняв ноги, и смотрю в треснувший экран своего айфона. Проверяю сообщения, но никому не отвечаю. Я на отдыхе. Я хочу сосредоточиться на том, что для меня важно. У меня есть список дел, и я ему следую.

Я слышу, как Коннор включает телевизор. Устраивается на диване, пока я, как он выразился, оплодотворяюсь. Повернув голову, я рассматриваю пятна крови на подушке. Не похоже на следы от простого пореза.

На самом деле я знаю, что порез тут ни при чем.

Через некоторое время мне на ум приходят детективы и пропавшая женщина. Как о таком забудешь? Это происшествие обсуждают во всех новостях – и по телевизору, и в интернете.

– Нам нужно дать показания, – говорю я.

– Похищение среди бела дня, – Монтроуз везет нас обратно в Шелтон, и солнце превращает шоссе в мозаику из света и теней. Мой напарник умеет сделать из обыкновенной фразы яблочко на мишени.

– Такое случается, – говорю я.

За руль всегда садится Монтроуз. Я не возражаю – не потому, что он мужчина, а потому, что это помогает ему сдерживать дрожь в руках. Кажется, он страдает болезнью Паркинсона, но я не врач. Однажды он не с первого раза смог достать деньги из кошелька, и наши взгляды встретились. Ни он, ни я ничего не сказали, но я видела смесь отчаяния и унижения в его глазах. И безмолвную просьбу: *Молчи. Не рассказывай никому.*

– Случается, – соглашается Монтроуз. – С детьми.

Он огибаетдохлого опоссума, лежащего на дороге.

– Не со взрослыми людьми.

Ее мать говорит, та была сильной. Дважды в неделю занималась йогой или чем-то таким.

– Может, похититель как-то ее вырубил? – говорю я. – Как тот тип из Портленда с бутылочкой хлороформа.

– Всегда наготове, – говорит Монтроуз. – Возможно. Но вспомни, где это произошло. Это тебе не парковка в торговом центре, где можно часами сидеть в засаде.

– Верно, – соглашаюсь я. – Пляж, где ее похитили, не назовешь глушью, но добраться туда не так-то просто.

– *Если* ее похитили.

– Он говорит, что похитили.

– Ну да, – мы проезжаем мимо резиденции Билла Гейтса у отеля «Альдербрук». Монтроуз всегда об этом напоминает. Но не сегодня. Он крепко сжимает руль. Костяшки его пальцев побелели. Он сосредоточился на двух вещах – дрожи в руках и рассказе Адама Уорнера.

– О чем ты думаешь? – спрашиваю я.

– Может, она ушла, – предполагает он ровным тоном. – Может, он лжет. Может, он сам что-то с ней сделал.

Я знала, что Монтроуз это скажет. Я видела, как он глядел на Адама, когда мы брали у него показания. Я не хочу его защищать. Я хочу руководствоваться исключительно доказательствами. Но я знаю Адама. Я знаю его уже очень давно. Я помню, как он проводил почти все свободное время с моим братом и как сильно я хотела влиться в их компанию. Но у меня не было ни единого шанса. Я была девочкой, и к тому же, младшей сестрой. Он нравился мне больше всех остальных друзей брата. У него была самая очаровательная улыбка, и когда он мне улыбался, я чувствовала себя особенной. Ну да, он мне нравился.

Но ему я об этом никогда бы не сказала.

– Зуб даю, что Адам Уорнер нам не лжет, – говорю я. – Мы выросли вместе. Из всех ребят, которых я знала в Шелтоне, он меньше всех похож на похитителя.

– Может, тебе не стоит работать над этим делом? – сухо говорит Монтроуз.

Я его игнорирую.

– Чушь. Это было давно.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

– Как скажешь.

* * *

Из окна моего кабинета видно старое сливовое дерево с сияющей на солнце серебристой корой. Каждый год приезжает арборист, чтобы опрыскать его спреем от насекомых, осмотреть почву, срезать иссохшие ветви. Это дерево посадил один из основателей городка, но всем очевидно, что его время на исходе. Когда-то я думала так и про сам Шелтон. Самый крупный работодатель в городе, деревообрабатывающее предприятие, то расширялось, то съеживалось, заставляя всех гадать, какой исход его все-таки ждет. Пока что оно не закрылось. Но переживает явно не лучшие времена. Вся наша жизнь – праздники, спортивные команды, торговля – завязана на древесине. Да, вокруг хватает живописных тихоокеанских пейзажей, цветущих холмов, безмятежных заливов. Но этого недостаточно, чтобы привлечь

туристов. Мы расположены слишком далеко от Сиэтла и Такомы, чтобы стать спальным городком. Мы выжили только благодаря собственному упрямству. Мы – дети лесорубов.

А еще в нашем городе есть тюрьма. Там работа никогда не кончается.

Когда-нибудь сливовое дерево пойдет на растопку. Может быть, небольшое бревнышко сохранят на память где-то в недрах городского музея. Но, скорее всего, оно сгорит целиком.

Пока Монтроуз заполняет рапорты о свидетельских показаниях, я берусь за диспетчерские записи. Я всегда предпочитаю начинать с них. Я хочу как можно лучше во всем разобраться. Звонки в полицию – это больше чем эмоции. Это первое свидетельство произошедшего, свидетельство, от которого нельзя отмахнуться в суде; многие прокуроры отталкиваются именно от них. Вопреки предположениям Монтроуза у нас нет подозреваемых. Единственное, что мы знаем, – что и когда сообщили нам свидетели.

Первый звонок сделала Тереза Дибли в 11:42.

Дибли: «Кто-то похитил жену мужчины из соседнего коттеджа».

Диспетчер: «Ваше имя и местоположение».

Дибли: «Тереза Дибли. Я с внуками сняла на выходные коттедж в Лилливаане, на берегу Худ-Канала, у «осьминожьей дыры». А живу в Порт-Орчард».

Диспетчер: «Откуда вы звоните?»

Дибли: «Адрес? Не знаю. Рядом с магистралью, на Канал-вью-роуд. Не знаю точный адрес. Но здесь всего три коттеджа. Погодите минутку...»

Молчание.

Диспетчер: «Тереза? Вы еще здесь?»

Дибли: «Погодите, да. Пыталась найти в коттедже точный адрес. Не смогла».

Диспетчер: «Не страшно. Мы вас поняли. Вы видите того мужчину?»

Дибли: «[Неразборчиво.] Нет, нет. Мой внук говорит, он побежал вверх по склону».

Диспетчер: «Хорошо. Я вешаю трубку. Полиция скоро приедет. Двадцать минут».

В 11:44 – второй звонок. Аксель Беккер говорит, что на пляже между Худспортом и Лилливаапом похитили женщину.

Беккер: «Полиция?»

Диспетчер: «Да, что случилось?»

Беккер: «Здесь нужен шериф, срочно. Мужчина говорит, его жену похитили прямо с пляжа. Я все видел. Выгуливал свою собаку».

Диспетчер: «Ваше имя, сэр?»

Беккер: «Аксель Беккер. Пса зовут Уинстон».

Диспетчер: «Откуда вы звоните?»

Беккер: «Не знаю точного адреса. Я живу чуть дальше, на 4223 Канал-вью-роуд».

Диспетчер: «Вы находитесь дома?»

Беккер: «Нет. Я на пляже. Иду к этому мужчине с маленькой девочкой».

Диспетчер: «Хорошо. Вы говорите, что видели похищение».

Беккер: «Да, частично. Я видел ее. Потом мужчина, сидевший в лодке с маленькой девочкой, крикнул, чтобы я вызвал полицию».

Диспетчер: «Этот мужчина в порядке? А девочка?»

Беккер: «Откуда мне знать? Я с ним не говорил. Только увидел, как похитили женщину, а потом мужчина крикнул, чтобы я вызвал полицию. Вы пошлете кого-нибудь?»

Диспетчер: «Да, сэр. Сохраняйте спокойствие. Оставайтесь на месте. К вам направляется полицейский автомобиль».

Беккер: «Надеюсь, они скоро будут здесь. Никогда не видел ничего подобного, а я уже

немолод. Такое только по телевизору показывают».

По одному только звонку, еще до того, как я встретила с Акселем Беккером, я могла бы сделать пару предположений о том, какой он человек. Он действительно немолод, его голос дрожит из-за возраста и переполняющих его эмоций. Он стал свидетелем чего-то немыслимого. Несмотря на почтенный возраст, он видел подобное только по телевизору. А еще он – мягкая, заботливая натура. Назвал диспетчеру кличку собаки.

Монтроуз и я занимались ограблением в окрестностях Альдербрука, когда получили вызов. Мы немедленно отправились в путь, но дорога все равно заняла у нас двадцать минут.

Мы прибыли на место в 12:04.

Любопытно, что Тереза, позвонившая первой, ничего не видела и лишь повторила слова Адама. Аксель был непосредственным свидетелем преступления, но позвонил через пару минут после Терезы. Хотела бы я знать почему.

В кабинет заглядывает Монтроуз.

– Пришли Коннор и Кристен Мосс, – говорит он.

Я беру блокнот, надеясь записать там объяснение произошедшего:

– Идем.

Коннор и Кристен Мосс, без сомнения, очаровательная пара. Коннор – смуглый, с темными волнистыми волосами, коротко обрезанными по бокам, но не в стиле Третьего рейха. Приятные, угловатые черты лица, жилистые руки. Кристен – полная его противоположность. Она сногшибательна и явно привлекает больше внимания, чем муж. На шее у нее висит платиновый кулон с сапфирами в стиле ар-деко. Он подчеркивает ее голубые глаза. Мы с Монтроузом садимся напротив, в чересчур ярко освещенной комнате для допросов, и я благодарю их за то, что они пришли. Скоро начнется наш обеденный перерыв. Монтроуз предпочитает каждый день есть в одно и то же время. Но сегодня ему придется потерпеть.

– Вы могли бы просто позвонить, – говорю я.

Кристен тут же отвечает.

– Конечно. Но как представитель судебной власти я обязана удостовериться, что вы получите всю необходимую информацию. Хотя я... – она осекается на полуслове. – Хотя мы ничего не знаем.

– Конечно, – говорю я, хотя это решать мне. Не им.

– Женщина из соседнего коттеджа рассказала нам подробности. То, про что не говорили в новостях, – говорит Коннор. Его голос тише, чем у жены. – Поверить не могу.

– Да уж, – наконец-то подает голос Монтроуз. – Не люблю, когда говорят «у нас такого не случается», но в данном случае это правда. У нас такого действительно не случается.

– Да, – говорит Коннор, – мы с Крис говорили об этом по дороге. В Сиэтле всякое бывает, но не здесь. Мы уже столько лет сюда ездим. Привыкли считать это место своим, а тут вдруг такое.

– Думаю, не пора ли пересмотреть наши планы? Может, стоит вычеркнуть из списка коттедж и начать отдыхать на Гавайях, как все нормальные люди? – добавляет Кристен.

Мы продолжаем разговор и узнаем, что Кристен работает юристом в крупной фирме, а Коннор – официантом в шикарном

ресторане, который, я уверена, не идет ни в какое сравнение с «Лесопилкой», самым дорогим заведением Шелтона.

– Официант-распорядитель, – уточняет Кристен.

Я киваю. Разница мне ясна, и, кроме того, мне ясно, что Кристен хочет выставить карьеру мужа в наиболее приглядном свете. Я уже представляю, какой язвительный комментарий отпустит мой напарник, когда они уйдут.

– Вы приехали сегодня рано утром, – говорю я. – Во сколько?

– Верно, – говорит Кристен. – Раньше никак не получалось. Пятница выдалась суматошной, мы выехали только в десять вечера. В коттедж приехали ближе к утру. Боюсь, не могу назвать точное время.

– Я совсем умотался, – встречается Коннор. – Не знаю, во сколько мы приехали. Я тут же рухнул в постель. Моментально вырубился.

Кристен кидает на мужа раздраженный взгляд.

– У нас обоих весьма утомительная работа. Да, он быстро уснул.

– Вы заметили внутри или возле коттеджей что-то необычное? – спрашивает Монтроуз. – Вы ведь часто там бываете, да?

Ему отвечает Коннор:

– Частенько, да. Ничего не изменилось. Те же осьминоги на стенах. Тот же пляж.

– Может, вы видели других постояльцев или говорили с ними? – продолжает Монтроуз.

На этот раз отвечает Кристен:

– Я говорила. Коннор проспал все утро. Я немного поболтала с женщиной по соседству. Она показалась мне очень милой. Внуки доставляют ей массу хлопот.

– Коннор, – говорю я, – вы провели в коттедже все утро? Мне казалось, вы ходили на прогулку.

Коннор потирает затылок.

– У меня случаются сильные мигрени, – отвечает он. – Я выпил таблетку и уснул без задних ног. Кристен ушла гулять одна.

Та глядит на мужа:

– Эти приступы происходят все чаще и чаще. Я твержу ему, что нужно проконсультироваться с другим врачом. Но откуда мне знать? Я же юрист, а не доктор.

Ну конечно. Кристен Мосс – из тех юристов, которые в любом разговоре найдут способ упомянуть свою работу.

– Куда вы отправились? – спрашиваю я Кристен.

– Куда глаза глядят, – отвечает она. – Поехала в Кушман, погуляла там возле озера. Чуть не поджарилась на солнце. Ну да не страшно. Я всегда использую солнцезащитный крем.

– А вы, Коннор?

– Надел шумоподавляющие наушники и уснул. Ужасно себя чувствовал. Накануне переборщил с выпивкой, а тут еще и мигрень. Вот и все.

– Вы что-нибудь слышали? – спрашивает Монтроуз.

– Нет, – говорит Коннор. – У меня первоклассные наушники.

Ну еще бы, думаю я.

Кристен встает из-за стола и взглядом велит мужу следовать за ней. Он так и делает. Кристен протягивает мне визитку.

– На обороте мобильный телефон Коннора, если он вам понадобится. И моя частная линия в юридической фирме.

Ах, так она, оказывается, юрист?

* * *

– Только время зря потратили, – говорит Монтроуз.

– Да, – соглашаюсь я, – но по крайней мере теперь мы знаем хорошего юриста.

Он улыбается:

– Примечательная личность, не спорю. Жаль ее мужа. Наверняка она каждый раз уточняет, что он не просто официант, а официант-распорядитель.

– Мы ничего про них не знаем, – напоминаю я.

– А они ничего не знают про похищение. Мисс Независимость и мистер Мигрень. Тоже мне! Ну и парочка! Сочувствую гавайцам. У них не случилось ничего столь же раздражающего с тех пор, как тот придурок нечаянно включил воздушную тревогу.

Мы продолжаем разговор, направляясь обратно к нашим кабинетам.

– У нас есть только слова мужа и старика с собакой. Муж уронил очки, а собачнику за восемьдесят.

– Ему семьдесят семь, – говорю я.

– Плевать. Суть в том, что наших свидетелей первоклассными не назовешь, – говорит Монтроуз, передразнивая Коннора Мосса.

– Они видели, как кто-то похитил Софи.

– Так говорит Адам Уорнер. Старик на пляже видел лишь, как Софи с кем-то боролась. Он не знает, кто именно ее утащил.

– Тогда что, по-твоему, произошло? Она пропала.

– Ага. Точно. Пропала. Я не знаю, что произошло. Но сказка про то, что ее ни с того ни с сего утащил какой-то маньяк, не внушает мне доверия.

– Такое случается каждый день, – говорю я. – Пусть и не здесь.

Монтроуз слегка пожимает плечами.

– Не сомневаюсь, – говорит он. – Но середь бела дня? В одиннадцать часов?

– Это необычно, – соглашаюсь я. – Слишком прямолинейно для кого-то, кто не охотился именно на нее.

– Она уронила бокал с вином, – добавляет Монтроуз. – Страдала алкоголизмом, что ли?

– Ее родители о таком не упоминали, – говорю я. И тут же чувствую себя душой, потому что я даже не спросила их об этом. Одиннадцать утра – действительно рановато для выпивки. Даже на отдыхе. Впрочем, даже если бы я спросила родителей Софи про вино, вряд ли они стали в самом начале расследования охотно рассказывать про зависимость дочери.

– На самом деле, – говорит Монтроуз, усаживаясь в свое старое кресло, обмотанное невероятным количеством скотча, – мы совершенно ничего не знаем про Адама и Софи Уорнер. – Он на секунду замолкает. – Точнее, я ничего про них не знаю. А что насчет тебя, Ли?

Я хожу туда-сюда по блестящему сосновому полу коттеджа, и он скрипит от каждого моего шага. Сейчас около половины девятого, и солнце за окном все еще бросает лучи света на воду. Старинные часы на кухне тикают, как метроном, напоминая мне о моем одиночестве, хотя я вовсе не нуждаюсь в напоминаниях. Я не привык расхаживать кругами. Но сегодня мне многое нужно обдумать. Я прохожу мимо комнаты, где спала Обри. Гадаю, каково ей сейчас с бабушкой и дедушкой. Ей всего три, но она сообразительный ребенок. Она знает, что ее дедушка терпеть не может папу. А я знаю, без всякой тени сомнения, что меня она всегда будет любить больше, чем его. Пожалуй, это единственное, в чем он готов мне уступить. Хелен, наверное, набирает сейчас ванну, наливает туда пены, проверяет, что вода не слишком горячая. Она неплохой человек. Порой я вижу отголоски Хелен в Софи в тех чертах ее характера, которые мне отвратительны. Иногда, когда ей говорят что-то, с чем она не согласна, она притворяется, что ничего не слышала. Она всегда говорит, что у нее все хорошо, даже когда это очевидная ложь. Иногда она запирается в спальне и задергивает шторы, чтобы спрятаться в этой крепости от всего, что ее огорчает. Я не знал об этом, когда женился на ней. Я думал, что она такая, какой хочет казаться, – веселая, умная, сексуальная. Забавно, как часто такие черты характера оказываются лишь маской, за которой скрывается настоящий человек, ролью, которую он играет. Поначалу Софи любила приключения. Кивала в разговоре, даже когда не слушала. Была готова прыгнуть в постель, даже когда поблизости не было постели. Я не знал, что все это – иллюзия. Я думал, она и правда такая.

Со связью здесь проблемы, но мой телефон все равно беспрестанно трезвонит. Я бессильно падаю на синий диван в гостиной и пролистываю сообщения, которые начали приходить с шести вечера и приходят до сих пор.

Чувак, я слышал, что случилось с Софи?

Мне приехать?

Черт побери!
Ее найдут.
Ты вернешься сегодня?
С Обри все хорошо. Верно?
Поверить не могу.
Что случилось?
Ты в норме?

Мне пишут друзья и родные, узнавшие о похищении из новостей или социальных сетей. Я всем отвечаю, хотя и не знаю толком, что сказать. Естественно, я не в норме. Да, Софи найдут. Нет, помощь мне не нужна. Да и что они могут сделать?! Слова утешения и поддержки мне ничуть не помогут. Я мог бы притвориться, солгать. Но правда куда сложнее. Я люблю свою жену. И я ее ненавижу. Я любил то, чем мы могли бы стать. Но, как бы тяжело ни было это признавать, те времена давно прошли. Обри все изменила. Когда она родилась, наша жизнь вышла из-под контроля и стала совершенно иной. Теперь я отец, а Софи – мать. Я узнал, что мать значит больше отца. Мать – превыше всего. Отец – это роль. Биологическая функция. А мать священна. Материнство поглощает брак до мельчайшей частицы. Без остатка.

* * *

Я откладываю телефон в сторону и достаю бутылку виски, которую привез из Сиэтла. Хотя я планировал провести эти выходные с семьей, я знал, что неизбежно буду сидеть и пить в одиночестве, жалея себя. Я предложил съездить на отдых, чтобы наладить отношения между нами, и Софи согласилась. Согласилась, как ваш знакомый соглашается поехать на бейсбольный матч, где будет играть ваш сын. Знакомому это совершенно не нужно и не интересно. Но он все равно едет, потому что вы его позвали, а он не успел придумать подходящую отговорку, чтобы вас не обидеть.

Я ни с кем не обсуждаю проблемы в нашей семье. И никогда не обсуждал. Софи, по-моему, делает так же. В этом она похожа на свою мать. Скрывает свои чувства. Она всю жизнь наблюдала, как Хелен выстраивает невидимую стену, чтобы защититься от Фрэнка. Я не Фрэнк. Я не такое животное, как он. Но невозможно избавиться от

черт характера, сформировавшихся в прошлом. Наш брак тихо распадается, беззвучно угасает. Я люблю Софи, в этом нет никакого сомнения. А она? Я не уверен, что она обо мне думает. Если бы она действительно меня любила, то не поступила бы так.

Я отхлебываю виски из бутылки, и горло охватывает знакомый сладкий жар. Я всегда думаю о Софи, когда пью. Странное чувство – любить кого-то до боли.

Я звоню Хелен.

– Как там Обри? – спрашиваю я.

– Есть какие-нибудь новости? – говорит она срывающимся от волнения голосом.

– Нет. Ничего, тишина. Как Обри?

– Она не понимает, что происходит, так что все хорошо.

Ее голос начинает дрожать еще сильнее. Легко забыть, что за ее холодной, бесчувственной маской скрывается настоящий человек. Знаю, нехорошо так думать. Но она всегда казалась мне такой.

– Фрэнк вне себя от ярости, – говорит она, отстраняясь от эмоций, которые причиняют ей боль.

– Чем он занят?

– Сидит в кабинете. Обзванивает всех подряд – от ФБР до журналистов.

– ФБР?

– Фрэнк уверен, что ее похитили с целью получить выкуп, – говорит Хелен. – Конечно, он готов заплатить. Я знаю, что и ты тоже.

– Разумеется, – отвечаю я, – но никто не потребовал выкупа. Ее похитили не за этим.

Пару секунд она молчит. Думает о том, что ей велел сказать муж.

– Мы не знаем наверняка, – говорит она.

Я слышу на заднем плане голос Фрэнка. Он подходит ближе к телефону.

– Кто это? – спрашивает он.

– Адам.

Фрэнк берет трубку.

– Есть какие-то новости?

– Ничего, – отвечаю я. – Ведется расследование.

– Ты видел этих детективов? Пара деревенских недоумков, как по мне.

Я молчу.

– ФБР не станут вмешиваться, пока не будут уверены, что это именно похищение с целью выкупа. Ты можешь в это поверить? Иначе дескать оно не попадает под федеральное законодательство. Бьюсь об заклад, они бы запели совершенно иначе, будь это их малышка.

Он всегда называет ее так. *Моя малышка*. Как будто ей шесть, а не тридцать три.

– Думаю, похититель уже выдвинул бы свои требования, – говорю я, хотя сам не вполне уверен в этих словах. Я размышляю, пока Фрэнк продолжает свою тираду. Телефон Софи остался в коттедже. Мой телефон – у меня в руке. Похититель вряд ли смог бы связаться со мной, если только похищение не было спланировано заранее. С другой стороны, он мог бы позвонить в полицию или журналистам. Необязательно говорить со мной лично.

Но я молчу. Фрэнка интересуют лишь собственные разглагольствования.

– Я позвонил в «КОМО-ТВ», – говорит Фрэнк. Гордо заявляет. – Линда Ландан попытается что-нибудь разузнать.

Линда Ландан – последняя представительница старой гвардии телеканала, который пытался подстроиться под молодое население Сиэтла, выросшее в эпоху безграничной власти Амазона. Линде под пятьдесят, и из-за пластических операций и инъекций ботокса ее лицо сохраняет абсолютно бесстрастное выражение даже во время репортажа о пожаре, унесшем несколько жизней. Однако она твердо намерена бороться за эфирное время до последней капли крови.

Я ее не выношу. Я говорил об этом. Фрэнк в курсе. Поэтому-то он ее и выбрал.

– Хорошо, – говорю я. – Помощь нам не повредит. Главное – найти Софи.

Я слышу шум мотора и выглядываю в окно. Это синий «Лексус». Вернулись постояльцы из третьего коттеджа, «Лилии». Женщина держит своего спутника под руку. Я по-прежнему прижимаю к уху телефон, но Фрэнк закончил говорить. Даже попрощаться не соизволил. Просто передал трубку Хелен, которая, как обычно, резко меняет тему.

– На десерт у нас сегодня вишневый пирог.

– Пока, Хелен, – говорю я. – Поцелуй Обри перед сном от меня.

Затем я звоню своим родным. Сначала маме, которая живет в Чандлере, штат Аризона. Потом папе, который, как и всегда в это время года, уехал охотиться в Спокан. И, наконец, брату Кигану в Лос-Анджелес. Всем им я рассказываю одно и то же, и их ответы оказываются весьма красноречивы.

Я: Хотел рассказать тебе первым, пока про это не стали говорить в новостях.

Мама: О, господи боже.

Папа: Уверен, что она не сбежала к любовнику?

Киган: Хочешь, я прилечу?

Я знаю, что Киган готов бросить все дела в отеле, которым он управляет. Он мог бы приехать к завтрашнему утру.

– Я в порядке, брат, – говорю я. – Посмотрим, что скажут в полиции. Они уже занимаются этим делом. Одна из детективов – Ли Хуземан.

– Сестренка Кипа?

– Да, – подтверждаю я. – Мир тесен.

Мы разговариваем еще некоторое время, потом я кладу трубку и возвращаюсь к своему виски.

Я направляюсь в сауну и настраиваю температуру. Я думаю об отце и о том, как он сразу же начал обвинять Софи, как будто мне от этого станет легче. Как мама завела молитву, хотя звук в трубке то обрывался, то появлялся вновь. Ее это не заботило. Сам факт молитвы важнее, чем то, услышит ли ее Бог или еще хоть кто-то.

Сауна располагается рядом с кухней. Внутри сауна обшита кедром и обогревается электрической топкой. Когда я открываю дверь, в лицо мне бьет раскаленный воздух. Словно пощечина. Соответствует моему душевному состоянию. Я успел раздеться и взять полотенце и теперь завязываю его вокруг пояса. Сев на деревянную скамью, я позволяю жару окутать меня; пот скатывается у меня со лба и смешивается со слезами.

Что бы там ни думали окружающие, я вовсе не бессердечный истукан. У меня есть чувства. Честно. Я просто не считаю нужным кричать о них на каждом углу. Это все моя вина. Я один. Моя жена пропала. Я никак не могу повлиять на то, что произойдет дальше.

Я не умею управлять миром. Не умею контролировать людей. У меня никогда это не получалось.

Через полчаса я засыпаю на диване с бутылкой в руке.

А потом внезапно звонит телефон, словно рой рассерженных пчел. Девять утра. Черт побери. Я проспал. Как я мог проспать?

Брат прислал сообщение: «Проверь “Фейсбук”».

В субботу ухожу с работы поздно вечером, почти в одиннадцать, и меня до сих пор не покидает напряжение от встречи с Адамом и от трагедии, которая с ним произошла. До меня доносится запах фейерверков, которые только что запустили возле старшей школы Окленд Бэй – неотъемлемая часть ежегодного Лесного фестиваля Шелтона. Не сомневаюсь, посторонним наш праздник кажется глупым. Но мне все равно. Это часть нас. Каждый год на День поминовения проводятся соревнования по рубке леса и парад Пола Баньяна^[2], приезжают передвижные ярмарки. Соревнования по рубке леса пользуются неизменной популярностью в нашем городе, построенном на усыпанной опилками земле. В семнадцать лет я боролась за звание Королевы леса, но проиграла. Об этом титуле мечтают почти все девочки в городе.

По сей день.

У меня сохранилась изумрудно-зеленая с серебристой вышивкой лента, которую выиграла в 1948 году моя бабушка. После ее кончины мама хотела выкинуть ленту, но я выудила ее из мусорной корзины. Я обожала бабушку. Она всегда говорила мне, что со мной все будет хорошо, несмотря на случившееся.

– Никто не украдет твое будущее, Ли.

Входя в дом, я невольно уповаю на то, что бабушка была права.

Пока я шарю в морозилке, в моем маленьком синем домике царит тишина. Выудив коробку с замороженным обедом, я ставлю ее в микроволновку. Мой незамысловатый поздний ужин крутится под тусклой лампочкой, а я меж делом оглядываюсь по сторонам.

Все вокруг напоминает мне о том, кто я, и о моем прошлом. Над обеденным столом, купленным на блошином рынке, висят тарелки из делфтского фарфора, которые коллекционировала моя бабушка. Они висели на стене в ее большом доме в Такоме. Она предпочитала беречь красивые вещи. К столовому серебру на верхней полке буфета тоже никогда не прикасались. Фарфоровыми тарелками любовались и хвастались, но никогда не пользовались. А мама считала иначе. Она

говорила, что от красивых вещей нужно получать удовольствие и что бабушка только зря копила свои безделушки, вместо того чтобы ими наслаждаться. Интересно, на кого из них больше похожа я?

Я живу одна. Со своей кошкой. Я знаю, что возвела вокруг себя стену. Непроступную стену. Я ревностно оберегаю свою жизнь. Иногда я думаю, что на то есть хорошая причина, но чаще признаю, что это лишь цепная реакция, результат того, что произошло, когда мне было двенадцать.

Когда меня нашел Адам Уорнер.

* * *

Я видела ту машину накануне. Это был синий седан. Я разбираюсь в машинах, потому что в них разбирался мой брат, но все же не могу по памяти определить модель. Мы с Шарлин прошли мимо этой машины по пути в школу. Семья Шарлин жила в двух домах от нас, и мы с ней были не то чтобы лучшими подругами, но в школу всегда ходили вместе. Она трещала без умолку, и меня это вполне устраивало. В те годы я предпочитала слушать. Из ее небылиц я с легкостью вычленила крупницы правды, и этот навык пригодился мне в дальнейшей карьере. В то утро Шарлин рассказывала про своего дядю, который жил не то в Латвии, не то где-то поблизости и пригласил ее погостить в своем замке, когда она снова окажется в тех краях.

– Я не знала, что ты бывала в Европе, – сказала я.

– А ты разве нет? – спросила она, привычно уходя от ответа.

– Нет. Прошлым летом мы ездили в Калифорнию посмотреть на секвойи. Больше я нигде не была.

– Круто, – сказала Шарлин, откидывая за плечо свои темные косички и поправляя рюкзак. – Я рассказывала тебе, как брат моего папы проплыл от Сан-Франциско до Гавайев в лодке, которую сам вырезал из секвойи?

Не рассказывала. Но я не сомневалась, что расскажет.

На следующий день Шарлин не пошла в школу из-за визита к стоматологу. Накануне вечером, когда мы возвращались домой, она сказала, что один из ее зубов прорезался под странным углом.

– Стоматолог сказал, что еще не видел ничего подобного, – похвасталась она. – Никогда в жизни!

Синяя машина ждала на том же месте.

А затем меня поймали.

* * *

Я встаю, чтобы достать еду из микроволновки. Миллисент идет за мной. Забавно, как самые трагичные события нашей жизни навсегда остаются в памяти, за непроницаемой стеной. Я заливаю кипятком пакетик «Эрл Грея». Пытаюсь отвлечься на чай, на кошку, но спусковой крючок уже нажат. Я снова вынуждена воссоздать в памяти то «происшествие», как говорила моя мама, а вслед за ней и я.

С чувством.

Без свойственных Шарлин преувеличений.

С осознанием, что тот день сделал меня той, кто я есть.

Его звали Альберт Дэвис Ходж, но тогда я этого не знала. Я не знала, что в мире вообще живут такие люди, как он.

* * *

Он стоял у своей машины, когда я приблизилась. У него было доброе лицо. Он носил очки. Волосы были аккуратно расчесаны. Его слова не увязывались с тем фактом, что я видела его машину накануне, но тогда я не обратила внимания на несостыковку.

– Я заблудился, – сказал он, тыкая пальцем в газету.

Я наклонилась ближе, чтобы прочитать адрес в объявлении, обведенный ручкой. Мне доводилось видеть, как отец помогал прохожим найти дорогу. Это простая вежливость.

– Да, – сказала я, – это на другом конце города. Вам нужно повернуть и поехать в ту сторону.

– Блин! – сказал он. – Прости мне мой французский.

– Ничего, – ответила я.

– Меня зовут Ал.

Я подумала, что это как-то странно. Зачем он представился? Я иду в школу. Мне незачем знать его имя. И незачем называть свое в ответ.

Но я все же представилась:

– А меня – Ли.

Он снова посмотрел в газету и сделал озадаченное лицо.

– На другом конце города, говоришь? Угрозило же меня так заплутать. Теперь я точно не найду дорогу.

Он снял очки и протер их рукавом рубашки в красно-синюю клетку. Ал был старше моего брата Кипа, но ненамного: ему было лет двадцать. Явно не школьник. Непонятно, откуда у него могла взяться такая шикарная машина, но на эту странность я тоже не стала обращать внимания.

– Я развожу кошек, – сказал он. – Собираюсь продать им одну красавицу.

– Обожаю кошек, – сказала я.

– Хочешь посмотреть? Она персидская, с голубыми глазами.

* * *

Дура. Дура. Дура. Я знаю. Я знаю, что не следовало заглядывать в машину. Я и тогда это знала. Меня учили не садиться в машину к незнакомцам. Не общаться с ними слишком близко. Быть вежливой. Улыбаться. Проявлять уважение. Смотреть в глаза. Но никому не позволять до себя дотрагиваться. Не давать подходить слишком близко.

– С маленькими девочками случаются плохие вещи, – сказал мой отец однажды в воскресенье, когда мы рубили дрова, незадолго до того, как это случилось. Во всех новостях крутили одну и ту же историю. В Чехалисе похитили десятилетнюю девочку у самых дверей ее дома. Само собой, журналисты смаковали эту историю. Твердили *пока ничего не известно*, будто это было новостью. Итог для многих оказался предсказуем. Изувеченное тело нашли в зарослях ежевики, покрывавших заброшенный участок неподалеку. Девочка подверглась жестокому насилию, хотя в том возрасте я поняла лишь, что ее избили. Я не знала, что мужчины делают порой с маленькими девочками. А мой отец знал.

– Даже здесь, в Шелтоне, – сказал он, заносся топор над ольховым бревном. – Всегда будь начеку, когда видишь незнакомца, Ли. Всегда. Понимаешь?

Я сказала, что понимаю.

Но в тот день я не последовала его совету. В день «происшествия». Я заглянула в машину и тут же увидела, что никакой кошки там не было. А потом Ал прижал ладонь к моему носу и рту.

Свет погас.

* * *

Как оказалось, скотч может пригодиться не только в ремонте. Когда я проснулась, то обнаружила, что связана по рукам и ногам. Рот был заклеен. Я помню, как провела языком по передним зубам и почувствовала привкус клея. Это мелочь, конечно. Но такие мелочи то и дело приподнимают завесу памяти. Я ненавижу ходить к стоматологу, потому что всякий раз после гигиенической чистки я невольно провожу языком по липким зубам. И мне мерещится привкус скотча. Каждый раз.

Я знаю, что он сделал что-то со мной «там», как я объясняла впоследствии. Мне было больно, и шла кровь. Кажется, я плакала, но точно не помню. Помню, что мысленно звала родителей и брата. Лежа там, нагой и связанной, я знала, что, если меня не найдут, я умру, как та девочка из Чехалиса.

Жаль, что тогда я не знала ее имени. Жаль, что я не следила за новостями. Не следовало заглядывать в машину. Интересно, может, та девочка сделала то же самое. Может, ее тоже обмотали скотчем, прежде чем она успела опомниться.

Я пытаюсь поесть, но это пустая затея: кусок не лезет мне в горло. Спустя минуту я ложусь в постель вместе с кошкой, полностью одетая, оставив прикроватную лампу включенной.

Я всегда оставляю ее включенной.

Я проезжаю полмили до «осьминожьей дыры» и расталкиваю локтями собравшихся зевак. После худшей субботы в моей жизни настало худшее воскресенье моей жизни. Мое сердце стучит, как набат. У меня есть веская причина, чтобы быть здесь. Остальные просто собрались поглазеть на представление. С момента пропажи Софи прошло двадцать четыре часа, и произошло именно то, что пророчил ее отец. Ее больше нет. Я вижу, что за полицейским кордоном в воде плавает тело женщины. Она обнажена и лежит лицом вниз. Даже не видя лица, я знаю, что это она. Я узнаю ее волосы, ноги, тонкие запястья. Я вижу татуировку колибри, которую Софи сделала в семнадцать лет, – она всегда утверждала, что ее родители об этом не знают.

Теперь наверняка узнают.

– Кажется, это моя жена, – говорю я.

Ко мне поворачивается помощник, которому на вид лет четырнадцать, и еще один офицер.

– Этого не может быть, – говорю я, хотя прекрасно знаю, что это не так.

– Сэр, пожалуйста, подойдите, – говорит четырнадцатилетка.

Я продолжаю глядеть на покачивающееся в воде тело моей прекрасной жены.

– Что? – переспрашиваю я растерянно.

– Подойдите, – повторяет он. – Подойдите сюда.

На какое-то мгновение все смотрят на меня. Но лишь на мгновение, потому что трудно оторвать взгляд от того, что ты не видел никогда в жизни. И не хотел видеть.

Я редко плачу. Очень редко. Но в этот момент, когда я увидел потрясенное лицо плачущей девочки-подростка, у меня на глаза тоже наворачиваются слезы.

Другой офицер кладет руку мне на плечо.

– Я знаю, что это тяжело, – говорит он. Он старше. Возможно, он действительно знает, каково это – видеть свою жену, мать своего

единственного ребенка, прибитую к берегу, как выброшенный манекен. Она так бледна. Цвета мела. Кукла, сделанная из мела. К нам приближается криминалист, чтобы зафиксировать все детали, прежде чем тело достанут из воды.

– Могу ли я кому-нибудь позвонить, сэр?

Я поднимаю взгляд:

– Родителям Софи.

– Вы уверены, что это она?

– Я даже отсюда вижу ее татуировку. Это она, – я подношу руку к глазам и смахиваю слезы. – Я увидел пост в «Фейсбуке». Ее родители не пользуются «Фейсбуком», но, возможно, кто-то из их знакомых пользуется. Надо им сообщить. Это их единственный ребенок.

Помощник кивает и ведет меня к карете скорой помощи. Я сажусь, пока помощник отходит, чтобы поговорить еще с одним офицером. Незачем было вызывать скорую помощь. Софи уже не помочь. Она безвозвратно мертва.

– Детективы уже едут из Шелтона, – говорит он. – Родителей вашей жены уведомят, если только вы не хотите сами это сделать. Но, несмотря на татуировку, нам нужно провести опознание.

– Я уже ее опознал, – говорю я. – Это она.

– Хорошо, – отвечает он ровным голосом, – но нам нужно, чтобы вы взглянули на ее лицо.

– Это моя жена. Я знаю ее тело не хуже собственного.

– Не сомневаюсь. Но такова процедура. Хорошо? Сейчас ее достанут из воды. Перед тем как мы отправим ее в морг, вам нужно будет посмотреть на ее лицо. Ладно?

Я не хочу на нее смотреть. Не хочу видеть ее лицо. Я хочу запомнить ее живой, а не пролежавшей всю ночь в воде.

– Ладно, – говорю я. – Я посмотрю.

– Хорошо, – отвечает офицер. – Оставайтесь здесь.

Я наблюдаю, как он проталкивается сквозь толпу, и, когда люди расступаются, я вижу, что Софи успели достать из воды и положить на каталку. Ассистент держит над ней одеяло – то ли ради приличия, то ли для того, чтобы уберечь собравшихся от жуткого зрелища. Не уверен. Но мне все прекрасно видно – ее белое тело катят прямо ко мне. Я зажимаю рот ладонью. Кажется, меня вот-вот вырвет.

Ее глаза открыты. Смотрят в пустоту. Мне на ум приходит свежая рыба на рынке, глядящая вверх из кучи льда. Видящая пустоту. Мне хватает сил лишь взглянуть ей в глаза. Потом я вынужден отвернуться. Я не могу произнести ни слова. Полицейские хотят, чтобы я ее опознал. Да, это она. В этом нет никаких сомнений. Но я словно онемел. Помощники смотрят на меня, как на инопланетянина. Но мне не под силу объяснить свое молчание. Я просто сижу, склонившись над телом Софи, и стараюсь сдержать тошноту.

– Это ваша жена? – спрашивает тот, что постарше.

Я встречаюсь с ним взглядом. Он полон сочувствия, но я вижу, как он рад, что не оказался на моем месте. Такие взгляды кидают на подчиненного, которому я поручаю самое неприятное задание. *Уж лучше ты, чем я.* Я моргаю и снимаю очки. Мой голос срывается, когда я наконец отвечаю.

– Да, – говорю я. – Это Софи. Это она.

Я не двигаюсь. Просто сижу на месте. Толпа вновь расступается. На этот раз они пропускают Ли Хуземан и Зака Монтроуза. Детективы из округа Мейсон снова здесь.

Адам смотрит на тело своей жены. На его лице – самая глубокая печаль, которую я когда-либо видела. А я повидала немало скорби. Я видела, как мать сжимала мертвое тело своего ребенка, стоя перед горящим домом. Видела, как отец бросился под колеса машины, узнав, что его жена совершила самоубийство. Все мы знаем, какое это огромное горе, но никому не под силу действительно понять его, пока не настанет наш черед. Адам бледен, его глаза покраснели. Он дрожит, переводя взгляд на меня. Так выглядит разбитое сердце.

Монтроуз беседует с криминалистами и полицейскими. В нашем участке нет своего судмедэксперта. Тела людей, погибших при подозрительных обстоятельствах, переправляют на восток, в округ Китсап. Здесь явно именно этот случай.

– Куда вы ее заберете? – спрашивает Адам.

– Ее увезут в Брементон, там судмедэксперт из Китсапа проведет вскрытие. Мы выясним, что с ней произошло.

– Я видел, что произошло, – говорит он, и в его голосе прорезается злость.

Гнев – это хорошо, думаю я. Он исцеляет.

– Да, я знаю. Ее похитили.

– Да. Какой-то ублюдок, который... Который все еще на свободе.

– Я знаю, – повторяю я.

Он пристально смотрит на меня.

– Почему вы не ищите его? Он все еще где-то здесь. Он не стал далеко ее увозить, верно?

– Похоже на то, – соглашаюсь я, давая ему возможность выговориться. Адам Уорнер ни за что не признает это, но он сейчас в шоке. За минувшие двадцать четыре часа его жизнь и жизнь его дочери перевернулась вверх дном. Я говорю, что мне нужно поговорить с напарником и судмедэкспертом. Так как завтра праздничный день, тело Софи, скорее всего, оставят в морге до вторника.

Я смотрю на тело, а потом иду к Монтроузу, который стоит возле причала.

– Туристы из Канады плавали на каяках и заметили что-то в воде – как им показалось, надувную куклу, – говорит он, указывая на стоящих на берегу мужчину и женщину. – Приехали отдохнуть.

– У многих тут выдался неважный отдых.

Монтроуз игнорирует мое замечание.

– Помощник сфотографировал всех зевак. Молодчина. Дескать читал где-то, что убийцы часто возвращаются на место преступления.

– Да ну? – саркастически отвечаю я.

– Ага, – говорит он. – Я похвалил его за отличную работу. Кстати, а как он нас опередил?

Монтроуз указывает на Адама, сидящего на траве и прижимающего ладони к лицу:

– Я спросил, и никто из присутствующих его не оповещал.

– Помощник говорит, кто-то написал в «Фейсбуке». В наши дни сложно что-то скрыть, Монтроуз.

– Ненавижу интернет, – говорит он, потряхивая коробочкой с леденцами. – От него одни проблемы.

– Можно делать покупки онлайн.

– Там нет ничего, что я не мог бы купить в гипермаркете.

Я слегка улыбаюсь. Пусть он ворчит, сколько вздумается, – я-то знаю правду. Я видела, сколько у него в багажнике коробок с «Амазона».

– У нее синяки на бедрах и запястьях, – говорю я.

– Изнасилование, – говорит Монтроуз. – Неудивительно, раз ее похитили.

– Что ж, теперь мы знаем, что она не сбежала с любовником.

– Да, – говорит Монтроуз. – Она ушла не по своей воле.

– Я запросила список всех местных жителей, обвинявшихся в сексуальных преступлениях, и заодно условно освобожденных. Когда закончим здесь, давай с ними поболтаем. Я ставлю на кого-то, кто уже совершал подобное раньше.

– Или долго думал и наконец-то решился.

Я возвращаюсь к Адаму.

– Ассистент может подвезти тебя до коттеджа, – говорю я.

– Я сам доеду, – отвечает Адам.

– Уверен?

– Я могу вести. Мне нужно собрать вещи и позвонить родителям Софи. И подумать, что я скажу Обри.

– Мы можем прислать священника, – говорю я.

Он встает.

– Нет. Софи не была верующей, как и я. Мне просто нужно осознать, что здесь произошло.

Он останавливается и смотрит вокруг, на сгрудившуюся толпу, полицейские автомобили, скорую помощь.

– Что именно произошло? – спрашивает он.

– Кто-то убил твою жену, – говорю я. – И, похоже, совершил нападение.

– Нападение, – повторяет он, смагивая слезы. – Да, я же это видел, помнишь? Кто-то силой утащил ее прямо у нашего коттеджа.

Я должна сказать это. Лучше я, чем «Фейсбук».

– Мы еще не провели полный осмотр, но, Адам, похоже, что на Софи было совершено нападение сексуального характера.

– Ее изнасиловали?

– Да, похоже.

– Значит, – говорит он, – вы сможете отыскать ДНК убийцы. Так?

Адам смотрит сериалы про полицейских, совсем как парень, который сфотографировал зевак на месте преступления. Если бы я выпивала всякий раз, когда кто-то в баре, посмотрев криминальную сводку, начинает рассуждать о нарушенной цепочке доказательств или неправомерно добытых уликах, я... ну я бы спилась.

– Не факт. Она пробыла в воде не меньше нескольких часов. Следы, которые мог оставить на теле убийца, могли быть смыты.

– Многовато предположений, – говорит мне Адам.

– Боюсь, что так.

К нам подходит Монтроуз.

– Соболезную вашей утрате, – говорит он Адаму.

Адам кивает в ответ.

– Просто найдите того, кто это сделал, детектив, – говорит он. – Просто найдите его.

За столиком для пикника сидят Кармайн и Делия Уинтерс. На вид им лет по сорок с небольшим. Кармайн подтянут, а на его подкрученные усы ушло столько воска, что на них, кажется, можно повесить полотенце. У его красавицы жены – темные волосы и подрисованные карандашом брови. Кармайн одет в футболку с логотипом Университета Британской Колумбии, а Делия – в голубую майку. На столе лежат две сложенные кофты, тоже с логотипами университета. На лицах у пары застыло выражение, свойственное тем, кто увидел нечто шокирующее и одновременно захватывающее. Например, автокатастрофу.

Я подхожу к ним и представляюсь.

– Вы знаете, кто это? – спрашивает Кармайн.

– Да, но мы пока что не можем раскрыть эту информацию, – отвечаю я.

– Мы уже рассказали полиции все, что знаем, – говорит Делия.

Муж кладет руку ей на плечо. Очевидно, она не хочет повторять свой рассказ из-за того, что это больно, а не из-за того, что ей все равно.

– Мы можем рассказать еще раз, – говорит Кармайн. – Просто мы немного шокированы. Не ожидали наткнуться на мертвое тело.

Никто не ожидает. А те, кто натывается, помнят про это всю жизнь.

– Я понимаю, что для вас это большое потрясение, – говорю я. – Мне просто хотелось бы услышать подробности.

Мне отвечает Делия.

– Мы приехали из Ванкувера, – медленно говорит она, глядя мне в глаза. – Но сглупили – не подумали, что в День поминовения здесь будет так много народу. У вас тут, в Америке, столько людей погибло в ходе войны.

Она ненадолго замолкает, а потом продолжает рассказ:

– Мы смогли поселиться в последнем свободном коттедже на пляже Мар-Виста.

– Кто-то отменил свою бронь, – добавляет Кармайн. – Повезло.

– Единственное, в чем нам повезло в этой поездке, – говорит Делия.

– Мы решили поплавать на каяках. Прямо с утра. Было довольно рано – часов семь? Да, Ди?

Она кивает.

– Да. Дул попутный ветер, мы добрались сюда минут за сорок. У меня была с собой еда и кофе, и мы решили перекусить у «осьминожьей дыры».

– Да, – говорит Кармайн. – Я плыл следом за Ди, так что она увидела тело первой.

– Я подумала, это надувная кукла. Даже неловко. Мы никогда не видели таких кукол, но было действительно похоже. Она была голой. Качалась на воде вверх-вниз.

– Мы подплыли ближе, – продолжает Кармайн. – Она запуталась в тростнике, и я потыкал ее веслом. Мне казалось, это какой-то розыгрыш.

– Я тоже так подумала, – говорит Делия. – Теперь-то, конечно, ничего смешного в этом нет.

Они рассказывают, как поспешно доплыли до берега и набрали 911.

– Вы видели поблизости кого-то еще? – спрашиваю я.

– Нет, – говорит Делия. – Здесь были только Кармайн и я. И она, конечно, – Делия смотрит в сторону тела.

– Может быть, вы заметили неподалеку автомобиль? – говорю я. – Грузовик? Другое средство передвижения?

Вновь отрицательный ответ.

Монтроуз беседует с несколькими прохожими, пришедшими посмотреть на обнаруженное тело. Наверняка гадает, нет ли среди них убийцы. Он верит, что убийцы возвращаются на место преступления. Я? Я с таким не сталкивалась.

– Днем здесь, наверное, полно народу, – говорит Кармайн. – Но дело было ранним утром. Было довольно прохладно. К тому же, без обид, американцы любят поспать подольше, так?

Я слегка улыбаюсь в ответ:

– Возможно, вы правы.

Я задаю Уинтерсам стандартные вопросы. Делия – администратор в Университете Британской Колумбии. Кармайн работает на «Муджи», японскую торговую сеть, и строит для них новые магазины. Я знаю, что, вернувшись домой, Уинтерсы будут рассказывать эту историю снова и снова. Они забудут все про этот отпуск, за исключением безжизненного тела Софи Уорнер в прозрачной голубой воде так называемого единственного фьорда Америки.

Они будут рассказывать лишь про мертвую женщину.

Я возвращаюсь в «Глицинию», чтобы собрать свои вещи. И вещи Софи. Что еще мне остается? Я мог бы сидеть в машине и рыдать. Но у меня кончились слезы. Кажется, будто все это происходит с кем-то другим. Не со мной. Больше нет смысла здесь оставаться, я знаю. Софи мертва. Ее тело нашли. Я знаю, что все это взаправду. Все это случилось на самом деле, и я ничего не могу изменить.

Я нахожу ее солнечные очки – винтажная модель от Fendi. Они смотрят на меня с обеденного стола. Я кладу их в футляр и вспоминаю, как Софи купила их во время нашей поездки на Мартас-Винъярд.

Хорошее было время. Глядя на очки, я невольно начинаю вспоминать все то, за что я полюбил Софи, все то, что постепенно исчезло из нашей жизни. Наши отношения разладились еще до рождения Обри. Знаю, отчасти это моя вина. Я был занят. Мне казалось, что чем больше я вложу в работу, тем больше получу взамен. Идиот. У меня не оставалось времени на Софи. Брак, который был мне так дорог, начал трещать по швам. Софи пыталась уберечь нас от этой участи. Я помню. Она встречала меня долгими поцелуями. Писала мне, предлагая провести время вместе. Съездить куда-нибудь. Сходить в ресторан. Она находила отговорки, чтобы нам не приходилось иметь дело с ее родителями, точнее – чтобы я не пересекался с ними лишний раз.

Я был слеп, но она не отступала. Софи привыкла бороться. Она всегда заступалась за других и только потом за себя. Да, у нее были перепады настроения. Хотел бы я знать, насколько я виноват в ее депрессии.

Мы были судном, медленно идущим на дно. Я спал на диване почти половину времени. Мы никогда не произносили вслух слово «развод», но оно маячило над нами. Я все время задерживался на работе. Ходил куда-то с друзьями. Она делала то же самое. Помню, как я возвращался домой, и дом казался мне неуютным, как отельный номер.

А потом все изменилось.

Я вернулся с работы и обнаружил, что дом пропитался ароматом знаменитой лазаньи Софи. Знаменитой, потому что я не уставал нахваливать ее, когда разговор заходил о любимых блюдах.

Теперь, когда Софи не стало, я вспоминаю тот день – наше новое начало. Мы вместе посмеялись над тем, во что превратилась наша семья.

– Мне не нужен сосед по комнате, – сказала она.

– Мне тоже, – ответил я.

– Я устала быть одинокой, даже когда ты сидишь рядом со мной, Адам.

Она заплакала, и я обнял ее.

– Как мы дошли до такого? – сказал я.

– Все из-за меня, – сказала она. – Это моя вина. Все эти заботы навалились одна на другую, и я попросту отключилась.

– Я тоже виноват, – признал я. – С головой ушел в работу. Забыл, что действительно важно. Да, я виноват.

После ужина мы занялись любовью, и я всю ночь держал Софи в объятиях. Мы вновь нашли друг друга. Это наш второй шанс, думал я, а третий нам уже не понадобится.

Спустя месяц Софи разбудила меня рано утром. Она стояла рядом с кроватью, держа в руке тест на беременность. Я уже очень давно не видел ее такой счастливой.

– У нас будет ребенок.

– А? – я сел и надел очки.

– Ты станешь отцом, Адам.

Сидя здесь, в коттедже, я отчаянно хочу ударить кулаком по столу. Но сдерживаюсь. Два события ограничивают самые счастливые дни моей жизни: рождение Обри и смерть Софи. Вся надежда, любовь, все обещания между этими двумя моментами утрачены безвозвратно.

Как и Софи.

* * *

Я кладу очки на место и выглядываю в окно. На лужайке перед коттеджем стоит Тереза Диббли. Похоже, она ждет меня. Когда я выхожу, то невольно направляюсь к ней, словно к близкой подруге.

Чем-то – возможно, прической – она напоминает мне маму. Горе подталкивает меня к ней.

– Она мертва, – говорю я. – Софи мертва.

Тереза протягивает мне руки, и я беру их.

– Мне так жаль. Я видела новости. Кларк показал мне в телефоне.

Мне так жаль.

Я говорю *спасибо*, но не слышу собственного голоса.

Ее глаза блестят от слез.

– Я могу что-нибудь для вас сделать?

Я почти не знаю эту женщину, но она предлагает мне помощь. Не знаю, нормально ли это. Может, все люди так добры к посторонним? Интересно, предложил бы я помощь на ее месте или отвернулся бы?

– Нет, – говорю я. – Я возвращаюсь домой, к дочери.

Она кивает.

– Вы уверены, что сможете сесть за руль? После такой трагедии и нелегкой ночи я не думаю, что вам стоит вести.

Я не уверен, что она имеет в виду.

– Вы засиделись допоздна, – говорит Тереза. – Я видела свет в окне.

Я коротко киваю:

– Да, не мог уснуть. Сидел в сауне. Пил, старался сохранять оптимизм, хотя, честно говоря, трудно было надеяться на благоприятный исход.

Она по-прежнему смотрит на меня печальными глазами:

– Помочь вам собрать вещи?

Мне не нужна помощь. Я просто хочу понять, что вчера произошло и как мне справиться со всем, что последует дальше.

– Не стоит, – говорю я. – Я справлюсь. Мы взяли с собой всего пару сумок. Хотите забрать то, что осталось в холодильнике?

– Давайте я помогу вам прибраться и вымыть посуду, чтобы у владельца не было претензий.

Я соглашаюсь. Я просто хочу поскорее уехать.

Впервые в жизни я рад бесконечной пробке, в которую попадаю по пути в Сиэтл. Эта пробка всегда здесь. Даже в воскресенье. Даже в воскресенье перед праздником. Уму непостижимо. Такомский мост будто застыл в янтаре. Несколько столетий спустя археологи извлекут нас на свет божий, после того как разберутся с обломками, оставшимися после аварии на восточной стороне.

Я рад. Все, что угодно, лишь бы отсрочить встречу с Фрэнком и Хелен.

Я постукиваю по неподвижному рулю, и в моем сознании медленно формируется фантазия. Я вижу Софи и Обри. Мы в «Глицинии», сидим на усыпанном ракушками берегу и поджариваем зефир на костре. Софи смотрит, как я помогаю нашей дочери поджарить собственный кусочек зефира.

– Держи палочку подальше от огня, – говорю я. – Пусть зефирка получится золотистая, а не черная, как у мамы.

– Черные зефирки – самые вкусные, – говорит Софи.

– Ну если тебе нравится уголь, то да, – говорю я.

Мы смеемся, наслаждаясь вечерней прохладой и глядя на потрескивающий огонь. Совсем недалеко от нас умиротворяюще шелестят волны.

– Может, завтра у нас получится наловить крабов, – говорю я. – И собрать устриц.

– На крабов согласна, – говорит Софи, отпивая вино из бокала. – А вот устриц, пожалуйста, не надо.

– Обри совсем устала, – говорю я. – Давай я уложу ее в постель. Скоро вернусь.

Софи улыбается в ответ:

– Хорошо. Мне здесь нравится. Не собираюсь никуда уходить.

Ни в одном из соседних коттеджей не горит свет; я отношу Обри в «Глицинию». Она уснула. Я чувствую на лице ее теплое дыхание.

Здесь, в этой фантазии, я знаю, что вот-вот произойдет нечто ужасное. Меня словно укутывают тяжелым черным брезентом.

– Сладких снов, – говорю я, укладывая Обри в постель.

Обри смотрит на меня и улыбается, прежде чем снова закрыть глаза. Я включаю украшенный ракушками ночник и возвращаюсь на берег к Софи.

– Как мы здесь оказались? – спрашивает она.

– Сели в машины и приехали, – шутливо отвечаю я.

Она корчит гримасу и жестом просит налить ей еще вина.

– Очень смешно. Я говорю не про место, а про нашу жизнь. Кажется, будто все идеально, но на самом деле это не так.

– Не знаю, – говорю я, наливая вина ей в бокал, и пламя костра отражается в бутылке. – Просто так получилось.

Я смотрю в костер, и на мгновение мне мерещится ее лицо в углях. Софи – самая красивая женщина, которую я когда-либо видел. Я подумал так еще в первую нашу встречу. И сейчас я думаю так же. И буду думать впредь. Я невольно улыбаюсь.

А потом я вдруг оказываюсь один на берегу, обратившись лицом к спокойным водам Худ-Канала. Ни Софи. Ни Обри.

Я не хочу возвращаться в «Глицинию».

Я не хочу возвращаться в наш дом в Сиэтле.

Когда я войду внутрь, всему настанет конец. Останется лишь пустота. Это будет прощанием.

Сейчас самое время выкурить сигарету. Но я не курю. На работе я всегда немного завидовал коллегам-курильщикам, точнее – тому, как им удастся выкроить немного времени, чтобы поразмышлять в одиночестве в середине рабочего дня. Они будто создали какое-то своеобразное прибежище на берегу Давамиша – мутной, зеленоватой речушки, впадающей в Пьюджет-саунд. Курильщики размышляют по дороге туда и обратно на работу. Они размышляют, стоя с сигаретой на грязном берегу.

Моей жены больше нет, и, вновь погружаясь в воспоминание, я оказываюсь на потрепанном шезлонге, смотрю на непроглядную черноту Худ-Канала и размышляю. На горизонте мигают огоньки. Где-то плещется морской котик.

Ее нет.

Софи больше нет.

Я воспроизвожу в мыслях моменты нашей совместной жизни. Сначала лучшие хиты. Нашу первую встречу. То, как я не мог

выкинуть ее из головы. Нашу поездку в Париж перед свадьбой. Ее прекрасную улыбку. Ее смех. Как она умоляла меня купить ту развалюху в районе Маунт-Бейкер, потому что там, где я увидел пустую трату денег, она разглядела прекрасный дом.

Потом я вспоминаю неприятные моменты.

Как Софи, будто взяв с меня пример, тоже начала задерживаться на работе. Я пытался убедить свою начальницу Кэрри, что всерьез намерен построить карьеру и ничего больше. Да, она заигрывала со мной, но она заигрывала со всеми, кто не боялся посмотреть ей в глаза и не был похож на обезьяну. А Софи начала присылать мне сообщения прямо перед тем, как я садился в машину, чтобы по ужасным пробкам вернуться домой.

Можешь не торопиться. У нас тут важный проект.

Оплошали, когда готовили витрину для Китая. Слава богу, вовремя заметили.

Мы с Жанной выпьем по коктейлю.

Работа над новой концепцией затянулась. Придется задержаться.

SAM устраивают прием. Я загляну после работы.

В глубине души я знал, что происходит, но не решался поговорить об этом с Софи. На работе я всегда прямолинеен: это помогает моей карьере. Но я не мог так вести себя с Софи. Мне так повезло, что она стала моей женой. Я так гордился. Рядом с ней я становился лучше, умнее, успешнее, даже привлекательнее. Поймите, Софи никогда не была эдаким трофеем или модным аксессуаром. Это я был аксессуаром, счастливчиком, которому досталась женщина, о которой другие могли лишь мечтать.

По правде говоря, я не хотел знать, что она делает и, если уж на то пошло, с кем она это делает. У меня в голове не укладывалось, что между нами есть другой мужчина. Я никогда не изменял Софи. Мог бы. Со мной заигрывали. Начальница, хоть она и не считается. Красотка, сидевшая рядом в закускойной в Хитроу. Девушка,

поливавшая цветы у нас в здании, пока эту обязанность не переложили на сотрудииков.

Изна Софи была подобна недиагностированному раку. Я чувствовал, что опухоль растет во мне, становится все больше и больше. Сначала она была размером с грецкий орех, потом с персик, потом с целую дыню, которая давила мне на ребра, напоминала, что мне нужно к врачу. Измена Софи была опухолью, которую я намеревался игнорировать до последнего вздоха. Я бы умер во сне. В блаженном неведении.

В своей фантазии я все еще сижу на пляже и слушаю, как плещется где-то морской котик. Обри их обожает. Когда один из них подплыл к нашей лодке, Обри хотела его потискать и расцеловать. Я улыбаюсь, вспомнив об этом, и подношу к губам бутылку виски. Я пью не только по особым случаям. Как и мои коллеги, я делаю то, что нужно, чтобы справиться с работой. День за днем, и не оглядываться.

Сделав глоток, я замечаю, что в «Хризантеме», маленьком коттедже, где остановилась Тереза с внуками, зажегся свет. Потом погас и зажегся снова. Опять погас. С этими детьми, должно быть, куча проблем. Но мои мысли невольно возвращаются к интрижке Софи. *Интрижка*. Боже, не выношу это слово. Оно облакает предательство в легкомысленную, привлекательную упаковку. Закрутить интрижку. Невинная интрижка. Заинтриговать. Интриганы.

Жертва интриги.

Я представляю, как засовываю в бутылку из-под виски записку и кидаю в воды залива, чтобы рассказать миру, что думаю о жене.

Будь ты проклята, Софи. Ты все испортила. Безвозвратно.

Разумеется, я этого не делаю. Просто пью дальше. Я даже не злюсь. Внутри меня лишь пустота.

* * *

Кто-то сигналит. Потом еще кто-то, затем к ним присоединяется кто-то третий. Ужасная какофония.

О, черт. Я вижу перед собой свободную полосу, заблокированную моим автомобилем.

Я резко газую и машу рукой, прежде чем осознать, что мне все равно, злятся ли водители у меня за спиной.

Я задремал или впал в какой-то транс? Бутылка виски все еще лежит на заднем сиденье вместе с другими вещами и мешком с мусором, так что по крайней мере я не пил.

Но я ощущаю какое-то подобие похмелья: сон оставил во мне бесконечную, звенящую пустоту.

Я беру себя в руки и останавливаюсь на заправке. Достав кредитку, я набираю полный бак. Это занимает от силы пару минут. Мне кивает сильно обгоревшая на солнце девушка, заправляющая свою «Камри», она кидает в мусорный бак пустую пластиковую бутылку и обертки из-под фастфуда. Я следую ее примеру и выбрасываю свой мусор.

– Я, считай, почти что живу в машине, – говорит девушка.

Софи говорила так же, прежде чем получила работу в «Старбаксе», когда ей приходилось ездить в офис «Майкрософт» в Редмонде.

– Да, – говорю я, – я тоже.

Фрэнк и Хелен по-прежнему живут недалеко от гольф-клуба в Федерал-Уэй, в том самом доме, где родилась Софи. По-своему это весьма впечатляющий дом – одноэтажный, с галечной дорожкой и ландшафтным дизайном, недвусмысленно демонстрирующим, что владелец дома одержим страстью все контролировать. Кусты выстрижены в форме идеальных сфер. Газон безупречно гладок. Подъезжая к дому, я чувствую каждый булыжник. Я подхожу к входной двери и пытаюсь повернуть ручку, но дверь оказывается заперта. Обри уже пора спать, и я надеюсь, что мне не придется говорить с ней сегодня. Хватит с меня встречи с Фрэнком. Он наверняка снова начнет меня обвинять. На это у него всегда хватает сил.

Дверь открывает Хелен. Ее лицо бледнее кремового свитера, свисающего с ее костлявых плеч. Я без слов протягиваю к ней руки, и мы обнимаемся на пороге.

– Мне так жаль, – говорю я. – Мне так жаль.

Я чувствую, как ее хрупкое тело сотрясается в моих объятиях. Она знает, что случилось с Софи, но всякий раз, когда кто-то выражает свои соболезнования, Хелен чувствует новую волну боли. Участие лишь усугубляет страдания матери, потерявшей единственное дитя.

– Входи, Адам, – говорит она. – Мы уложили Обри, но она еще не спит.

– Она знает, что случилось? – спрашиваю я.

Хелен делает шаг назад и глядит на блестящий пол под нашими ногами.

– Фрэнк ей сказал, – говорит она. – Решил, что она имеет право знать.

На ее лице перемешались скорбь потери и горечь, направленная на мужа. Неудивительно, Фрэнк Флинн – показушник. Ему необходимо быть самым громким, самым первым. Незабываемым. Нередко ему это удается, но не так, как он надеялся. Ему вздумалось

первым поговорить с моей дочерью. Захотелось первым сказать ей, что ее мама умерла.

– Он был очень деликатен, – добавляет Хелен.

Мне не хочется спорить. Я не желаю превращать худший день в своей жизни в начало войны. Потом я чуть было не начинаю смеяться – война началась еще до нашей с Софи свадьбы. Я безуспешно старался игнорировать конфликт. Фрэнк желает безраздельно властвовать над своими «малышками»: сначала Хелен, потом Софи и наконец Обри. А я как астероид за пределами его орбиты. Присутствую, но лишь номинально. Появляюсь, но лишь ненадолго.

Фрэнк сидит в гостиной, выдыхая дым от сигары в сторону очистителя воздуха. Без толку. Как и «Бьюик», дом целиком пропах табаком. Интересно, как Хелен это терпит.

Возможно, она уже не чувствует запаха.

– Мы потеряли нашу Софи, – говорит он, когда я подхожу ближе.

– Потеряли, – повторяю я, гадая, почему он говорит про Софи, как про забытый в аэропорту багаж. Ее изнасиловали. Убили. Она лежит в холодильнике в морге.

– Моя малышка, – говорит Фрэнк. – Что нам теперь делать?

Он смотрит на меня, но обращается к жене. Я для него пустое место, как и всегда.

– Нужно все распланировать, Фрэнк, – говорит Хелен.

Пепел грозит вот-вот упасть с сигары, Фрэнк наконец-то ее тушит.

– Не будем мы ничего планировать. Какие тут могут быть планы? Зачем? Что мне остается в жизни? С тобой мне, что ли, планы строить?

– Я о другом, – говорит она. – Нам нужно запланировать похороны.

Я знаю, что менять тему бесполезно: спор повторится еще по меньшей мере сотню раз.

Но я все же подаю голос:

– Мне нужно поговорить с Обри.

– Она спит. Я все ей сказал. Она в порядке, – Фрэнк выплевывает слова мне в лицо.

Сомневаюсь, что она спит, и не думаю, что трехлетняя девочка может быть в порядке, услышав, что ее мама теперь на небесах.

– Хелен говорит, она еще не уснула, – отвечаю я, оглядываясь на мать Софи в попытке заручиться ее поддержкой.

– Нет, уснула, – говорит Фрэнк. Он пытается встать из своего кожаного кресла, но быстро сдается. Застрял. *Вот и славно*, думаю я.

– Ей нужен ее отец, – говорю я.

Словно щелкнул выключателем. Фрэнк теперь не успокоится, пока не задерет ногу, чтобы помочиться на меня.

– Ей нужна нормальная семья, – говорит он.

Он снова пытается встать и снова терпит поражение. Хорошо.

– На что ты намекаешь? – говорю я.

– Не изображай из себя дурачка лишь потому, что моя жена здесь. Я знаю, что ты был неверным, паршивым мужем. Моя дочь тебя простила, а я нет.

Я вспыхиваю. Я никогда не изменял Софи. Никогда. Ни разу.

А она изменяла. Она изменяла мне. Мне хочется закричать это прямо в лицо жирному, лысеющему бабуину. Но я сдерживаюсь. Я никогда не говорил Софи, что знаю о ее измене. От этого стало бы только хуже. Я боялся, к чему это могло привести. Если бы ей пришлось выбирать, то, возможно, любовь всей моей жизни выбрала бы вовсе не меня.

– Я никогда ей не изменял, – говорю я наконец. – Ни разу.

Хелен подает голос:

– Я же говорила, Фрэнк. Адам этого не делал.

– Его слово – дерьмо собачье.

И тут появляется Обри. Она одета в бледно-розовую ночную рубашку, которой я не помню.

– Привет, милая, – говорю я.

– Папа!

Она подбегает ко мне, и я поднимаю ее к самому потолку.

– Мама на небесах, – говорит она.

– Да, Обри, – говорю я, чувствуя на себе взгляды Хелен и Фрэнка.

– Я хочу стать ангелом, – говорит Обри.

– Ты и так ангелочек, дорогая, – говорю я. Моя злость на Фрэнка частично улетучивается, и я неохотно опускаю Обри.

Потом я поворачиваюсь к теще:

– Нам пора идти, Хелен.

– Может, останетесь на ночь?

– Мне завтра на работу.
– Да черта с два, – говорит Фрэнк. – Завтра же День поминовения. Тут он прав.
– Ох, – говорю я, – верно.
– И в любом случае твоя долбаная работа подождет. У тебя жену убили. Ты что, вообще поехавший?
Я не хочу здесь оставаться. Ненавижу это место.
– Пожалуйста, – говорит Хелен.
Я сдаюсь:
– Хорошо. Мы останемся.
– Тебе нравится моя рубашка? – спрашивает Обри. – Это мамина. Она носила ее, когда была маленькой.
Хелен печально улыбается.
– Я нашла ее на днях, когда разбирала вещи в гараже. Собиралась вернуть Софи, чтобы та отдала дочке, – она наклоняется и целует Обри в макушку. – Она бы сказала, что ты самая красивая девочка во всем мире. Верно, Фрэнк?
Фрэнк молчит, и я знаю почему.
Для него самая красивая девочка в мире – та, что теперь лежит в морге.

* * *

Гостевая спальня в доме Флиннов многое говорит о них и о том, как они относятся к гостям. В углу стоит антикварный хьюмидор Фрэнка из стекла и красного дерева, который он купил на аукционе в Такоме. Выложил огромные деньги. Всем хвастался. А потом, как конченный придурок, отделал его заново. Соскреб благородную патину, отполировал медные петли так, будто хьюмидор еще вчера стоял на полке в «ИКЕА». Фрэнк совершенно его испортил. Мы с Софи долго смеялись. Но ничего ему не сказали. Должно быть, это сделал кто-то другой. Теперь хьюмидор стоит в гостевой комнате, а не на почетном месте в его кабинете.

Вместо кровати – вы не поверите – раскладушка. Я не шучу. Настоящее орудие пыток, на котором совершенно невозможно удобно улечься.

Флинны редко принимают гостей. Думаю, потому, что Фрэнк не любит делить с кем-то жилое пространство. Он вообще не любит делиться. Женой. Дочерью. Идиотским антикварным хьюмидором.

Хелен застелила для меня это прокрустово ложе и даже включила старый дешевый ночник на прикроватном столике. Не понимаю, каждый предмет в этом доме – наивысшего качества. Но не в этой комнате. Я присаживаюсь на край раскладушки, ожидая, что она вот-вот захлопнется, как мышеловка. Я действительно оказался в ловушке. Я хочу забрать дочь и уехать домой. Хочу набрать полные легкие воздуха. Хочу оплакать жену, а не выслушивать, что думают о ее кончине другие люди.

Слишком поздно.

– Адам?

За дверью стоит Хелен.

– Не заперто, – говорю я.

Она приоткрывает дверь.

– Линда Ландан начинает репортаж о Софи.

Я встаю и иду следом за Хелен к огромному телевизору, который Фрэнк подарил себе на прошлое Рождество. На экране показывают рекламный ролик о распродаже в честь Дня поминовения.

– Садись, – говорит Фрэнк, точнее – приказывает. – Наша Софи – в первом сюжете, и она этого заслуживает.

Как будто мертвым есть дело, каким по очереди покажут их сюжет.

Начинается новостной сюжет, и симпатичная дикторша-блондинка объявляет, что «заслуженный репортер» Линда Ландан собирается рассказать о «леденящей душу загадочной трагедии, произошедшей в крохотном городке на берегу Худ-Канала».

Журналисты не поскупились на драматизм.

Линда стоит у самой воды. Идет прямой эфир, и свет прожекторов Линду совсем не красит. В каждой морщинке на ее лице залегла глубокая тень. Линда рассказывает об «ужасающей находке» и о глубоко скорбящей семье.

Фрэнк кидает на меня взгляд:

– Я поговорил с ней до твоего приезда. Не на камеру. По телефону.

Ну еще бы.

Линда беседует с местной жительницей, и та рассказывает, как они шокированы произошедшим.

– То есть мы всегда были здесь в безопасности, – говорит она, и стоящий рядом молодой человек в майке с логотипом Patrón энергично кивает в знак согласия.

Парень в майке наклоняется к камере, желая урвать свою минуту славы.

– В наших краях такого попросту не бывает, – говорит он. – Иногда люди тонут, да. Но здесь никого не убивают. Мы не убийцы. Так и скажите в новостях.

Самое интересное Ландан решает оставить напоследок.

– Наши источники, знакомые с ходом расследования, – говорит она, – сообщают, что у полиции есть подозреваемый. Мы не знаем, кто это, но будем держать вас в курсе дела.

Фрэнк, похожий на уродливого Будду, смотрит на меня:

– Интересно, кто бы это мог быть?

– Нам всем интересно, Фрэнк, – говорит Хелен, прерывая неловкое молчание.

– Я ложусь, – говорю я.

– Как ты вообще можешь спать? – спрашивает Фрэнк. – Учитывая, что произошло.

Я знаю, что он имеет в виду «учитывая, что ты сделал».

Я решаю промолчать и иду обратно в гостевую спальню. Я не уверен – телевизор все еще работает, – но, кажется, Фрэнк говорит:

– Не волнуйся, Хелен, этому сукину сыну не поздоровится.

Я пытаюсь заснуть, но понимаю, что шансов мало. У меня никак не выходит смириться с тем, что произошло и что еще произойдет. Я попал в ловушку, и убийство жены меня не отпускает.

В десять утра в понедельник, в День поминовения, мне звонит Фрэнк Флинн. Я ничуть не удивлена – разве что тем, что он продержался так долго. После разговора на пляже мне стало ясно, что он намерен принять в расследовании настолько деятельное участие, насколько будет возможно. Он засыпает меня вопросами, на которые я отвечаю так откровенно, как только могу. Некоторая информация станет известна только после завтрашнего вскрытия.

– Мне приехать, чтобы дать показания? – спрашивает он.

– Я уже взяла у вас показания, – отвечаю я. – Если только вы не хотите что-то добавить.

– Думаю, мою дочь убил ее муж.

Весьма прямолинейно и предсказуемо. Не важно, что у нас есть свидетель, подтвердивший слова Адама о том, что он был в лодке в сотне ярдов от берега. Фрэнк Флинн убежден, что виноват его зять.

– Почему вы так считаете, сэр? – спрашиваю я.

Отец Софи не ходит вокруг да около. Он напоминает мне моего отца. Тот совсем не такой вспыльчивый, как Фрэнк Флинн, но, с другой стороны, ему не доводилось беседовать со следователем касательно убийства дочери.

– Он ей изменял, – говорит Фрэнк. – Наверное, с кем-то с работы.

– Откуда вы знаете?

Он снова идет в атаку:

– Дочь мне говорила. Вот откуда я знаю.

– Хорошо, – говорю я, гадая, почему он не упомянул об этом во время предыдущего разговора. Мистер Флинн явно не привык сдерживаться. – Когда она сказала об этом? Что еще она говорила?

Меня так и тянет сказать, что измена еще не означает, что Адам убил Софи. Если бы все неверные мужья были убийцами, в тюрьмах не хватило бы места.

Фрэнк идет на попятную, что, похоже, для него в новинку.

– Софи не говорила об этом прямо, – поясняет он. – Гордость ей не позволила бы. Моя малышка не любила лишний раз нас беспокоить.

Он ненадолго замолкает:

– Поговорите с Жанной Фонг, ее лучшей подругой с работы. Наверняка она все вам расскажет. Могу продиктовать телефон.

Я записываю номер Жанны Фонг и уверяю Фрэнка, что поговорю с ней, но это всего лишь любезность по отношению к человеку, потерявшему дочь. Сомневаюсь, что я действительно узнаю что-то полезное. Лучше не напоминать Фрэнку про свидетеля, видевшего драку на пляже. Фрэнк просто скажет, что старик ослеп или сговорился с Адамом. В любом случае я вынуждена ждать результатов вскрытия.

– Я позвоню Жанне, – говорю я.

– Она теперь живет в Такоме, – говорит Фрэнк. – Вышла замуж прошлым летом. Говорят, славный парень, не то что мой зятек. Это уж точно.

* * *

Монтроуз уехал на праздник с детьми, так что в кабинете царит тишина. Не с первого раза, но мне все же удастся дозвониться до Жанны Фонг. Она уже знает о том, что случилось с Софи, и готова помочь следствию.

– Всем, чем смогу, – говорит она тихо, почти шепотом.

Я говорю, что приеду в Такому, если она дома.

– Да, – говорит она и диктует адрес. – Я буду ждать. Других дел у меня нет. А муж уйдет на работу: нам нужны деньги. Приезжайте. Софи была моей подругой. Поверить не могу, что все так вышло.

* * *

Жанна Фонг встречает меня на пороге своего прелестного дома в викторианском стиле в Северной Такоме. Ее черные волосы стянуты в небрежный хвост, а на шее красуются тонкие коралловые бусы. Я замечаю ее красноречиво выдающийся живот и приветливо улыбаюсь.

– Осталось два месяца, – говорит Жанна. – Кажется, будто два года. У вас есть дети?

Я качаю головой.

– Нет. Но когда-нибудь, надеюсь, будут, – это правда.

Жанна предлагает налить мне чаю, и мы идем на кухню. Она оформлена в нежно-розовых тонах. На полках коллекция зеленой стеклянной посуды, как будто открылась дверь в весну. Очаровательно.

– Я так плакала, – говорит Жанна, наливая чай из розового винтажного чайника. Воздух наполняет аромат жасмина. – Кажется, будто все это – дурной сон.

Она дрожит, и я похлопываю ее по руке.

– Мне очень жаль, – говорю я.

– Спасибо. Я уже несколько месяцев не видела Софи, но мы с ней все время общались. Она моя лучшая подруга. Была моей лучшей подругой, – она коротко, глубоко вздыхает. – У меня был тяжелый период в жизни, пока я не встретила Ричарда, моего мужа, и Софи всегда меня поддерживала. Поверить не могу, что ее больше нет.

– Понимаю, – говорю я. – Я хотела поговорить с вами насчет того, что сказал отец Софи. Возможно, это связано с тем, что с ней произошло.

Я решаю опустить слова *изнасиловали и убили*. Для этой милой девушки, сидящей за столом на сказочной кухне, гораздо лучше подойдет обтекаемое *произошло*, чем жестокая правда.

– Мистер Флинн? – говорит Жанна. – Никогда с ним не встречалась.

Странно. Но, с другой стороны, Фрэнк и не утверждал, что знаком с ней лично.

– Он говорит, что у Софи и Адама были какие-то проблемы в браке и вы сможете рассказать чуть подробнее.

Жанна размешивает в чае стевию.

– Как по мне, Адам сам одна большая проблема, – говорит она. – Но это мое личное мнение. Мы с ним никогда не ладили. Как кошка с собакой. А Софи его любила по большей части.

– В каком смысле «по большей части»?

– Она мирилась с его желанием вырваться вперед. Он ведет себя так, будто вся жизнь – это та старая настольная игра «Риск». Я играла

в нее с братьями. Высокие ставки. Война за то, чтобы завладеть всем миром.

Я знаю эту игру. Кип обожал «Риск». Однажды он с Адамом и остальными засели за эту игру на все выходные. Подвал пропах пищей и грязными носками. У мамы чуть не случилась истерика. А папа только смеялся и, кажется, даже гордился, что Кип так жаждал выиграть. Интересно, вспоминал ли Кип про игру, когда был в Афганистане?

– А что насчет проблем в браке? – спрашиваю я.

– Да ничего особенного.

– Отец Софи считает, что Адам ей изменял.

Жанна отпивает глоток чая.

– Возможно. На него это похоже. Не потому, что он не любил Софи. Она была девушкой мечты. Красивая. Обаятельная. Талантливая. Может, он похаживал на сторону, но бросать ее не собирался.

– Похаживал на сторону?

– Было там что-то странное, – говорит она, пожав плечами. – Софи все гадала, чем он занимается после работы. Думала, он подцепил какую-нибудь официантку из ресторана поблизости или вчерашнюю студентку, стажирующуюся в «СкайАэро».

Она неожиданно замолкает и смотрит в чашку.

– Что-то не так?

– Я помню, она говорила что-то про измену, еще до того, как родилась Обри, но без подробностей. Я пытаюсь припомнить, но она действительно не говорила ничего такого, что указывало бы на конкретного человека. Скорее это было просто ощущение.

– Ощущение?

– Да, один раз она спросила, что я скажу, если он сбежит с официанткой?

– С официанткой, – повторяю я.

– Ага, – говорит Жанна. – Мы вместе посмеялись. Я сказала, что он бы никогда не польстился на кого-то настолько ниже по статусу. Не считите меня снобом, я уверена, многие официантки – прекрасные люди, но для Адама это было бы унизительно.

– Вы говорите, что это только ощущение. Но как вы думаете, Адам изменял ей в последнее время?

Жанна пожимает плечами: «Честно говоря, не знаю. Мы много про что болтали – про моих парней, про нашу работу, про Обри, когда она родилась. Но Адама мы обсуждали редко. Он был ну как репей, от которого не отделаться».

Я повторяю ее слова.

– А Софи хотела от него отделаться?

Жанна слегка улыбается:

– Мне кажется, да. Она говорила, что Адам стремится все контролировать еще сильнее, чем ее отец, а это о многом говорит, если вы хоть что-то знаете о мистере Флинне, хотя я с ним и не встречалась.

Мне не хочется думать о мистере Флинне. Вместо этого я говорю:

– Пару минут назад вы упомянули “что-то странное”. Не расскажете поподробнее?

Она колеблется:

– Ну не знаю. Кажется, он фетишист или типа того. Как-то раз мы с Софи поехали в торговый центр и взяли машину Адама. А потом, когда складывали покупки в багажник, увидели там куклу для секса.

Я не понимаю, о чем она говорит:

– Какую куклу?

Жанна морщится:

– Надувную, с которыми балуются парни. Софи разозлилась, когда ее увидела. Сказала, что Адаму якобы подарили ее на работе в качестве розыгрыша или что-то в этом духе.

Я обдумываю ее слова, прежде чем задать следующий вопрос:

– Как чувствовала себя Софи в последнее время? Она была счастлива или ее что-то беспокоило? Что вы думаете, Жанна?

– Все было неплохо. Лучше, чем раньше. Рождение Обри хорошо на нее повлияло – на них. Они по-прежнему ссорились, но дочь их объединяла. Софи была замкнута, но я знала, что она чувствует.

– Значит, они были счастливы? – спрашиваю я.

– Настолько, насколько это было возможно.

– Что вы имеете в виду?

Жанна предлагает налить мне еще чаю, но я отказываюсь.

– Быть счастливой не так-то просто. Когда у тебя тяжелая работа и ребенок, где тут найти время на счастье? Я уже выбилась из сил. Не знаю, что будет, когда Софи родится.

Ее голос срывается, когда она произносит имя дочери.

– Я решила, что назову ее Софи, когда услышала новости.
– Это прекрасный жест.
– Софи была потрясающей, – по щекам Жанны текут слезы. – Так трудно говорить о ней в прошедшем времени. Это неправильно. Вы должны найти того, кто это сделал.
– Мы над этим работаем.
Она чуть колеблется:
– Не знаю, кто это сделал, но не верю, что это был Адам. Представить себе такого не могу.
– Почему?
Жанна делает глубокий вдох:
– Он козел. Совершенно невыносим. Думает только о себе. Это правда. Но он знал, как ему повезло заполучить девушку вроде Софи. Она – лучшее, что случилось с ним в жизни. А Обри? Она как вишенка на торте. Идеальных браков не бывает. У них были свои проблемы. Надеюсь, вы знаете, как сильно я любила Софи, и не поймете меня превратно.
Она смотрит на меня в упор. Я вижу, что она вот-вот заплачет.
– Скажите, что думаете, – говорю я ей.
– Софи и Адам друг друга стоили, честное слово. Она была замкнутой, тихой. Была склонна к депрессиям, а он этого не замечал. Хреновое сочетание, как по мне.

* * *

Прежде чем отправиться обратно в Шелтон, я проверяю автоответчик. И нахожу там сообщение от Адама.

Он говорит негромко. Не шепотом, но так, будто старается не потревожить кого-то. Может, дочь?

– Я слышал, у вас есть подозреваемый, – говорит он. – Я все еще пытаюсь прийти в себя и решить, что делать дальше. Просто хотел позвонить и поблагодарить тебя за все. Ты всегда была мне дорога, как и вся твоя семья.

Он думает о Кипе. Не обо мне. Я знаю. Он вспоминает, как наш отец каждый год возил его с Кипом на рыбалку, с седьмого класса и до того момента, как Кип пошел на службу. Пару раз я ездила с ними. Но

Адам и Кип были главными героями этой истории. Я была просто застенчивой девочкой, влюбившейся в лучшего друга своего брата.

Сама не зная, почему, я прослушиваю сообщение еще дважды, прежде чем удалить его.

Отдел судебно-медицинской экспертизы округа Китсап лежит на холме, прямо над дилерским центром Бремертона, уставленным бесконечными рядами новеньких автомобилей. Я приезжаю в одиночестве. Монтроуз развозит своих детей перед работой, потому что, как он выразился, «на этой неделе вторник стал понедельником», и вся его семья стоит на ушах.

Хорошо, что у меня в жизни все просто.

Когда я заезжаю на парковку, то вижу тренирующихся новобранцев на поле слева от меня. Всякий раз при виде молодых солдат я вспоминаю своего брата. В армию идут по разным причинам. Кто-то просто хочет воевать. Кто-то сбегает из дома. Для кого-то вечная борьба – это способ существования. Таким был Кип. Бойцом.

Мое сердце замирает, когда я вижу на парковке бордовый «Бьюик».

Сюда приехали Фрэнк и Хелен Флинн. Понятия не имею зачем. Адам уже опознал Софи, им нет никакой нужды истязать себя.

Когда охрана пропускает меня в здание, я встречаюсь с помощницей судмедэксперта Селией Грин. Ей двадцать с небольшим, у нее короткие светлые волосы и по дюжине сережек в каждом ухе. Над вырезом ее кофты видна часть татуировки – какая-то надпись, выполненная каллиграфическим шрифтом. Я не могу разобрать слова и наверняка буду гадать весь день. Со мной так всегда. Я обожаю загадки и никогда не пропускаю телевикторины, хотя вслух об этом никому не признаюсь.

– Господи боже, – говорит она вместо приветствия, – отец убитой – тот еще козел.

Я сохраняю бесстрастное выражение лица:

– В чем дело?

Селия закатывает глаза.

– Он хотел ее увидеть. Я сказала, что тело уже опознали и подготовили к вскрытию. Предложила дожидаться, пока его отправят в похоронное бюро.

– Его это не устроило, – говорю я, прекрасно зная, что Фрэнк Флинн ничего не устраивает. Он успел оставить мне семь голосовых сообщений. В каждом содержалось настойчивое – и непрошеное – предложение «помочь» с расследованием.

– Не устроило, – подтверждает Селия. – Они с женой в смотровой, ждут, чтобы подняли жалюзи.

– Патологоанатом может это сделать? – уточняю я.

– Ага, – говорит Селия.

Светлая память. Вот что вытатуировано у нее на груди. Мне видны верхние края букв *С* и *П*. Интересно, кому посвящена татуировка? Но я не стану спрашивать.

– Девочка осталась с Деб в архиве, – добавляет Селия.

Я поражена:

– Они привезли с собой дочь?

– Ага. С ума сойти. Кому взбредет в голову взять в морг трехлетнюю девочку?

– Фрэнку Флинну, – говорю я. – Вот кому.

– Миссис Флинн это явно не по душе. Она ни слова не сказала.

Для Хелен это нормально, но я решаю промолчать. Я направляюсь в смотровую, где встречаю мать Софи, сжимающую коробку салфеток, и Фрэнк, стоящего прямо перед смотровым окном, словно в ожидании футбольного матча.

Он сверлит меня обжигающим взглядом.

– Ну наконец-то, – говорит он. – Я уж думал, вы не приедете.

Я приехала на десять минут раньше, но говорить об этом не стоит.

– Я здесь.

Я слышу, как Хелен вытаскивает из коробки носовой платок. Она уже всхлипывает. Я кладу руку ей на плечо.

– Вам необязательно здесь оставаться, миссис Флинн.

Она кивает, затем смотрит на мужа.

– Она хочет здесь быть, – говорит он. – Это наш единственный ребенок. Мы хотим справедливости, и мы намерены принимать самое деятельное участие везде, где можно.

– Мне очень жаль, – говорит Хелен одними губами.

Фрэнк кидает на нее такой взгляд, что она тут же отворачивается, словно от удара.

– Мы все хотим справедливости, – говорю я. – Поэтому я и здесь. Я буду бороться за Софи до тех пор, пока не поймаю того, кто ее убил. Давайте не будем спорить о том, в чем мы и так согласны.

Фрэнк еще несколько секунд смотрит на жену, прежде чем перевести взгляд на меня.

– Вы все правильно говорите, но я кое-что о вас разузнал. Послужной список у вас сомнительный.

– Фрэнк! – восклицает Хелен. – Прошу тебя.

Он говорит о девушке, которую нашли задушенной в озере Мейсон. Скорее всего, ее убил бойфренд, но мы не смогли доказать его вину.

Фрэнк трясет головой в притворном омерзении:

– Интересно, каково сейчас родным Кэти Райнхарт?

Я знаю, чего он добивается, но не собираюсь глотать наживку. Кем нужно быть, чтобы ранить других чужой трагедией?

– Они горюют, – говорю я.

Фрэнк не вздрагивает. Не такой он человек, чтобы вздрагивать. Он идет напрямик в атаку, как грузовик без тормозов.

– И злятся, – говорит он в ответ и добавляет: – Я позвонил отцу Кэти Райнхарт, и ему было, что сказать.

Я понимаю. Честное слово, понимаю. Скорбь толкает людей на многое. Я не хочу ругаться с этим человеком. У него есть право злиться на весь мир. Но чего у него нет, так это права создавать нелепое подобие клуба родителей, чьи дети погибли, а убийцам удалось ускользнуть. Я собираюсь найти убийцу Кэти. И убийцу Софи.

– Миссис Флинн, вы уверены, что хотите видеть Софи? – спрашиваю я, стараясь говорить как можно мягче. – Вам необязательно это делать.

Как и всегда, Фрэнк отвечает за свою жену:

– Она этого хочет.

Но его мнение меня не волнует. Что бы между ними ни происходило – а я прекрасно вижу, что между ними происходит, – это не мое дело. Хелен – человек, а не вещь.

– Я не вас спрашиваю, – говорю я.

Фрэнк в ярости. Его лицо как красный сигнал светофора.

Хелен выглядит растерянной, что, судя по всему, для нее довольно типично. Она явно не привыкла видеть, как кто-то не соглашается с ее

мужем.

– Нет, – говорит она слабым голосом, прежде чем заметить его взгляд. – То есть я хочу сказать, да, я уверена.

– Хорошо, – говорю я. – После того как вы взглянете на нее, мы снова опустим жалюзи. Когда вы уедете, я прослежу, как патологоанатом произведет вскрытие, чтобы определить причину смерти и собрать улики, которые могли остаться на теле.

Фрэнк жестом подзывает Хелен к себе, поворачиваясь к окну.

Я нажимаю кнопку, и жалюзи с той стороны стекла поднимаются.

– Черт побери, – говорит Фрэнк, увидев тело Софи на стальной каталке, прикрытое простыней. – Черт его побери. Он действительно убил мою малышку. Сукин сын!

Хелен ничего не говорит. Она стоит неподвижно, словно статуя, пока ее муж извергает проклятия. Ее пальцы скрючились, скомкав салфетку в почти идеально ровный шарик.

Я задаю вопрос, ответ на который мне и так известен, – вопрос, на который ответил Адам на месте преступления.

– Это Софи?

Фрэнк резко оборачивается.

– Проклятье, – говорит он. – Конечно, это она, идиотка!

– Фрэнк, пожалуйста, – шепчет Хелен. Но его распахнутый рот будто бы втягивает в себя и ее слова, и весь воздух в этом печальном помещении. Дизайнер и подрядчик, должно быть, приложили немало усилий, чтобы сделать смотровую как можно умиротвореннее. Она оформлена в голубых, светло-серых и белых тонах. Над диваном, который, надо полагать, повидал немало слез, висит абстрактная картина с изображением облаков.

Фрэнк не обращает на жену ровным счетом никакого внимания, вместо этого тыкая в меня пальцем.

– Арестуйте Адама Уорнера! Он убийца! Мы это знаем. *Вы* это знаете. Беритесь за дело или пожалеете.

Я вдыхаю его угрозу. Будь я недостаточно уверена в своих профессиональных навыках или абсолютно лишена сострадания к отцу мертвой девушки, я могла бы использовать его слова.

Вместо этого я снова нажимаю кнопку, и жалюзи опускаются. Я открываю дверь и жестом предлагаю Флиннам выйти.

– Обри ждет вас, – говорю я.

Хелен не смотрит на меня. Просто выходит, опустив голову. Я чувствую жар, исходящий от Фрэнка.

– Советую держать нас в курсе дела, – рычит он.

– Я сообщу вам все, что смогу, – говорю я. – Но скажу прямо – так же прямо, как говорите вы: некоторую информацию мне придется оставить при себе, потому что я хочу, чтобы убийца понес заслуженное наказание.

– Собираетесь держать нас в неведении, значит? Просто отлично.

– Я хочу того же, чего и вы, – говорю я.

Он надувается еще сильнее.

– Тогда арестуйте моего зятя, и дело с концом.

– Мы не знаем, что произошло, мистер Флинн, – говорю я. – Но непременно узнаем.

Я не говорю ему о том, что уверена в невиновности Адама. Не из-за улики и свидетельских показаний, а потому, что знаю его. Знаю, какой он человек. Не тот, кто стал бы причинять другим вред. Он хороший. Он спас меня.

Я смотрю, как они забирают Обри. Девочка неохотно расстаётся с плюшевым мишкой, которого дала ей Селия – сотрудники отдела привыкли успокаивать и отвлекать детей с помощью этой игрушки. Фрэнк говорит, что мишка грязный и Обри нельзя с ним играть. Она больше похожа на мать, чем на отца, и я думаю, какую роль ее внешность сыграет в дальнейших отношениях Флиннов и Адама. Будут ли они видеть в ней Софи? Будут ли слышать ее смех и вспоминать женщину, найденную в тростнике у «осьминожьей дыры»? Станет ли Обри вечным напоминанием об их потере?

* * *

Доктор Тамара Кольер работает патологоанатомом округа Китсап всего шесть месяцев, получив это место после того, как ее заслуженный предшественник уехал работать в племя маках на полуострове Олимпик. Наш округ прибегал к помощи доктора Кольер всего несколько раз: две смерти в результате автокатастроф, одна из-за пожара и вдобавок то дело, которое Фрэнк Флинн швырнул мне в лицо, как подгнивший пирог, – Кэти Райнхарт.

Мы здороваемся, и она ведет меня в кабинет, объясняя, что уже определила причину смерти.

– Удар тупым предметом по затылку, – говорит доктор Кольер, глядя на меня поверх дешевых очков. – Кто-то ударил ее изо всех сил. Внушительный замах.

Мне не нравится это слово. Я не любительница спорта.

– Понятно, – говорю я, пока доктор направляет лампу, чтобы осветить затылок Софи. Я не заметила этого на месте преступления, но на голове у нее действительно видны гематома и глубокий порез.

Доктор Кольер такая низенькая, что ей приходится вставать на табуретку, чтобы провести осмотр. Она одета в зеленую больничную униформу, подтянутую по размеру с помощью изоленты. Мне на ум приходят две мысли: доктор Кольер весьма находчива, а округ Китсап поскупился заказать ей униформу по размеру.

– А что это у нее на шее? Тоже синяки? – спрашиваю я.

– Вы наблюдательны. Да, хоть и незаметные. Похоже, этот ублюдок ее придушил. Не думаю, что причина смерти была в этом. Но мне нужно вскрытие, чтобы убедиться.

Доктор Кольер бросает взгляд на пилу. За этим я наблюдать не собираюсь.

– Что насчет изнасилования? – спрашиваю я. – Мы заметили следы, указывающие на это.

Доктор смотрит на меня.

– Вот как? – спрашивает она весьма красноречивым тоном. Пусть она не вышла ростом, но свою работу воспринимает всерьез.

– Я не патологоанатом, – поспешно говорю я. Хватит с меня ссор на сегодня. – Хотела узнать ваше мнение.

Она смотрит поверх очков.

– Да, похоже на изнасилование. Я возьму все необходимые мазки, посмотрим, что скажут в лаборатории. Но, думаю, вы были правы, – она замолкает и снова опускает взгляд на безжизненное тело Софи.

– Надо полагать, улики вы не нашли, – говорю я.

– Шансы были бы получше, если бы вы упаковали ей руки.

– Ее выловили из Худ-Канала, – говорю я. – Мы подумали, в этом нет смысла.

Доктор Колье поднимает глаза.

– Мег Флейс нашли голой в Миссисипи, когда она всплыла на поверхность. На колечках в ее сосках были обнаружены частицы ткани, совпавшие с одеждой подозреваемого. Мег неделю провела в воде.

Не вижу связи. На теле Софи нет пирсинга, за который могла бы зацепиться чья-то одежда.

– ДНК? – спрашиваю я. – Под ногтями?

Доктор Кольер изучает тело:

– Нет. Ничего. Но в следующий раз упакуйте руки. Всегда упаковывайте руки.

Я смотрю, как она достает ватные тампоны и проводит ими по языку Софи, ее вагине и анусу. По два мазка на каждую часть тела, после чего доктор кладет тампоны в отдельные контейнеры, запечатывает и подписывает каждый.

Я наблюдаю за ней и невольно думаю, что и меня могла бы постигнуть такая же участь, если бы не Адам. Я не знаю, почему похититель бросил меня и когда он собирался вернуться. Не знаю, почему я была столь покорна. Мне невыносима мысль о том, чем все это могло закончиться. Я лежала бы на столе, мои органы извлекли бы, осмотрели и запихнули обратно. Меня постигла бы та же участь, что и Софи Уорнер.

– Лаборатория сейчас занята, – говорит доктор Кольер, включая пилу: мне явно пора идти.

– Ясно, – отвечаю я, возвращаясь мыслями в настоящее. – Спасибо, доктор.

Мне хочется кричать и проклинать Альберта Ходжа за то, что он со мной сделал. Обычно я о нем не думаю. Я попыталась похоронить тот день в глубинах памяти, словно какое-то неловкое происшествие на школьном спектакле. При виде Софи воспоминания потоком хлынули обратно, как и при виде Адама Уорнера.

– Вы в порядке? – спрашивает патологоанатом, выключая пилу.

– Просто не по себе, – отмахиваюсь я.

Она сочувственно улыбается. Пытается проявить участие:

– Понимаю. Для этой работы нужен крепкий желудок. Отец говорил, у меня он стальной. Я выросла на ферме. Сама резала коров.

Не дослушав, я бегу в туалет. Там я включаю холодную воду и умываюсь. Это помогает, но лишь самую малость. Из кабинки выходит

Селия.

– Боже, – говорит она, – тот мужик – редкостный козел. Не принимайте близко к сердцу.

– Ага, – отзываюсь я, не подавая виду, что расстроил меня вовсе не Фрэнк Флинн.

Я не хочу, чтобы она знала о моих чувствах. Когда ты что-то скрываешь, прячешь от мира, то ни за что не станешь обсуждать свою ношу с незнакомцем. Ты даже не знаешь, как толком сформулировать то, о чем думаешь, ведь ты никогда об этом не говоришь. Ты боишься, что беспорядочная мешанина слов сделает только хуже.

Хотя куда уж хуже.

– Мой напарник прислал сообщение, – вру я. – Пора возвращаться в Шелтон. Вы не могли бы попросить доктора Кольер отправить мне результаты экспертизы, как только они будут готовы?

– Конечно, детектив, – отвечает Селия. – Не беспокойтесь. Вы поймаете это парня. Я в вас верю.

Я знаю, что она хочет меня подбодрить, но от этих слов я лишь чувствую себя еще более жалкой.

* * *

Сев в машину, я проверяю автоответчик и вижу два новых сообщения.

Одно – от репортера Линды Ландан. Она весьма прямолинейна: «Вам нужно выйти в эфир и поговорить про убийство Софи Уорнер. Я выяснила все, что смогла, но зрителям нужно официальное заявление. К вам едет съемочная бригада».

Я не перезваниваю.

Другое сообщение – от Терезы Дибли, пожилой женщины с внуками, остановившейся в маленьком коттедже рядом с «Глицинией»:

«...Скорее всего, это мелочь, но я бы хотела с вами поговорить, если найдется время. Мы детьми останемся здесь где-то до четырех. Продлим немного эти трагичные выходные».

Терезе я решаю перезвонить.

* * *

– Я думала о том, чтобы поехать домой, – говорит Тереза Диббли, – но тут не возвращают деньги. – Мы сидим на террасе «Хризантемы» и смотрим, как Кларк с Дестини плавают на лодке возле берега.

Затем она тихо добавляет:

– То, что здесь произошло, – это ужасно.

– Я понимаю.

– Этим двоим пришлось нелегко, – продолжает она, глядя на внуков. – Тяжелое детство. Они хорошие ребяташки, но, боюсь, я слишком поздно их забрала. Хотелось бы мне быть на двадцать лет моложе.

– Вы прекрасно справляетесь, – говорю я. – Ваши внуки счастливы.

Она улыбается, глядя на них, и предлагает мне холодного чаю. Несмотря на прохладный ветерок, дующий с воды, на кедровой террасе жарко, так что я с радостью соглашаюсь.

– Меня кое-что насторожило, – говорит Тереза, протягивая мне стакан. – Я читала, что пишут про убийство в новостях. Поймите меня правильно, я не хочу совать нос не в свое дело. Мне это совсем несвойственно.

– Не волнуйтесь, – говорю я, – все хорошо. Расскажите, что вас беспокоит.

Тереза опускает стакан.

– Когда мистер Уорнер вернулся после... после того, как обнаружили тело миссис Уорнер...

Она расстроена. Я вижу по глазам.

– Да, – говорю я, – я понимаю, это тяжело.

Она выглядит несколько смущенной.

– Простите, – говорит она, пытаясь сдержать чувства. – В общем, когда он вернулся, то был совершенно разбит. Он едва сумел дойти от машины до коттеджа. Никогда не видела никого, настолько поглощенного горем. А я повидала немало горя. И с сыном. И с невесткой.

Кларк машет бабушке из лодки.

Тереза тут же вскакивает на ноги:

– Дестини! Немедленно надень спасательный жилет, иначе никогда больше не сядешь в лодку!

Она смотрит на меня и качает головой:

– Она загонит меня в могилу раньше времени.

Я улыбаюсь.

– Дети, которые не боятся запретов, потом добиваются самых больших успехов в жизни. Я всегда так думала.

– Вы начнете думать по-другому, когда у вас появится свой ребенок, – говорит Тереза.

– Надеюсь, что появится.

Мы пьем холодный чай, и Тереза переходит к делу.

– В воскресенье я предложила прибраться в коттедже, чтобы мистер Уорнер смог уехать пораньше. Никому не хочется платить штраф за беспорядок, верно? Мне хотелось хоть немного помочь человеку, который через столько прошел.

Я чувствую, как мое сердце начинает биться сильнее. Я тоже осматривала коттедж.

– Вы что-то нашли?

– Да нет, – говорит она, – не то чтобы. Но я заметила кое-что странное. В новостях сказали, что вечером в пятницу, накануне похищения, Уорнеры поужинали в коттедже. То ли сэндвичами, то ли стейками. Не уверена.

– А утром в субботу приготовили вафли на завтрак, – говорю я.

– Да, – соглашается Тереза, – это я видела. В раковине стояли две тарелки и миска, в которой взбивали тесто для вафель. В посудомоечной машине было пусто. Ни тарелок, ни стаканов – ничего.

– Может, они помыли посуду накануне, – говорю я.

– Да. Я тоже об этом подумала. Но, когда я разбирала холодильник, то нашла там три покупных сэндвича. Два с ростбифом и один, наполовину съеденный, с арахисовым маслом и вареньем.

Я обдумываю ее слова.

– И два стейка?

Тереза кивает:

– Именно. Они по-прежнему были в холодильнике. Я удивилась, когда прочла новости. Что-то тут не сходится.

Она права. Не сходится.

– Сэндвичи были из супермаркета в Худспорте, – продолжает она. – Наверное, и стейки оттуда же.

Я спрашиваю, не показалось ли ей еще что-то необычным?

– Я знаю, что миссис Уорнер пила вино, когда ее похитили. Бутылка осталась в холодильнике. «Совиньон Блан» с завинчивающейся крышкой. Я взяла ее прошлым вечером, чтобы приготовить на пару несколько моллюсков, которые мы с детьми нашли на пляже.

– Мусор остался в коттедже? – спрашиваю я, надеясь исправить допущенную ошибку. Мысль об оплошности наводит на меня тошноту. Тереза Диббли замечает, что мой интерес сменился тревогой, но ничего не говорит, и я ей признательна. Меня прошибает пот.

Тереза качает головой и ставит пустой стакан на стол, жестом веля Кларку вернуться поближе к берегу.

– Все урны в коттедже пусты, – говорит она, вставая на ноги. – Я подумала, что это странно. Зачем брать с собой мусор, но оставлять еду?

Во время ланча Монтроуз и я пытаемся обнаружить среди местных жителей кого-то, кто мог бы оказаться убийцей Софи Уорнер. В округе живет четверо мужчин, обвинявшихся в изнасиловании: двое из них использовали оружие, и только один похитил женщину.

По имеющимся у нас отчетам, сорокадевятилетний Джим Койл живет всего в двух милях от коттеджей в Лилливаапе. Он работает дальнобойщиком в небольшой транспортной компании в соседнем округе Джефферсон. В двадцать лет его обвинили в похищении и приговорили к семи годам заключения. Жертвой стала девушка, бросившая его. Она не желала давать ему второго шанса. Койл четыре часа держал ее под дулом пистолета, прежде чем наконец отпустил. По его словам, их сексуальная связь накануне произошла по взаимному согласию, но девушка утверждала обратное. По крайней мере поначалу.

Койл признал вину и отбыл наказание. Но через два года его жертва выступила по телевизору и сказала, что ей жаль. Она обрела веру в Бога и захотела исправить былые ошибки.

– Он не причинил мне боли, – сказала она пухленькому, лысому психологу. – Отчасти это был и мой грех.

Несмотря на это, мы решаем нанести Койлу визит.

Час спустя мы приезжаем по адресу. Зрение у Монтроуза острее, чем у меня. Он тут же замечает нужную дорожку. Она слишком узка, чтобы по ней могла проехать фура, и прикрыта сверху ветвями кленов и канадских елей.

– Извращенец живет здесь, – объявляет Монтроуз.

– И ты нашел его без GPS, – замечаю я.

Он пожимает плечами:

– GPS для слабаков.

Из переносного дома, стоящего в конце длинной, покрытой колдобинами подъездной дорожки, выходит мужчина в майке и заляпанных краской джинсах. Из-под майки выбиваются седые

волосы, растущие у него на груди. Такие длинные, что, кажется, их можно заплести в косичку.

Мы паркуемся, и Джим Койл немедленно подходит к окну у водительского места, смеряя нас недружелюбным взглядом.

– Видели знак «Проход запрещен»?

Его лицо покраснело от солнца. Карие глаза такие темные, что почти невозможно отличить зрачок от радужки. Он не улыбается. Кажется, он вообще никогда в жизни не улыбался. В уголках его губ нет ни одной морщинки.

Монтроуз открывает дверь, и Койлу приходится отступить; я тоже выхожу из машины. Монтроуз представляется, и становится ясно, что Койл привык к незванным гостям.

– Я знаю, зачем вы здесь, – говорит он.

– В самом деле? – спрашивает Монтроуз.

Койл складывает руки на груди, и клочок седых волос поднимается почти до самого подбородка.

– Давным-давно я совершил ошибку, – говорит он. – Познакомился с девочкой, которая меня подставила.

– Вы угрожали ей оружием, – говорю я.

– Да, в этом я признался. Но в остальном сучка солгала и сама же созналась в этом, когда решила попросить у меня прощения. Названивала мне. Не давала покоя. Говорила, что ей жаль. Что мне проку с этого? Судье все равно. Судимость никуда не делась. Я теперь насильник, поэтому вы и приехали. Проклятье.

Из дома выбегает тывкающий померанский шпиц, одна из наиболее неприятных мне пород собак, и Джим подхватывает его на руки.

– Где вы были вчера? – спрашиваю я.

– Отвозил груз в Лонгвью. Вернулся только утром.

Монтроуз оглядывается по сторонам:

– Где ваш грузовик?

Койл сажает собаку на левое плечо:

– Оставил в Чехалисе. Тормоза слегка заедают.

– Ох уж эти тормоза, – говорит Монтроуз.

Я искоса поглядываю на него. Он все время обещает мне, что перестанет демонстрировать свою неприязнь к подозреваемым с криминальным прошлым, но пока этого так и не произошло. За спиной

у Койла я вижу пикап красного цвета. На бампере сзади застряло немного тростника.

Если удастся взять образец, его можно будет сравнить с тростником, растущим у «осьминожьей дыры», где нашли тело Софи.

– Я не обязан ничего больше вам рассказывать. У меня нет адвоката, но я его найду. Обязательно найду. Разговор окончен.

– Идем, – говорю я Монтроузу.

Мужчина без улыбки возвращается в свой дом, а мы с Монтроузом садимся обратно в машину.

– Что это на тебя нашло? – спрашивает он.

– Нам нужно вернуться сюда с ордером на обыск.

– Ты смотрела ему за спину. Увидела что-то полезное?

– Его «Форд», – говорю я. – Совпадает кое с чем, что я видела на «Фейсбуке».

Монтроуз смотрит на меня и трясет головой. Я знаю этот взгляд. Прекрасно знаю. Остается только ждать. Три. Два. Один. Тишина.

– «Фейсбук»? Seriously? Ты используешь эту помойку для самовлюбленных кретин в расследовании? Да что не так с твоим поколением?

– Все будет так, когда твое поколение вымрет, – огрызаюсь я в ответ.

Он молчит, пока мы не выезжаем обратно на магистраль.

– Ладно, обмен любезностями окончен, теперь расскажи про пикап, который ты видела на «Фейсбуке».

Я смущенно улыбаюсь:

– Своими глазами я его не видела. Просто листала вчера вечером криминальную хронику округа Мейсон и увидела чей-то пост про то, что перед исчезновением Софи на дороге у Канал-вью стоял красный пикап. Внутри никого не было. Автор поста вспомнил про это, когда прочел, что похититель, по словам Адама Уорнера, мог утащить его жену наверх, на дорогу за коттеджами.

– Я знаю это, Ли.

– А вот чего ты не знаешь. Я заметила на бампере пикапа тростник, похожий на тот, который растет на берегу, где нашли Софи.

Теперь он смотрит на меня искоса:

– Ты теперь профессиональный ботаник?

– Сейчас у нас две задачи, и нужно выполнить их как можно скорее, – говорю я.

– Хорошо. Выкладывай.

– Во-первых, нужно узнать, действительно ли Койл вчера уезжал и во сколько. Во-вторых, поговорить с пользователем, который видел пикап. Потом вернуться с ордером. Если Софи была в пикапе, нам нужно будет это доказать.

Мы тормозим в месте, откуда открывается прекрасный вид на Худ-Канал. Темная вода словно бы отливает цветом индиго. Дует легкий ветерок, и волны с пенными гребешками разбиваются о валуны, окаймляющие берег. Здесь плохо ловит сотовая связь, но мне все же удастся найти имя пользователя. Я прошу дежурную часть отыскать нужный адрес. Монтроуз меж тем звонит в транспортную компанию. Его заставляют томиться в ожидании.

– Хорошо, – говорит он наконец. – Вы уверены?

Он кладет трубку.

– Койла вчера не было на работе, – говорит он. – Сказал, что заболел.

Я не хочу торопиться с выводами, но именно это я и делаю.

– Он – тот, кто нам нужен, – говорю я. – Так ведь?

– Похоже на то, – Монтроуз руководствуется кофеином и инстинктами, как и многие копы.

Я смотрю на экран телефона:

– Давай встретимся с Шейлой Симмонс.

– Кто это?

– Автор поста на «Фейсбуке». В дежурной части нашли ее адрес. Она видела пикап на дороге у коттеджей примерно в то же время, когда была похищена Софи.

Монтроуз закатывает глаза, но не спорит:

– Куда едем?

– На юг, – говорю я, глядя на адрес. – Она живет в Худспорте.

* * *

Шейла Симмонс живет в маленьком желтом домике у городской библиотеки. Опрятный и небольшой – крошечным его не назовешь, но

едва ли внутри наберется семьсот квадратных футов. Я стучу в дверь – в этот раз я обнаружила зацепку, и Монтроуз в очередной раз растерян и возмущен современными технологиями.

– Сначала музыка, – ворчит он. – Потом телевидение. Потом новости исчезают как явление. Что дальше? Куда ушли времена, когда все мы смотрели и читали одно и то же?

Я нажимаю на звонок, но к двери никто не подходит.

– Наверное, ушла стримить музыку, – говорит Монтроуз без капли иронии.

Я просовываю в щель визитку с подписью «Перезвоните», и мы направляемся обратно в Шелтон. По пути мы еще раз обсуждаем, что нам известно.

– С какой стати Койлу лгать нам, если он не виновен? – спрашивает Монтроуз.

– А с какой стати ему похищать незнакомку и выбрасывать тело так близко к дому?

– Преступники, – говорит он, – особенно закоренелые, мыслят не так, как нормальные люди, Ли. Они поехавшие. Человек, готовый изнасиловать и убить незнакомую женщину, воспринимает других людей как трофеи, призы, которые можно завоевать, чтобы почувствовать себя победителем.

– Кого они побеждают?

– Нас, – говорит Монтроуз, пока мы проезжаем мимо богатых особняков и более скромных жилищ. Их владельцы соревнуются в остроумии, пытаясь придумать как можно более звучное название. Некоторые таблички отсылают к именам владельцев: «Смертный Бойд», «Смит-Вессон». Другие напоминают, что дело происходит на побережье: «Капля в море», «Кисельные берега» и мой персональный фаворит: «Концы в воду». Серьезно.

– Или они, или мы, – продолжает Монтроуз. – И можешь передать своим приятелям в «Фейсбуке», «Твиттере» или чем ты там пользуешься: в этот раз мы выиграем.

Во второй половине дня, когда Монтроуз уезжает к врачу, мне звонит Шейла, лихорадочно извиняясь за то, что не сделала этого раньше. Она охотно соглашается со мной поговорить. Даже очень охотно. Обещает подъехать в участок в любое удобное для меня время. Мне достаточно лишь его назвать.

Я говорю, что она может приехать прямо сейчас, и через двадцать минут Шейла уже стоит в приемной. Ей ближе к тридцати. Она одета в джинсы и футболку с круглым вырезом и вышитой эмблемой ресторана «Хама-Хама».

– Я там работаю, – объясняет она, когда я провожаю ее в допросную и достаю блокнот, намереваясь записать детали, которыми Шейла не успела поделиться в «Фейсбуке». – Как раз была моя смена, когда пришел тот мужчина и начал расспрашивать всех насчет своей пропавшей жены, точнее – теперь уже мертвой жены.

– Значит, вы говорили с Адамом Уорнером и его тестем? – спрашиваю я.

Она качает головой. Ее кудрявые волосы подпрыгивают в такт.

– Нет, не говорила. Просто слышала. Того, кто постарше. Он сказал, что кого-то похитили – его дочь. И спрашивал, не видел ли ее кто-нибудь. Сказал, что это произошло у тех клевых коттеджей с цветочными названиями. Вы не поверите, но я знаю это место.

– Вот как?

– Да. Я останавливалась там пару раз со своим парнем. Он жил с родителями, а мы хотели побыть наедине. Ну ладно, да, я в то время тоже жила с родителями. В любом случае я каждый день проезжаю мимо.

– Но в тот раз что-то привлекло ваше внимание?

– Да. Я ехала на работу. Было где-то пол-одиннадцатого, я опаздывала. В пол-одиннадцатого как раз начинается моя смена. В общем, я увидела на обочине пикап.

– Где именно?

– Прямо перед поворотом к коттеджам.

– Что за пикап?

– Я в них не разбираюсь. Предпочитаю джипы. Кажется, это был «Форд». Или «Шевроле». Большой. Понятия не имею, что за модель, но могу назвать цвет.

– Назовите, пожалуйста, – говорю я, хотя она уже упоминала цвет в «Фейсбуке».

– Красный, – говорит Шейла, – красный.

– Хорошо. Ясно, – говорю я. – Вы видели водителя?

Ее кудри снова подпрыгивают туда-сюда.

– Нет. Мне показалось, там никого не было. Но не поручусь, я ехала довольно быстро. Мне пришло в голову, что это странное место для парковки. Слишком узкая обочина. А всего в десяти ярдах есть место попросторнее. Там даже поставили стол для пикника.

– Вы смогли бы опознать этот пикап?

– По фото или в жизни?

– И то, и другое, – говорю я.

Она смотрит на меня. Собирает воедино кусочки мозаики. Я это вижу.

– Получается, вы знаете, чей это пикап?

– Я не могу комментировать ход расследования, – говорю я.

Она резко встает из-за стола.

– Так нечестно, – говорит она, и ее беспокойство моментально сменяется раздражением. – Я вам много всего рассказала, и мои фолловеры хотят знать, что происходит.

Эти слова меня неприятно удивляют. Я гадаю, не солгала ли она про пикап? Не придумала ли всю эту историю, чтобы урвать лайков на популярной теме? Не хочется это признавать, но Монтроуз отчасти прав насчет соцсетей. Я думаю о том, как они могут помочь в расследовании, а Монтроуз – о том, как любой неудачник на планете может при желании влезть в расследование.

Ради *лайков*.

Я благодарю Шейлу за потраченное время и обещаю с ней связаться. Возможно, она действительно видела красный пикап. Возможно, он принадлежал Джиму Койлу. Но этого недостаточно, пусть он и соврал насчет поездки в Лонгвью. Ни один судья на основании этого не даст нам ордер на человека, который уже становился жертвой ложного – пусть только и отчасти – доноса.

– Та репортерша из Сиэтла хочет взять у меня интервью, раз уж я замешана в расследовании, – говорит Шейла. – Можно с ней поговорить?

– Мы не вправе запрещать кому-либо появляться на телевидении. Решение – за вами.

– Что мне ей сказать? Насчет подозреваемого.

Мое терпение на исходе:

– Говорите что хотите. Я вам ничего не сообщала, так что не надо меня впутывать.

Шейла притворяется, будто мои слова ее ранили. Я знаю, что это не так.

– Я просто пытаюсь помочь, – говорит она по пути обратно в приемную.

– Я ценю вашу помощь, – лгу я. – Спасибо, что заехали, Шейла.

Я идиотка. Монтроуз не преминет мне об этом сказать. И я это заслужила. Ни слова не скажу в ответ. Здесь поможет только правда.

Но я не знаю, в чем она.

Наш дом в Маунт-Бейкер в Сиэтле идеально символизирует – символизировал – наши отношения. Дорогостоящая реставрация, которую мы едва могли себе позволить, приостановилась на несколько недель. Прораб, занимающийся полами, вмонтировал нечто несуразное вопреки нашим совершенно ясно выраженным желаниям, точнее – желаниям Софи. Я от души наорал на этого парня, который едва говорил по-английски или, быть может, притворялся: когда мы его нанимали, таких проблем с языком не наблюдалось. Кажется, я до полусмерти его напугал. Очень на это надеюсь. Я хотел, чтобы он качественно выполнял свою работу.

– Или хочешь, чтобы я позвонил в Министерство внутренней безопасности? – сказал я ему.

Софи кинула в мою сторону неодобрительный взгляд. Я зашел слишком далеко.

Когда Карлос ушел, она высказала все, что думала.

– Знаешь, я согласна, что с полами он напортачил, но угрожать его семье – это лишнее, Адам. Иногда я не узнаю мужчину, за которого вышла замуж.

Я ничего не ответил, но про себя подумал: *иногда я не узнаю женщину, рядом с которой сплю каждую ночь.*

А теперь ее нет. Все наши ссоры окончены. Навсегда. Я так и не сказал ей, что вовсе не собирался выдворять Карлоса из страны, что я не так жесток, как она думала.

Я смотрю на часы, циферблат которых больше, чем водосточный люк. Хелен и Фрэнк должны привезти Обри в семь. Они никогда не опаздывают. Я пью виски и брожу по нашему недостроенному дому. Сам не знаю почему, но я начинаю складывать вещи Софи в коробки. Может быть, это из-за ночной рубашки, которую Хелен дала Обри. А может, я просто слишком много выпил.

Да, пожалуй, дело в этом.

Я собираю все подарки от родителей Софи. Фрэнк – скряга, а вкус Хелен ограничивается ее ртом. На кофейном столике стоит дешевая

керамическая миска, которую Фрэнк пытался выдать за сокровище, найденное ими во время поездки в Мексику. Ему не хватило ума отклеить ценник с доньшка. Миска стоила четыре доллара. Потом я убираю фотографии в посеребренных рамках, которые периодически дарила нам Хелен. На снимках запечатлены Софи и Обри, по большей части Софи. Катается в детстве на пони в зоопарке. Стоит рядом с картинами, нарисованными в старшей школе. Ее отец то и дело заявлял, что Софи могла бы стать новым Пикассо, если бы не вышла замуж за менеджера «СкайАэро» и не пошла работать в «Старбакс».

– Там даже нормальный кофе варить не умеют, – говорил он.

Я оставляю фотографии, на которых есть Обри.

Наливаю второй стакан виски. Бросаю туда огромный кубик льда, чтобы не переборщить с алкоголем.

В дверь звонят, и я вижу их троих, стоящих на пороге. Хелен, похоже, донимали всю дорогу. Обри рада вернуться домой. Фрэнк дуется – его стандартное выражение лица, когда никто не смотрит. Он начинает качать права только перед аудиторией.

Я распахиваю дверь и опускаюсь на колени перед Обри, которая радостно бежит ко мне. Я беру ее на руки и кружу, как всегда. В этот раз я делаю это не ради нее. И не ради себя. Я хочу показать Фрэнку Флинну, что девочка, похожая на его дочь, любит меня больше всех.

Хелен подает голос первой, что для нее нехарактерно.

– Мы подумали по дороге... – говорит она, оглядываясь по сторонам и явно обращая внимание на коробки.

Я ставлю Обри на ноги. Она немедленно бежит в спальню, чтобы воссоединиться со своими игрушками.

– Да?

– Может быть, – говорит Хелен нерешительно, – может быть, Обри лучше будет пожить у нас, пока все не встанет на свои места?

Не понимаю, на что она намекает. Все и так на своих местах. Софи мертва. Моя жизнь и жизнь Обри никогда не будут прежними. Трудно представить что-то более определенное.

Боже, зря я согласился оставить Обри у них на ночь.

– Катрина нам поможет, – говорю я. – С Обри все будет хорошо. Она будет со мной.

Фрэнк, на удивление, молчит.

– Да, но я весь день сижу дома, – продолжает Хелен. – Не стоит оставлять Обри с посторонним человеком.

Наверняка Фрэнк выставил Хелен перед собой как живой щит, а той не хватило смелости или сил воспротивиться.

– Катрина вовсе не посторонняя. Она была с нами с тех пор, как мы привезли Обри из роддома. Ты не возражала, пока Софи была жива. Что изменилось?

Ответ мне известен, но я все равно рад, что задал вопрос.

– Не говори с моей женой в таком тоне! – наконец-то взрывается Фрэнк.

– Прости, – говорит Хелен, съеживаясь. Она смущена. Это чувство ей хорошо знакомо.

– Не извиняйся, – говорит Фрэнк, пока Хелен моргает. Кажется, она вот-вот заплачет. Думаю, ее слезами можно было бы заполнить ванну или небольшой бассейн. Затем Фрэнк поворачивается ко мне.

– Послушай, Адам, мы никогда не ладили.

Да что ты говоришь, думаю я.

– И ты знаешь почему, не так ли?

Не могу придумать других причин, помимо его несносного характера. Ни один мужчина в его глазах не был достоин его единственной дочери.

Он не ожидает ответа, и я отпиваю виски из стакана. Лед бьется о мои зубы, и я слегка морщусь.

– Фрэнк, пожалуйста, – говорит Хелен еще более робко, чем обычно.

Он отмахивается от нее, как от назойливой мухи.

– Обри нужна полноценная семья, – говорит он. – Она через многое прошла.

Мне хочется рассмеяться. Я так и делаю.

– Полноценная семья? Да ты издеваешься. Софи говорила, что ее мама страдает от стокгольмского синдрома, что она утратила чувство собственного Я, потому что ты целиком подчинил ее себе.

Я перевожу взгляд на Хелен. Мне отчасти ее жаль. Но смотреть все эти годы, как она беспомощно ерзает в железной хватке Фрэнка, было омерзительно. Софи хотела освободить свою маму. Она любила ее. А мне сейчас просто хочется разбудить ее разрядом электричества.

– Она называла тебя «моя степфордская мама», – говорю я. – Просто к твоему сведению.

Хелен на мгновение прижимает пальцы к губам, слегка дрожит, а потом направляется к комнате Обри, ступая по этому проклятому дубовому полу.

– Ах ты, засранец, – говорит Фрэнк вполголоса, словно заботясь о том, чтобы его не слышали. – Я не позволю тебе оскорблять мою жену.

Он краснеет – верный предвестник злости. Зачем было это говорить? Мы все на грани. Мы пережили самую тяжелую потерю, какую только могли вообразить. Хелен едва держится. Судя по тому, что я видел, она так живет всю свою жизнь.

Я сажусь в деревянное кресло – настоящий винтаж, а не копия – по настоянию Софи. Мне не хочется заводить долгий разговор с моим тестем. Если в смерти Софи есть хоть что-то не очень плохое, то лишь то, что мне больше не придется иметь дело с этим мудаком. Если он хочет видаться с Обри, пусть следит за манерами. Мне это надоело. Он мне надоел.

– Налей себе выпивки и садись, – говорю я. – Она тебе понадобится.

Он озадаченно смотрит на меня. Примеривается. Думает, что сможет выиграть. Но это не так.

– Давай, Фрэнк, – повторяю я, когда он переводит взгляд на бутылку.

Он что-то чувствует. Я это знаю. Мне это нравится. Он откручивает красную пробку и наливает себе виски. Выпивает залпом.

– Ты любишь Обри, – говорю я.

– Она мне родня, – отвечает он.

– Точно. Единственное, что осталось от твоей дочери.

Он смотрит на меня в упор. Его глаза выкатываются из орбит.

– На что ты намекаешь?

– Ты хочешь видаться с ней и дальше, так?

– У меня есть на это право, – говорит Фрэнк, ставя стакан на столик. – Бабушки и дедушки имеют право видеть внуков.

Мне нравится такое развитие беседы. Это весело.

– Не всегда, – говорю я.

– На что ты намекаешь, Адам? Говори прямо. Я не мальчик на побегушках с твоего завода.

– Я работаю не на заводе, Фрэнк.

Он и бровью не ведет:

– Говори прямо.

Я смотрю на отца моей покойной жены и от души надеюсь, что он чувствует, как мой взгляд впирается в его холодные, жестокие глаза. Глаза, которые всегда смотрели на меня исключительно с разочарованием и недоверием. Даже с ненавистью.

– Если хочешь и дальше видаться с Обри, – говорю я, произнося слова медленно, одно за другим, – тебе придется вести себя как приличный человек. Со мной. И с Хелен. Понятно?

Его губы сжимаются, а ноздри раздуваются. Может, его хватит сердечный приступ? Это было бы прекрасным завершением ужасного дня.

– Ты мне угрожаешь? – говорит он наконец. – Seriously? Вот что ты делаешь, Адам? Это ты зря.

Я делаю глоток виски, и лед бьется о мои зубы.

– Я больше не собираюсь мириться с твоим поведением, – говорю я. – Моя жена мертва. *Твоя дочь мертва.* Я больше не обязан проводить время с тобой и с Хелен только для того, чтобы порадовать Софи. Я терпел тебя из любви к ней, но этому пришел конец, Фрэнк. Я мог бы заявить тебе прямо здесь и сейчас, что ты больше никогда не увидишь Обри. Между прочим, ей всего три года. Она бы забыла тебя так же легко, как забудет Софи.

Я выдерживаю паузу. Фрэнк молчит.

– Может, будет лучше, если она тебя больше не увидит?

– Ты свихнулся, – говорит он, и по меркам Фрэнка Флинна это очень сдержанный ответ.

– Нет, – огрызаюсь я. – Время вышло, Фрэнк. После женитьбы приходится терпеть семью жены. Но ее больше нет, и я к тебе не привязан. Забирай свою жену и уходи.

Фрэнк встает и наконец произносит то, что, как я подозреваю, он собирался сказать с самого начала.

– Ты убил Софи.

Он надеется ранить меня, но мне не больно. Я не поддамся человеку, единственная цель которого – унижить всех вокруг. Но он

больше не доберется до меня. До Софи. До Обри. Хватит.

С Хелен пусть делает все, что хочет. У нее промыты мозги, но ничто не мешает ей просто взять и уйти.

– Повторяй это почаще, – говорю я. – Каждый раз, когда ты выводишь меня из себя, ты лишаешься еще одной встречи с Обри.

Входит Хелен. Я не уверен, много ли она услышала. Надеюсь, что достаточно.

Я не встаю. Я больше не собираюсь притворяться, что эти люди мне нравятся, что они заслужили хоть каплю уважения с моей стороны. Он просто мерзавец. А она – просто тряпка.

– Адам, пожалуйста, не отбирай у нас Обри, – говорит Хелен.

Я не обращаю на нее внимания.

– Я сложил кое-что из вещей Софи в коробку у двери, – говорю я, не обращаясь ни к кому из них. – Сделайте одолжение, заберите с собой.

Дом словно бы светлеет, когда за ними закрывается входная дверь. Я слышу, как Фрэнк проклинаят Хелен по пути к машине, но меня это не волнует. Я иду в спальню к Обри. Она уже лежит в постели. Не знаю, что будет дальше, но чем меньше времени этот ангелочек проведет в обществе чудовищ, вырастивших ее мать, тем лучше.

Одной летней ночи в Шелтоне достаточно, чтобы напомнить мне, почему я собираюсь жить здесь до конца своих дней.

Это мой город. Мой дом. Шелтон всегда будет моим домом, что бы здесь ни произошло.

По дороге домой я заезжаю в мини-маркет, чтобы купить кошачьего корма.

За прилавком стоит Шэннон Карсон. В старшей школе мы с ней были одноклассницами, хотя и не дружили. Она почти два года подрабатывает кассиршей по ночам, чтобы оплатить онлайн-курсы бухгалтерского учета. Я поздравляю ее, когда она рассказывает, что только что закончила учебу.

– В этом городке все поздно расцветает, – говорит она, складывая корм для Миллисент в полиэтиленовый пакет.

Не поспоришь.

– Слышала о том деле, которое тебе досталось, – добавляет она.

Все о нем слышали, думаю я.

– Да. Очень трагично.

Она выжидает, но я молчу.

– Да уж, – говорит она наконец, чтобы прервать молчание. – Здесь такого не случается.

С этим я тоже не могу спорить. Мир вокруг меняется, но мы остаемся прежними. По большей части. Кинотеатр «Скайлайн», повидавший несметное множество обрядов инициации, по-прежнему работает, совсем как в 1964 году, когда автомобилисты впервые приехали посмотреть фильм под открытым небом. Наш город – всемирная столица елок, и это не просто маркетинговый ход. Мой папа работал на лесопилке, когда ею владел Симпсон. В то время никто не жаловался на длинные смены. Когда я пошла в полицию, а позже стала детективом, то редко сталкивалась с делами, в которых не был замешан кто-то из моих знакомых. Шелтон – маленький городок. Все знают друг друга. Мы переодеваемся в футболки и шорты, стоит солнцу хоть на минуту выглянуть из-за туч, и толпимся на галечных

пляжах, как делали скокомиши на протяжении многих веков. Мы не любим терять ни единой минуты лета, потому что знаем, что с конца сентября и до самой весны будем зарастать мхом.

Богатенькие приезжие из Сиэтла думают, что мы старомодны или вообще отстали от жизни.

Мысленно мы улыбаемся в ответ. Лучше быть старомодными, чем страдать от уныния, которое влечет за собой жизнь в большом городе.

Мы предпочитаем свой городок.

* * *

Я сижу дома, а Миллисент трется о мои лодыжки, когда у меня звонит телефон. Увидев, что это Фрэнк Флинн, я понимаю, что не выдержу еще одного разговора с ним. Я никогда не испытывала такой неприязни к родственнику жертвы. Но у отца Софи Уорнер удивительный талант делать самые тяжелые моменты в жизни еще паршивее. Уже девять с небольшим, и у меня есть оправдание. Я не ответила на звонок, потому что спала. Хотя это и не так. Я смотрю на телефон и жду, пока на автоответчике появится новое сообщение. Ожидание затягивается. Наверняка это будет очередная тирада.

«Детектив, – говорит он, – надеюсь, вы заняты поиском улик, доказывающих вину моего зятя. Хелен и я сегодня заезжали к нему домой. Ему хватило дерзости начать мне угрожать. Он сказал, что запретит мне встречаться с Обри, если я продолжу докапываться до истины. Держи карман шире. Фрэнка Флинна так просто не запугать. Вам нужно его допросить. С пристрастием. Хорошо было бы, если бы вы могли применить к нему силу. Не заставляйте меня это делать. Просто выполните свою работу и добейтесь от него признания».

Я слышу, как плачет на заднем плане Хелен, вновь и вновь повторяя имя Обри.

Фрэнк прерывает свой монолог, чтобы обратиться к жене: «Обри здесь не главное, Хелен! Главное – наша Софи. Возьми себя в руки!»

Затем он возвращается к своему сообщению.

«Он очень странно вел себя сегодня. Не признался прямо, но наговорил всякого, что явно указывает на его вину. Сказал, что рад тому, что Софи не стало. Да, так и сказал. И вот еще что, детектив: он

сложил все ее вещи в коробку и отдал нам. Как будто хотел стереть все напоминания о ней из жизни. С какой стати ему это делать, если он невиновен? Я очень надеюсь, что вы перестанете маяться дурью и закроете это дело. Вы знаете, кто убил Софи. Это был он. перезвоните мне».

Я достаю из холодильника пиво и выпиваю его, стоя у раковины. В этом я похожа на отца. Ему тоже думалось лучше всего, когда он стоял у окна с бутылкой пива в руке.

Снаружи царит темнота. Прожекторы моего соседа освещают деревянный забор между нашими участками. Распахивается кошачья дверца – Миллисент вернулась в дом.

День выдался долгим. Практически бесконечным. Сначала морг. Потом встреча с Флиннами. Разговор с Джимом Койлом. Визит Шейлы с «Фейсбука». Звонок от Фрэнка. Я чувствую, как возрастает давление. Я не могу допустить, чтобы история Кэти Райнхарт повторилась. Я знаю, что, засыпая, буду думать о том, как подвела ее, позволив убийце избежать правосудия. Такое случается. Наверное, даже чаще, чем я думаю.

Я принимаю душ, чтобы смыть с себя химический запах морга. Вода стекает по моему телу. На запястье я замечая узкий шрам – единственное напоминание о том случае, когда сама стала жертвой. Он появляется каждый год, когда моя кожа темнеет на солнце.

Каждый раз при виде него я отворачиваюсь.

– Ты прекрасно знаешь, что тебе не следует работать над этим делом, Ли.

На входе в мой кабинет стоит Зак Монтроуз. В то самое мгновение, когда эти слова срываются с его потемневших от никотина губ, я понимаю, что он все знает. Но я по-прежнему уверена, что могу работать над делом. Да, я в долгу перед Адамом. Но это не главное. Я обязана добиться правосудия для Софи и для всех остальных похищенных девушек и женщин. Мне повезло, и я никогда об этом не забываю.

Личные связи не мешают – они мотивируют. Но Монтроуз считает иначе. Я вижу это по его глазам.

Я могла бы совершить обходной маневр и заговорить о его предстоящем походе к врачу по поводу ранней стадии болезни Паркинсона, но не буду. Он не упоминал об этом. Мне сказала девушка-эйчар. Не хочу ее сдавать.

И не хочу причинять ему боль.

– Почему ты не сказала, что это Адам Уорнер нашел тебя? – спрашивает он скорее разочарованно, чем сердито.

Наверное, мне действительно стоило ему рассказать. Я подумала об этом в то же мгновение, когда узнала, что пропала жена Адама Уорнера. Я просто не люблю вспоминать тот день.

Монтроуз садится на стул. Он одет в синюю хлопчатобумажную рубашку и выцветшие джинсы. В другой раз я бы посмеялась над его гардеробом. Он похож на ежевичное мороженое. Мы часто поддразниваем друг друга. Но не в этот раз. Я действительно должна была ему рассказать

– Откуда ты узнал? – спрашиваю я, глядя ему прямо в глаза.

– Столкнулся с Белиндой Стивенс в магазине, – отвечает он. – Ей следовало бы пойти в полицейские, а не в библиотекари.

Или в глашатаи, думаю я.

– Белинда довольно проницательна, – говорю я.

Монтроуз складывает руки на груди.

– Я что, единственный в городе, кто ничего не знал? Я чувствую себя идиотом, Ли. Не люблю, когда меня выставляют дураком.

– Я этого не хотела, – говорю я. – Мне действительно жаль.

– Ты не понимаешь, что это может помешать расследованию?

– В другой ситуации да, – говорю я. – Могло бы. Но это было очень давно. Он всего лишь нашел меня. Больше ничего не делал. Просто нашел.

– Ну да, – говорит Монтроуз. – И это ничуть не подталкивает тебя быть к нему снисходительной.

– Здесь не может быть никакой снисходительности, Монтроуз. Да, я ему благодарна. Очень благодарна. Но я редко об этом вспоминаю. И тебе прекрасно известно, что в ходе расследования я не проявлю снисхождения даже к папе римскому. Я всегда соблюдаю правила.

Монтроуз ерзает на месте. Я хорошо его знаю. Сейчас он размышляет. Монтроуз – прекрасный напарник и всегда поддерживает меня, но он одержим правилами. Иначе и быть не может. Ему нельзя допускать ошибок – второй раз он уже не выкарабкается.

– Ли, нравится тебе это или нет, но его нельзя сбрасывать со счетов. Мы еще не знаем, куда приведет расследование.

Я не защищаю Адама, хотя какая-то часть меня этого хочет. Я могла бы напомнить Монтроузу про Аксея Беккера, на что тот возразил бы, что Беккер стар и полуслеп. Я могла бы упомянуть Обри, но мой напарник сказал бы, что она всего лишь ребенок и сама не знает, что видела.

Но я этого не делаю:

– Мы всегда ищем доказательства, Монтроуз. Да, мы не можем полностью избавиться от предубеждений, но мы никогда не позволяем им затмить истину.

– Такое предубеждение будет нелегко преодолеть, Ли.

– Если бы мой отец изнасиловал соседского ребенка, думаешь, я бы стала молчать?

Он качает головой:

– Это не то же самое.

– Еще как, – говорю я. – Ты же меня знаешь. Ты знаешь, я бы не стала защищать кого-то, кто причинил вред другому человеку. Ни за что. Seriously. Ты же это знаешь, так?

Монтроуз какое-то время молчит. Он знает, что я права. Я знаю, что он знает меня. Мне немного больно от того, что он заговорил о моем прошлом в таком духе, будто я стала бы скрывать правду об ужасном преступлении.

– Да, – говорит он, – я знаю. Но я не единственный, кто будет сомневаться, действительно ли ты выкладываешься по полной.

– Шериф тоже меня знает.

Монтроуз пожимает плечами:

– Все любят посплетничать. А некоторые принимают сплетни за чистую монету.

– Я с этим разберусь, если будет нужно, – говорю я. – Ладно?

– Хорошо, – говорит он. – Но сначала нам нужно разобраться кое с чем еще.

– С чем же?

– Провести нормальный допрос Адама Уорнера. Лучше всего сегодня. Позвонишь ему или лучше я?

– Я позвоню, – говорю я. – Без проблем. Что-то еще?

Не дав ему возможности ответить, я вынимаю папку с делом:

– Пора за работу.

* * *

– Лаборатория запаздывает с анализами, – говорю я. – Доктор Кольер думает, что придется подождать. Убийство в округе Мейсон для них не самая срочная работа.

– Зря, – говорит Монтроуз.

Пока мы обсуждаем список дел, я чувствую, как атмосфера в кабинете постепенно светлеет. Напряжение исчезает. Мы сосредоточились на том, что действительно нам поможет.

– Давай посмотрим, – говорю я, проводя пальцем по спешно наклеенным заметкам. – О, точно, у меня остался пропущенный вызов. Даже несколько. И все от Линды Ландан.

Монтроуз кривится.

– Не надо, – говорит он.

– Не волнуйся. Я направлю ее в отдел по связям с общественностью, пусть они разбираются. Само собой, – добавляю

я, – давать интервью еще рано.

Для меня это стало важным уроком. В ходе расследования убийства Кэти Райнхарт я слишком рано дала интервью. Это оказалось большой ошибкой. Я заявила, что мы наверняка раскроем преступление. Зря. Нельзя обещать то, чего не сможешь выполнить. Папка с материалами по делу до сих пор лежит на комод у меня за спиной. Она будет оставаться там, пока я не добьюсь правосудия. Я вижу ее каждое утро, когда вешаю куртку или убираю сумочку.

В нашем участке работает не так много народу. Округ Мейсон огромен, и его небольшое население разбросано по самой живописной северо-западной местности, какую только можно представить. Пейзажи как на открытках. Над важными делами мы с Монтроузом стараемся работать вместе. Но мы распределяем отдельные задачи между собой. Сейчас он займется Джимом Койлом, нашим главным подозреваемым, а мне предстоит позвонить Адаму и Фрэнку Флинну, бичу моей жизни. Мне так не хочется звонить Адаму, что я решаю начать с его тестя.

– Я рассчитывал, что вы перезвоните раньше, – рывкает он, едва подняв трубку. – С местными защитниками правопорядка явно что-то не так, раз они забывают о семьях погибших.

– Здравствуйте, мистер Флинн.

Он пытается меня разозлить, но я не обращаю на это внимания.

– Вы хотели о чем-то со мной поговорить? – спрашиваю я, занося ручку над бумагой.

– Он стирает Софи из своей жизни, – говорит Фрэнк. – Избавляется от всего, что было для нее важно.

Я не понимаю:

– Мне нужны подробности. Пожалуйста, помедленнее.

– Еще чего, – говорит он. – если я замедлюсь, вы с вашим бесполезным напарником провалите это дело так же, как провалили убийство Кэти Райнхарт.

– Что вы подразумеваете под «стирает Софи из своей жизни»?

– Ее вещи, – говорит он, почти выплевывая. – Он вынес из дома все, что представляло для нее ценность. Мы видели это своими глазами. Он вернул нам фотографии и прочие памятные безделушки. По-настоящему ранил этим Хелен. Я серьезно. Ему будто не терпелось избавиться от ее имущества, так же как он избавился от самой Софи.

– Может, напоминания причиняют ему боль.

Не стоило этого говорить.

– Знаете, что причинило боль мне? – горько отвечает Фрэнк. – Вид моей дочери в морге.

Да, это была ужасная ситуация. И отец Софи умудрился сделать ее еще хуже.

– Простите, – говорю я. – Я понимаю, что все это очень тяжело.

Фрэнк делает глубокий вдох. Готовится к тираде. Мне его не переубедить.

– Знаете, что *еще* причиняет мне боль? – кричит он в трубку. – Осознание, что ублюдок, который приходил к нам в гости на Рождество, убил мою малышку. Вот что причиняет мне боль. Я думаю, потеря Софи убьет Хелен. И тогда у вас появится еще одна жертва.

– У нас есть свидетель, сэр, – напоминаю я. – Он видел Адама в лодке вместе с вашей внучкой.

Фрэнка это не волнует.

– Ваш свидетель – старый пердун, – рычит он. – Видел я его по телевизору. Очки толщиной с банки из-под колы.

Я не перебиваю его. У Акселя Беккера хватает проблем, но зрение не входит в их число. Несмотря на очки.

– Почему вы меня не слушаете? – спрашивает Фрэнк.

Слушать – это половина моей работы.

– Я внимательно вас слушаю, – заверяю я. – Честное слово.

– Он паршивый человек. Но очень много о себе мнит. Наверняка нанял кого-то. Адам вечно бахвалится, что подчиненные выполняют за него всю работу.

– Я проверю, – говорю я, пытаюсь завершить неприятный разговор.

– Очень на это надеюсь, – говорит Фрэнк, наконец-то переводя дыхание. – Очень надеюсь.

На первый взгляд рассказ Фрэнка и впрямь звучит тревожно. Весьма тревожно. Но я знаю, что горе и стресс вызывают в людях самые разные, порой необъяснимые реакции. Когда я вернулась домой в тот день, мама подстригла мне волосы почти под корень, потому что ей казалось, что именно они привлекли Альберта Ходжа. Следующие два года я ходила со стрижкой под мальчика. Даже после того, как я оправилась, мама навсегда застряла в фазе «что могло бы быть».

Трагедия высосала все соки из женщины, которая до того момента жила полной жизнью. Всю радость. Всю любовь. Словно раковая опухоль.

* * *

Еще до полудня приходит сообщение от доктора Кольер, которое подтверждает то, что я уже знаю, и добавляет кое-что новое. Софи избили до смерти тупым предметом. Она погибла в субботу. Время, проведенное в холодной воде, не позволяет определить точнее. В ее вагине нашли ДНК убийцы. Но, насколько известно патологоанатому, образец еще не успели проанализировать.

В лаборатории очередь, напоминает Кольер в сообщении. *Но, думаю, через пару дней вы получите результаты.*

А вот результаты токсикологии оказались готовы. В крови Софи не обнаружили никаких наркотических веществ, зато нашли большую дозу дифенгидрамина, известного так же как димедрол.

Я записываю дозировку.

Адам упоминал, что Софи простудилась, так что в димедроле нет ничего удивительного. Результаты токсикологии подтверждают его рассказ. А вот кое-что другое не сходится.

Я поднимаю трубку стационарного телефона и звоню доктору Кольер.

– Здравствуйте, детектив, – отвечает она.

– Доктор, спасибо за сообщение. ДНК еще не опознали?

На заднем плане играет музыка. Веселая. Что-то из раннего творчества Кэти Перри, кажется.

– Еще нет, – отвечает Кольер.

– В вашем отчете сказано, что ее желудок был практически пуст.

Кольер убавляет громкость музыки.

– Да, так и есть, – говорит она. – Позвольте, я проверю. Одну секунду.

Вскоре она возвращается к телефону:

– Все верно. Пусто. Ничего, кроме нескольких семян кунжута. Все чисто.

– Когда она ела в последний раз? – спрашиваю я. – Вы можете определить?

– Сложно сказать. Девушки в Сиэтле вечно сидят на каких-то диетах. Я бы предположила, что она не ела по меньшей мере двенадцать часов. И не пила. Она была слегка обезвожена.

– Она не ела сэндвич? – спрашиваю я, вспоминая слова Терезы о том, что она нашла в холодильнике. – Вечером накануне похищения?

– Да, я так и сказала. Она ничего не ела.

Я благодарю доктора, и мы заканчиваем разговор, после чего мне с трудом удастся побороть искушение уронить голову на стол.

Софи не ужинала вечером перед убийством, хотя купила продукты в Худспорте.

Адам говорил, что они поужинали, выпили вина и посмотрели фильм. На следующее утро только Адам и Обри ели вафли на завтрак.

Я пытаюсь придумать правдоподобное объяснение. Может быть, у Софи из-за простуды пропал аппетит? И сама не знаю, зачем это делаю.

Я детектив. Мне нужно задать этот вопрос единственному человеку, который сможет дать ответ. И мне нужно сделать это как можно скорее.

Директор бюро похоронных услуг пребывает в растерянности. В замешательстве. Кажется, замешательство – стандартное выражение лица для этого низенького, пухлого человечка. Запах кофе вырывается у него изо рта, как пар из гейзера.

– Родители вашей жены хотели зайти и выбрать гроб, – говорит он. – Чтобы помочь вам с непредвиденными расходами.

– При кремации гроб не требуется, – отвечаю я. – Разве не так?

Я прекрасно знаю ответ. И я знаю, чего добивается мой бывший тесть. Еще я знаю, что Джеймс Дикон пытается вытрясти из меня как можно больше денег.

Я ничего не имею против гробов. Не вижу смысла настаивать на кремации. Многие мои коллеги твердят, что кремация намного лучше обычного захоронения: дескать она не вредит окружающей среде. Как типично для Сиэтла! На самом деле кремация попросту дешевле. Стремление сэкономить тоже типично для Сиэтла, хотя мои приятели из других штатов ни за что в это не поверят. Они думают, что мы купаемся в деньгах и живем в домах стоимостью в миллион долларов. Отчасти они правы. Недвижимость здесь действительно дорогая. В другом городе точно такой же дом стоил бы в десять раз меньше.

– Послушайте, – говорю я, – моя жена знала, чего она хочет после смерти. Я намерен исполнить ее волю.

– Она упомянула об этом в завещании?

Дикон Кофейное Дыхание вертит в руках рекламную брошюру. Он меня раздражает. У него потные руки и рубашка на размер больше. На его пиджаке – наверное, единственном его пиджаке – виднеются пятна: омлет и помидор. Должно быть, завтрак и обед.

– Нет, – говорю я, получая определенное наслаждение от спора с этим придурком. – Она моя жена. Она говорила об этом со мной. Родителям она ничего не сказала, потому что они назойливые идиоты, понимаете? Вы всерьез хотите вмешаться в наши семейные дразги? Предупреждаю сразу: у вас не хватит времени, чтобы выслушать меня и закопать всех тех покойников за стеной.

Джеймс Дикон хлопает глазами и бормочет что-то про то, как ему жаль. Думаю, он просто злится, что ему не удалось втюхать мне дорогую бесполезную коробку.

– Что насчет склепа? – вдруг оживляется он. – Вы с дочерью сможете навещать покойную, вспоминать ее. Мы предлагаем широкий...

Я перебиваю его.

– Мы и так будем ее вспоминать. Я развею прах над Худ-Каналом, где она погибла. Она любила то место. А мрамор ненавидела. Когда мы ремонтировали кухню, она специально сказала прорабу, что не желает видеть там никакого мрамора.

– Понимаю, – говорит Дикон. – Может быть, вы захотите обсудить поминальную службу?

Нечего обсуждать – никакой поминальной службы не будет.

– Я еще думаю над этим, – говорю я. – Все произошло так быстро. Не знаю, что мне делать.

Я не хочу вести себя как последний козел. Но я зол на Софи. Я злюсь на нее по тысяче причин. О некоторых я не хочу думать. О других думаю невольно. Я не в настроении петь Софи дифирамбы. Горе – странная штука. Оно смешивается с другими чувствами, которые никуда не деваются после смерти человека.

– Обычно поминки устраивают в течение недели, – говорит Дикон со слабой надеждой.

– Я подумаю, – отвечаю я и поворачиваюсь к выходу.

– Не хотите взглянуть на некоторые наши предложения? – спрашивает он, разглаживая брошюру. – Может быть, вас что-то заинтересует, сэр?

Я кидаю на него взгляд. Сердитый взгляд:

– Нет, спасибо. Я хочу знать, когда вы ее кремируете?

Он выглядит удивленным. Кажется, для него это нетипично.

– Мы оставили тело в хранилище по настоянию мистера Флинна, – говорит он, – но, раз вы сообщили нам ее пожелания, прах будет готов уже завтра.

– Отлично, – говорю я. – Я пришлю вам свой адрес. Вы ведь можете доставить прах, верно?

– Чаще всего к нам кого-то посылают, – на лице Дикона вновь проступает растерянность.

– Чаще всего женщин не убивают и не выбрасывают в воду. Боже, вы все так усложняете. Невероятно.

– Прошу прощения, – говорит он. – Да, мы доставим вам прах миссис Уорнер.

Я коротко киваю в ответ. Он смотрит на меня с нескрываемым омерзением. Мне все равно. Пусть расскажет все Фрэнку Флинну. Я прямо-таки вижу, как стремительно краснеет его лысая голова. Бум. Как стоп-сигнал.

Это единственная мысль, радующая меня в эти беспросветные дни.

На выходе я встречаюсь взглядом с девушкой за приемной стойкой. Когда я приехал, здесь никого не было. Девушка очень привлекательна. На вид ей где-то двадцать три, может быть даже меньше. Интересно, почему она работает в таком жутком месте? Она похожа на Мэрилин из того старого сериала, «Семейка монстров» – обычная девушка в окружении уродов типа Джеймса Дикона. Я разглядываю ее. Большие карие глаза. Длинные вьющиеся темные волосы. При других обстоятельствах я бы тут же пригласил ее на свидание. Потом мог бы похвастаться перед друзьями, что подцепил красотку в похоронном бюро. Не важно, действительно ли она красива и хорош ли был секс; главное здесь – дерзкий поступок.

Когда я подхожу к машине, у меня звонит телефон. Как я и предполагал.

– Привет, Фрэнк, – отвечаю я, словно бы не ожидал звонка. – Что такое?

– Что такое? – я уверен, что он снова весь раздулся. – Мне только что позвонили из похоронного бюро. Господи боже, да что ты за человек такой? Не желаешь нормально похоронить собственную жену!

– Она не верила во все это, Фрэнк.

– Еще как верила, – отвечает он. – У нас готов участок для погребения. Тебе даже не придется ни за что платить, ты, проклятый скупердяй.

Хотелось бы мне, чтобы у Фрэнка Флинна прямо сейчас случился сердечный приступ. Но это вряд ли. Несмотря на алкоголь, переедание, курение и сердце размером с грецкий орех, Фрэнк Флинн, скорее всего, переживет нас всех. Если случится ядерная война, Фрэнк выживет и станет королем тараканов. Ему бы это понравилось.

Тараканы не стали бы с ним спорить. Повелитель тараканов. Отлично звучит. Наверняка он все еще краснеет от злости. Фрэнк не выносит, когда ему противоречат. Когда что-то выходит из-под его контроля. Хотел бы я сказать ему, что Софи его стеснялась. Столько раз сгорала от стыда, что я и сосчитать не могу, хотя работаю в сфере финансов. Но вместо этого я просто включаю кондиционер.

– Деньги тут ни при чем, Фрэнк, – говорю я. – Жизнь Софи была застрахована. Если бы я хотел, то мог бы построить ей целый мавзолей.

Фрэнк прямо-таки кипит. Очаровательно.

– Меня тошнит от тебя, Адам, – говорит он. – Ты кусок дерьма.

Я держу телефон на расстоянии вытянутой руки, так что слова Фрэнка исчезают в пустоте. Растворяются в воздухе. Я улыбаюсь. Его никто не слышит.

Через минуту я снова подношу телефон к уху. Фрэнк все еще не успокоился. Кажется, даже еще больше разъярился.

– Проклятый ублюдок, – рычит он. – Ты еще не знаешь, в какую войну ввязался.

Я снова убираю телефон. Неподалеку стоит мужчина, ждущий такси; я подумываю о том, чтобы подвезти его и вместе посмеяться над тирадой Фрэнка.

– Фрэнк, – говорю я наконец, – ты очень меня раздражаешь. Разговор окончен.

– Это я позвонил тебе, – говорит он. – Мне решать, когда закончить разговор.

Забавно. Будто он думает, что может силой заставить кого-то, кроме бедняжки Хелен, выслушивать свои бесконечные словоизлияния.

– Мне пора, Фрэнк, – говорю я, не дожидаясь ответа. – Спасибо за звонок. Передавай привет Хелен. Ума не приложу, как она тебя терпит.

С этими словами я кладу трубку. Раз – и голос тестя затихает.

Я бы добавил его номер в черный список, но он все равно найдет способ добраться до меня и в чем-нибудь обвинить. Разозлить. Он и понятия не имеет, как я любил его дочь и как она его презирала. Как я его ненавижу. Люди верят в то, во что хотят верить. Моя мама всегда так говорила. Она была очень умной женщиной.

Я собираюсь было отложить телефон, но тут замечаю голосовое сообщение. От Ли. Почему-то при виде него эйфория, оставшаяся после того, как я положил трубку, исчезает без следа.

– Не повезло тебе, – говорит Мика, наш шеф-повар, когда я захожу в ресторан через заднюю дверь в среду днем. Он как раз проверяет содержимое кладовой перед ужином.

– Все в порядке, – говорю я, снимая куртку и бросая взгляд на сегодняшние свежие морепродукты. – Гребешки всегда быстро расходятся, – добавляю я.

Мику гребешки не интересуют.

– Похищение и убийство, – говорит он, напоминая про кошмар, в который превратился мой трехдневный отдых. – Запоминающиеся выдались выходные.

Что-то сжимается у меня в груди, но я молчу. Откуда он об этом знает?

– Ту женщину из Маунт-Бейкер убили прямо в Лилливаапе, куда ты уехал отдыхать, – продолжает Мика. – В новостях показывали съемку с вертолета. И я увидел твою машину!

Я не хочу вспоминать эти выходные, но, похоже, выбора у меня нет.

– Мы пропустили все веселье, – я решаю солгать. – если, конечно, это можно назвать весельем.

– Сара успела изучить каждую мелочь, – говорит Мика, отрывая взгляд от планшета. – Она обожает разгадывать преступления. Говорит, ту женщину наверняка убил ее муж.

Сара – его жена. Мика прав. Она действительно обожает истории о преступлениях. Вечно читает всякие триллеры, когда ждет мужа с работы.

– Может, и правда убил. Я не в курсе. Мы ничего не видели.

– В самом деле? Ничего? – Мика откладывает планшет, отправляя список покупок на печать. Я слышу, как в кабинете включается принтер, и направляюсь туда, чтобы забрать распечатку.

– Держи, – говорю я, отдавая список Мике.

– Спасибо, Коннор, – отвечает он. – Сара очень огорчится. Она надеялась, ты поделишься с ней какой-нибудь инсайдерской

информацией про этого Уорнера. Так жаль его бедняжку-жену. Избили и выбросили, как мусор. Какой же он ублюдок.

– Любой, кто решится на такое, – ублюдок, – соглашаюсь я.

– Сара все равно захочет тебя расспросить.

– Придется ее разочаровать, – отвечаю я. – Нас там даже не было.

Я заканчиваю обставлять столики. У нас маленький ресторан с хорошо обеспеченной и придиричивой клиентурой, по большей части это сотрудники технологической сферы. Мика надеется найти что-то получше «Синей двери», и его кулинарный талант действительно заслуживает большего. Я не хочу его подвести. Я работаю здесь дольше всех остальных официантов, и у меня больше всего опыта. Я обслуживаю лучшие столики. Я получаю больше всех чаевых. Намного больше. Мы прекрасная команда. Но внезапно, когда я складываю белую салфетку, порез у меня на пальце вновь открывается. Как дорожный знак. Как пятно Роршаха. Прямо у меня на глазах. События прошедших выходных накатывают на меня волной, и я чувствую себя неуютно. Не знаю почему. Когда я только вошел в ресторан, все было в порядке, но сейчас меня пробил озноб, как будто мой мозг пытается перезапуститься, но не может.

Я аккуратно промываю порез под краном, и вода окрашивается розовым. Исчезает в сливе. На самом деле я даже не знаю, где порезался. На работе? Или где-то еще?

Я никогда в жизни не уходил с работы. Я пытаюсь взять себя в руки. Но не могу представить, как проведу целый вечер, улыбаясь и делая вид, что все хорошо, хотя внутри я будто забыл, кто я такой. Я не знаю, что я наделал. Совершенно не представляю. Но в глубине души я знаю, что что-то сделал.

Что произошло на пляже? Неужели я совершил что-то настолько ужасное, что даже не помню этого?

Как авария в Хантингтон-Бич?

Что-то вроде того?

Я иду к Мике. Он болтает с Линнетт, нашим администратором. Она моя ровесница. Сногсшибательно выглядит. Длинные черные волосы, которые она зачесывает назад, и черное платье с разрезом, демонстрирующим ее идеальные бедра. Я и раньше видел Мику и Линнетт вместе – очень близко друг к другу. Иногда я гадал, кто из них кого использует. Сейчас я об этом не думаю.

– Шеф, – говорю я, – слушай, мне ужасно жаль. Я плохо себя чувствую. Как будто отравился чем-то. Может, устрицами. Не знаю. Внезапно накрыло. Мне надо уйти.

– Это странно, Коннор, – говорит Линнетт с подозрением. – Отравления обычно случаются довольно быстро. Когда ты ел устрицы?

– Вчера, – говорю я.

С меня ручьем стекает пот. Рубашка под мышками пропиталась насквозь. Я выгляжу кошмарно. Совершенно кошмарно. Не важно, когда я ел этих устриц. Достаточно посмотреть на меня, чтобы понять – мне действительно плохо. Кажется, меня вот-вот вырвет. Мне нужно уйти. Мика видит все это. Он протягивает руку, чтобы похлопать меня по плечу, но останавливается. Может, он думает, что у меня грипп. Он явно умнее Линнетт.

– Чувак, – говорит он, – поезжай домой. Отдохни. Скажешь, когда тебе полегчает.

– Извини, шеф, – говорю я, подходя к вешалке, чтобы забрать свою куртку.

– Все в порядке, – отвечает Мика. – Мы справимся.

На выходе я слышу, как он говорит Линнетт что-то про то, что случилось в Лилливаапе. Уверен, она в восторге. Она любит драму, и способна создать ее, где угодно.

– Ох, может быть, на него внезапно накрыли воспоминания, – говорит она, наклонившись поближе к Мике.

Она всерьез думает, что я ее не слышу? Или ей просто все равно? Когда она наклоняется, разрез ее платья раскрывается, словно бутон, обнажая ее бедро еще дальше. Она любит драму, а наш босс любит красивые ноги. Идеальная пара.

– Нет, – говорит ей Мика. Я киваю им на прощание. – Коннора и Кристен там даже не было, когда все случилось. Они то ли гуляли, то ли еще что. Все пропустили, как обычно.

* * *

Я жду автобуса в окружении обычной вечерней суеты. Меня слегка потряхивает от прохлады. Я хочу поскорее вернуться домой.

Дюжина людей вокруг наверняка думает то же самое, но совсем по другим причинам. Провести время с близкими. Покормить кошку. Заняться чем-нибудь. Я один ничего не понимаю. Я пишу Кристен сообщение – говорю, что мне стало нехорошо и я ушел домой. Она не отвечает. Это не страшно. Я все равно не знаю, что еще сказать – что я жалею о чем-то, чего не делал? Кажется, не делал.

Боже, пожалуйста, помоги мне.

Я больше ни о чем не буду тебя просить.

Не ради себя.

Адам ждет в приемной, и к горлу у меня подкатывает тошнота. Наверное, от нервов. Если я скажу об этом Монтроузу, он пойдет напрямик к шерифу и добьется, чтобы меня отстранили от дела. Не думаю, что мне удастся отстоять свое положение. Я бросаю взгляд на сливовое дерево за окном. Оно напоминает мне о ветвях, под которыми меня нашел Адам.

– Готова? – спрашивает Монтроуз, приближаясь ко мне с кружкой и блокнотом в руках.

– Ага, – говорю я, хотя сама толком в этом не уверена.

– Уверена, что справишься, Ли?

– Хватит спрашивать меня об этом. Я бы сказала, если сомневалась, Монтроуз. Ты это знаешь.

– Твой старый приятель мне не по душе, – говорит он. – Хотя Койл вызывает больше подозрений. Как бы то ни было, это будет веселый разговор. И необходимый.

Он улыбается и кивает. Затем идет в помещение для допросов, а я направляюсь в приемную.

При виде меня Адам улыбается и встает. Он одет в джинсы за две сотни баксов и идеально выглаженную рубашку. Я не могу понять, какого она цвета – то ли белого, то ли бледно-бледно-голубого.

– Привет, Ли, – говорит он, откладывая в сторону «Шелтонский журнал округа Мейсон».

– Выпуск про старые дома, – говорю я, глядя на обложку.

– Да, – отзывается он, – я просто хотел посмотреть, нет ли там знакомых имен.

Он идет за мной.

– И как? – спрашиваю я, оглядываясь на него.

Он качает головой:

– Немного. От силы пара. Шелтон сильно изменился.

– Не так сильно, как может показаться, – говорю я.

Разговор меня успокаивает. И Адама, кажется, тоже. Это хорошо. Он слегка напрягается, увидев Монтроуза.

– Привет, Адам, – говорит тот.

– Детектив. – Адам переводит взгляд на меня. – Я думал, что буду говорить с тобой.

– Это не просто разговор, – говорит Монтроуз. – Мы расследуем убийство вашей жены.

Адам слегка розовеет.

– Я знаю, детектив. Просто не ожидал увидеть вас обоих, – он снова смотрит на меня. – Могла бы предупредить, Ли.

– Извини, – говорю я. – Это стандартная процедура. Нас здесь немного, но по возможности в допросной находятся два детектива. Все будет в порядке. Присядь, хорошо?

Адам садится напротив нас. Я замечаю, что под мышками у него успели проступить небольшие пятна пота. Он нервничает. Это нормально. Я бы тоже нервничала, если бы меня привели на допрос из-за убийства близкого человека. Не потому, что я виновата, а потому, что это тяжелая ситуация.

– Нам нужно будет записать разговор, Адам, – говорит Монтроуз. – Опять-таки, стандартная процедура.

Адам по-прежнему смотрит на меня:

– Мне позвонить адвокату, Ли?

Монтроуз отвечает незамедлительно:

– Вы думаете, вам нужен адвокат?

– Ты не подозреваемый, – говорю я – таково мое мнение.

Монтроуз со мной не согласен. Он еще не вычеркнул Адама из списка. Я надеюсь, что сегодняшний разговор объяснит накопившиеся неувязки.

Адам немного расслабляется. Монтроуз включает диктофон.

– Итак, – начинаю я, – нам нужно прояснить несколько моментов, Адам. Возможно, эти детали покажутся тебе неважными или же ты успел их забыть, но попытайся вспомнить. Хорошо?

Я понимаю, что нечаянно подсказала Адаму, как уйти от ответа, – сослаться на забывчивость. Монтроуз непременно отчитает меня за это, если он обратил внимание.

– Мы изучали свидетельские показания, – продолжаю я.

– Да, – подключается к разговору Монтроуз. – Мы опросили всех, кого смогли, и некоторые показания противоречат тому, что рассказали нам вы.

– Вот как? – Адам моргает. – Это странно. Я был немного не в себе, когда мы говорили, но постарался описать все как можно точнее.

– Давай начнем с мистера Беккера, который вызвал полицию, – говорю я.

– С ним что-то не так?

– По его словам, ты сказал, что твой телефон не ловил сигнал.

– Да. Так и есть.

Монтроуз наклоняется чуть ближе.

– Тогда каким образом вы смогли позвонить родителям Софи?

– Связь прерывалась, – говорит Адам. – Иногда мой телефон ловил сигнал, иногда нет. В тот момент поймал.

– Хорошо, – говорю я. – Можешь описать, во что была одета Софи, когда ты видел ее в последний раз?

Он опускает глаза на стол, потом вновь смотрит на меня.

– Да, – говорит он. – На ней была белая пляжная накидка поверх купальника. Кажется, она собиралась позагорать или поплавать. Вода в том маленьком заливе хорошо прогревается.

– На ней было что-нибудь еще? – спрашиваю я.

– Шляпка от солнца. Софи купила ее прошлым летом в Санта-Барбаре.

– Давайте вернемся к описанию нападавшего, – говорит Монтроуз.

Адам пару секунд размышляет:

– Я не видел его лица, так что не смогу опознать его по фотографии. Все произошло так быстро, я мало что разглядел.

– Мы понимаем, – говорю я, хотя знаю, что к Монтроузу это не относится. – Можешь вспомнить еще что-нибудь про него? Цвет волос? Одежду?

– Он подошел к Софи сзади. Она закричала, и я взялся за весла. Я увидел, что это был мужчина. Крупнее нее.

– Хорошо. Понятно. Во что он был одет? На нем была шляпа? – спрашиваю я.

Адам смотрит вверх:

– Шляпы я не помню. На нем была красная куртка и штаны защитного цвета, кажется. Не уверен. Сложно вспомнить мелкие детали, когда происходит что-то подобное. Они стираются из памяти.

Это действительно сложно. Но я помню каждую мелочь. Я помню, во что был одет Альберт Ходж. Как он пах. Помню шрам от аппендицита. Помню его электронные часы фирмы Casio с белым циферблатом и черным ремешком. Помню фланелевую рубашку и джинсы Levi's. От них пахло машинным маслом.

Мы переходим к еде, которую нашла в холодильнике Тереза Дибли. Ее показания противоречат тому, что рассказывал Адам.

– Ты говорил, что вы с Софи купили сэндвичи на ужин, – говорю я.

– Да, – отвечает он, – в магазине недалеко от коттеджей.

– И вы их съели?

– У Софи не было аппетита, – говорит Адам, – из-за простуды. Но мы поели. Немного.

Я не говорю, что желудок Софи оказался пуст.

Но Адам будто читает мои мысли. Может, я каким-то образом даю ему подсказку – я знаю, что он не стал бы причинять вред своей жене, что бы там ни думал мой напарник.

– Хотя, – говорит он, – сейчас мне кажется, что она все же не стала есть. Мы купили сэндвичи, и я разделил один из них с Обри.

Логично, думаю я. В холодильнике было два целых сэндвича и один полусъеденный.

– На следующее утро вы приготовили вафли, – говорит Монтроуз. – Но Софи не стала их есть. Верно?

Адам ерзает на стуле. Пот на его рубашке успел высохнуть. Адам спокоен. Расслаблен.

– Да. Она не любила завтракать. Предпочитала просто выпить кофе.

– Но в то утро она пила вино, – говорит Монтроуз. – Еще до одиннадцати.

– Мы приехали отдохнуть, – говорит Адам. – Она говорила, что вино можно пить в любое время. Иногда потягивала его весь день.

– Сэндвичи купили вы или Софи? – спрашивает Монтроуз.

– Софи, – отвечает Адам в некоторой растерянности. – Почему вас так интересуют сэндвичи?

– Не волнуйся, – говорю я. – Мы просто пытаемся выстроить временную шкалу.

– Думаете, кто-то начал следить за ней в супермаркете? – внезапно спрашивает Адам.

Монтроуз глядит на меня, затем на Адама.

– Нет. А вы?

– Не уверен, – говорит Адам. – Она упомянула, что продавец в мясном отделе на нее заглядывался, но для Софи в этом нет ничего необычного. На нее часто смотрели, и она всякий раз мне об этом рассказывала. Знаю, со стороны это кажется странным. Но она гордилась тем, что на нее обращают внимание. Я тоже этим гордился. Для нас это было нормально.

– Может быть, она испугалась того продавца или почувствовала себя неуютно? – спрашиваю я.

– Да нет, ничего такого, – говорит Адам. – Как я и сказал, ей льстило внимание. А тебе разве нет?

Я решаю проигнорировать это замечание. Оно прозвучало странно. Агрессивно и недобро. Это совсем не похоже на Адама. В допросной воцаряется тишина, и Адам говорит, что ему нужно отлучиться в туалет. Монтроуз объясняет ему, как пройти в мужскую уборную.

В писсуаре угнезвился освежитель воздуха размером с тарелку для фрисби. Я делаю свои дела и пытаюсь понять, к чему приведет этот допрос. Кажется, детектив Монтроуз считает меня подозреваемым, а Ли пытается его притормозить. Она меня знает, а он – нет. Кому какая разница, что мы ели накануне? Когда копы приехали на пляж, я даже свой номер телефона не мог вспомнить. Я был в шоке. В самом настоящем шоке.

Я застегиваю ширинку и смываю.

Моя руки, я разглядываю себя в зеркале – вижу себя так же, как меня видят другие. Наверное. Я не топ-модель, но и не урод. Мне почти сорок – говорят, в этом возрасте мужчины находятся на пике энергии и сексапильности. Может, без очков было бы лучше. С другой стороны, без них я стану выглядеть старше. Мне это не нужно, если я надеюсь получить еще одно повышение.

Я проигрываю в памяти все, что сказал детективам в тот день и что рассказываю сейчас. Мне нет смысла менять показания – случилось то, что случилось, – но почему-то во мне просыпается желание угодить, и я пытаюсь заполнить малейшие пробелы, сделать историю более складной. Я уже делал так в «СкайАэро». Кэрри попросила меня составить отчет и слегка подправить цифры, чтобы работа выглядела успешнее. Мне несложно было солгать ради нее. Собственно, это даже не казалось мне ложью. Я просто немного ускорил события. Не люблю подолгу засиживаться над одним делом.

Судя по тому, как Ли на меня смотрит, я ей нравлюсь. Может быть, из-за того, что произошло на Тамарак-Лейн. А может, и нет. В детстве она была в меня влюблена, но я этого не замечал. Хотя она хорошенькая. Красивое тело. Мне нравятся ее рыжие волосы. Не цвета пожарного гидранта. Просто красивые. Она хорошо выглядит. Но я стараюсь об этом не думать. Софи мертва. Ее убили. Не знаю, почему я вдруг начал думать о других женщинах?

В туалет заглядывает Монтроуз.

– Вы закончили?

– Ага, – говорю я. – Мою руки.

Интересно, стал бы он стучать в дверцу кабинки, чтобы найти меня.

– Отлично, – говорит он. – Мы готовы продолжить.

Этот детектив, от которого пахнет табаком, напоминает мне моего первого босса. Тот обожал все контролировать. Вечно проверял, выполняем ли мы его поручения. А поручал он, помимо всего прочего, выполнять его работу. Детектива Монтроуза наверняка бесит, что в напарники ему дали менее опытного коллегу, да еще и женщину. Наверняка это выводит его из себя. Когда он смотрит в зеркало в своем обветшавшем доме, то наверняка осознает то же самое, что и другие мужчины в его возрасте.

Что он достиг предела своих возможностей.

Я иду к двери. Я хорошо выгляжу. Я справлюсь. Несмотря на все препятствия, несмотря на то что моя жизнь перевернулась с ног на голову, я полная противоположность Монтроузу и ему подобным. Для меня все только начинается.

Адам вернулся в допросную, а мы с Монтроузом успели договориться о прекращении огня. Он по-прежнему подозревает Адама и вдобавок считает его первоклассным лжецом. Я с этим не согласна. Но я знаю, что предстоящий разговор почти наверняка переубедит одного из нас.

Нам придется затронуть очень личную тему. Мужчина, заподозренный в измене, чаще всего пытается солгать. Фрэнк Флинн помешался от ненависти к Адаму, так что его показания можно вычеркнуть. А вот у Жанны Фонг не было причин для неприязни – только подозрения. По крайней мере так мне показалось. Она всей душой была за Софи, но ее скончавшаяся подруга не сообщила ей ничего, что можно было бы использовать против Адама.

– Адам, – я беру быка за рога, – ты изменял Софи?

Он мотает головой.

– Ты серьезно?

Это тяжело, но необходимо.

– Мы должны знать, – говорю я.

Адам с отвращением вздыхает.

– Не ваше дело, – упрямо говорит он.

– Это явно имеет отношение к расследованию, – говорит Монтроуз с долей злорадства. – Рассказывайте.

Адам переводит взгляд на стену, и упрямство на его лице уступает место смущению. Он складывает руки на груди. На лбу у него проступает пот.

– Слушайте, – говорит он, – я не горжусь этим. Но да, признаю. Я переспал с коллегой. Но это ничего не значило. Просто работа.

Я не знаю, что сказать. С какой стати в «СкайАэро» интрижка считается частью работы?

– Кто это был? – спрашиваю я.

– Моя начальница. Кэрри ЛаКруа.

– Когда? – спрашивает Монтроуз.

– Несколько лет назад.

– Несколько лет назад, – повторяет Монтроуз.

– Да, я так и сказал.

– Софи знала о вашей тайной связи?

– Никакой связи не было. И Софи ничего не знала, потому что для меня это ничего не значило. Совершенно. Может, это был способ продвижения. Не знаю точно, зачем я с ней переспал, но она предложила, и я согласился.

– Она предложила, – говорит Монтроуз с ноткой сарказма. Адам прищуривается.

– Да, – говорит он. – Вам, наверное, это сложно понять, но я ей понравился, и я согласился.

– И Софи ничего не знала? – повторяю я.

– Мы никогда это не обсуждали. Я изменил жене, признаю. Это так. Можете поставить жирную галочку напротив моего имени. Многие изменяют своим женам. Если из-за этого вам взбредет в голову, что я замешан в ее исчезновении, вы будете неправы.

Адам встает. Он смотрит на меня, не отрываясь.

– Я ждал от тебя большего, Ли, – говорит он, качая головой. – Никогда не думал, что ты станешь так со мной обращаться. Боже, как же неприятно ошибаться в людях.

– Я просто выполняю свою работу, Адам, – говорю я, надеясь, что мой голос не сорвется. К счастью, не срывается.

Он снова кидает на меня взгляд:

– Если твоя работа – добивать людей, чьи жизни были разрушены бессмысленной жестокостью, ты заслужила премию.

– У нас есть еще вопросы, – говорит Монтроуз, включаясь в разговор.

– Засуньте свои вопросы себе в задницу, детектив, – отвечает Адам. – С меня довольно.

* * *

Через несколько минут ко мне в кабинет заходит Монтроуз. Я смотрю на его руки. Обычно во второй половине дня тремор становится сильнее. Монтроуз видит мой взгляд и прячет руки в карманы. Я делаю вид, что ничего не заметила.

– Ты в порядке? – спрашивает он.

– Да, – говорю я. – То есть нет, не совсем.

– Он засранец. Я знаю, ты его обожаешь, после того что он для тебя сделал. Но характер у него скотский. Он самовлюбленный неудачник. Это ужасное сочетание.

– Спорить не стану, – говорю я. – Но кое в чем он прав. Он не убивал свою жену.

– Мы не знаем этого наверняка.

Я указываю на монитор компьютера. На нем открыты предварительные результаты лабораторного анализа. Их прислали, пока мы обсуждали личную жизнь Адама.

Монтроуз наклоняется ближе, но шрифт для него слишком мелок.

Я поднимаю на него взгляд:

– Сперма, найденная в теле Софи, принадлежит не Адаму.

Монтроуз потрясен:

– Откуда ты знаешь?

– Из анализа крови, который мы у него взяли. Он не секретор. А тот, кто изнасиловал Софи, – да.

Монтроуз пытается прочесть, что написано на экране, но быстро сдается. Ему действительно нужны новые очки, но он скупится за них заплатить.

– Ничего не понимаю, – говорит он. – Тогда кто это был?

– Еще не знаю, – отвечаю я. – Но мы выясним.

– Значит, его единственный грех в том, что он засранец.

– Похоже на то.

Засранец, который вытащил меня из-под паутины ветвей сливового дерева и теперь, скорее всего, никогда не заговорит со мной снова. Ну и денек. Мне не терпится вернуться домой к своей кошке и открыть бутылку вина.

Моя жизнь полна смысла. Невероятно полна. Я так и делаю: покупаю бутылку хорошего шардоне в супермаркете по дороге домой. Я ничего не праздную. Просто думаю, что сегодня шардоне подойдет лучше, чем дешевое вино, которое я пью обычно. В дверях меня встречает Миллисент.

Да, невероятно полна.

Я сижу на кухне, пью вино – по крайней мере, из бокала, – и неотрывно пялюсь на телефон. В конце концов я делаю то, чего не

следовало.

Я пишу Адаму.

Прости, что так вышло.

Я продолжаю смотреть на телефон, глядя кошку и мечтая, чтобы этот день поскорее закончился. Мне действительно жаль. Я делала то, что нужно. Но в глубине души я этого не чувствую.

Ответа я так и не получаю.

Сидя в одном помещении с Ли и ее придурком-напарником, я вспомнил то, что всегда вспоминаю при виде нее.

День, когда она пропала.

Мы с Кипом сидели в классе, когда к двери с узким окошком подошел секретарь директора и жестом позвал мистера Саперштейна. Шел урок истории XX века, и я был рад, что унылый бубнеж о новом курсе хоть ненадолго прервался. Я всегда называл его «фиговый курс», чтобы позлить учителя.

Мистер Саперштейн со своей нелепой бородкой и очками в роговой оправе закрыл дверь и подошел к Кипу. Вытаращив глаза, он наклонился к Кипу вплотную.

– Тебя ждут дома, – напряженно сказал он.

Кип выглядел растерянным:

– Почему это?

– Мы не можем говорить об этом здесь.

– Что-то с мамой?

– Мы не можем говорить об этом здесь, – повторил мистер Саперштейн. – Пожалуйста, бери свои вещи и иди домой.

Потом он перевел взгляд на меня:

– Адам, ты тоже можешь идти.

В другой раз я бы обрадовался, но что-то подсказывало мне, что это не просто возможность прогулять уроки вместе с моим лучшим другом. Мистер Саперштейн думал, что Кипу понадобится моральная поддержка.

Случилось что-то ужасное. Я подумал, что, может быть, умер кто-то из его родителей. Или сгорел их дом. Мне даже в голову не пришло, что беда могла приключиться с его сестрой, Ли.

Когда мы подошли к дому Кипа, то увидели там Джека Мастерса, шерифа округа Мейсон, и четыре полицейских автомобиля. Мы поняли, что это был не пожар. И не сердечный приступ, ведь рядом не было ни одной кареты скорой помощи.

Произошло что-то другое.

Шериф Мастерс был немолод, хотя в то время я считал всех за пятьдесят глубокими стариками, и в Шелтоне его хорошо знали. Он уже давно занимал эту должность. Когда мы учились во втором классе, он пришел к нам в школу, чтобы рассказать о том, как опасны наркотики. В пятом классе он велел нам не доверять незнакомцам, а в седьмом повторил лекцию про наркотики. Его волосы давно поседели, а внушительный живот свидетельствовал, что либо миссис Мастерс отлично готовила, либо шериф не мог пройти мимо ресторана с фастфудом. Но он был хорошим человеком. В старшей школе, когда мы делали глупости, он отчитывал нас, но при этом отвозил домой.

– Если ты еще хоть раз так напьешься, – сказал он мне однажды, – мне придется поговорить с твоими родителями.

Узнав, что мы превысили скорость, шериф Мастерс нас отчитал.

– Послушайте, – сказал он, – вы умные ребята. Вы знаете, что можете потерять управление. Вы ведь не хотите провести выпускной за решеткой или на кладбище? Тогда не делайте так больше.

В гостиной нас ждали мистер и миссис Хуземан. Стало ясно, что Ли дома нет. Миссис Хуземан вскочила с места и заключила Кипа в объятия. Я помню, что мне стало грустно и неловко, и я стоял там и смотрел, как его мама плакала навзрыд; я еще никогда не видел, чтобы кто-то так горько плакал.

– Ли пропала. Не дошла до школы. Никто не знает, где она.

– Пропала? – переспросил Кип.

Пропала, подумал я. Ничего себе.

Красавица миссис Хуземан очень гордилась своими рыжими волосами. Она отрастила их длиннее, чем большинство других мам. Тем утром ее волосы сбились в сплошной колтун, ее глаза покраснели. Моя мама всегда говорила, что миссис Хуземан следит за собой, но в тот день она выглядела ужасно.

Мистер Хуземан всегда держался стойко и молчаливо, как и мой отец. Может, в те годы все мужчины так себя вели. Он не плакал, но

мне показалось, что он едва держит себя в руках. Его широкие сильные плечи дрогнули, когда он обратился к шерифу.

– Она бы ни за что не сбежала из дому, Джек, – сказал он.

– Я обязан рассмотреть все варианты, – сказал шериф Мастерс. – Но я знаю вашу дочь. Она хорошая девочка.

Он кивнул нам в знак приветствия:

– Кип, ты не знаешь, что могло случиться?

Кип был сосредоточен на своих родителях.

– Что могло случиться? – повторил он. – Папа прав. Ли не стала бы сбегать.

– Ясно, – ответил шериф, – хорошо. Ты знаешь что-то, что могло бы помочь найти ее? Может, кто-то ее обижал? Или она захотела побыть одна, потому что ее что-то расстроило? Какие-то неприятности в школе или ссора с парнем?

Кип покачал головой:

– Нет, ничего такого. У Ли все хорошо. Она счастлива.

Шериф Мастерс посмотрел на меня:

– А у тебя есть какие-нибудь идеи?

– Нет, – ответил я. – Но, наверное, нам нужно отправиться на поиски?

– Мы с этим справимся, сынок, – сказал шериф.

– Мы не можем сидеть сложа руки, – возразил Кип.

* * *

Ко второй половине дня весь город знал, что мы ищем Ли. Она пропала всего несколько часов назад. Но в нашем городке новости разлетались быстро. Никакого интернета. Всего несколько мобильных телефонов на весь город. Но сарафанное радио сделало свое дело: мамы обзванивали других мам, папы обсуждали новость в барах и на лесопилке. Дети и подростки собирались в школьных коридорах. Все гадали, что могло произойти.

К поискам подключилась баскетбольная команда нашей школы, в которой состояли мы с Кипом, и один из помощников шерифа провел базовый инструктаж. Он не настаивал на протоколе, который мы все равно вряд ли стали бы соблюдать. При поиске улик, наверное, и

впрямь лучше не пропускать ни единого дюйма. Но мы искали сестренку нашего товарища.

Кип и я отправились на поиски вместе.

– Она мертва, – сказал он, пока мы рыскали по окрестностям.

– Ты не знаешь этого наверняка.

Мы обошли каждый дом на Тамарак-Лейн. Это походило на какой-то парад: на улице сидели люди, и каждый пытался подбодрить нас или предложить свою помощь.

– Я знаю свою сестру, – сказал Кип. – Она не такая дура, чтобы сбежать из дома.

– Да. Она не такая.

– Кто-то похитил и убил ее.

– Может, ее просто изнасиловали, – сказал я.

Как будто изнасилование может быть «простым».

Кип держался стойко; сохранял почти неестественное спокойствие. Он всегда был спокоен. Я понимал это тогда и понимал позже, когда Кип отправился в Афганистан.

– Мои родители этого не вынесут, – сказал он.

– Все будет хорошо, – сказал я. – Мы найдем ее и приведем домой.

– Они этого не вынесут. Того, что ее изнасиловали.

Его слова повисли в прохладном воздухе. Это был странный ответ, но я понял, что Кип имел в виду, потому что он знал свою семью. Они отличались консервативностью. Им действительно тяжело будет пережить изнасилование дочери. Я старался не думать о том, что им было бы легче принять убийство, чем сексуальное нападение.

Клеймо жертвы.

«Ее изнасиловали, ты в курсе?»

«Наверняка сама напросилась».

«Девочки-подростки в наши дни...»

Все забудут, что она училась в шестом классе. Какой-нибудь пьяница наверняка скажет, что это была ее вина – людям проще обвинить ее, чем смириться с присутствием зла. Они крепче спят по ночам, зная, что чудовища не придут за ними без повода.

На Тамарак-Лейн мы зашли в тупик. В буквальном смысле. Там висел знак «Не мусорить», но вокруг все равно валялись разные обломки, скошенная трава и сломанная утварь. Мы провели весь вечер,

копаясь в этой куче, точнее – Кип копался. Я методично обыскивал квадрат за квадратом. Начало смеркаться, и Кип сказал, что нам пора уйти, взять фонарики и поискать в парке.

Парк уже успели обыскать наши сокомандники, а я еще не закончил обследовать груды мусора. Но Кипу не сиделось на месте. Он никак не мог сосредоточиться. В общем-то этого следовало ожидать. Если бы он действительно отыскал свою сестру в этой свалке, поросшей ежевикой, то, возможно, уже не смог бы оправиться.

Возможно, я тоже не смог бы оправиться, но я был намерен завершить поиск.

– Иди, – сказал я. – Захвати фонари, а я закончу здесь и встречу с тобой в парке.

– Спасибо, чувак, – сказал Кип неровным голосом. Я не сразу понял, за что он меня благодарит, а потом увидел у него в глазах слезы, прежде чем он отвернулся. Тогда я сообразил, что он едва держит себя в руках и не хочет потерять контроль у меня на глазах.

Я притворился, что ничего не заметил.

– Хорошо, приятель, – сказал я. – Скоро увидимся.

Я слышала хруст ломающихся прутьев, но не могла закричать. Кто-то пришел за мной. Может быть, тот мужчина собирался закончить то, что начал, прежде чем кто-то его прервал? Его слова снова и снова звучали у меня в голове, как любимый CD Кипа.

– Не шевелись и не говори ни слова. Я узнаю, если ты слушаешься. Я вернусь, когда стемнеет, и отвезу тебя домой.

Кто-то подошел ближе. Может, меня разыскивают? Лежа в темноте, под ветвями, которыми меня укрыл мужчина во фланелевой рубашке, я услышала, как кто-то позвал меня по имени.

– Ли!

Мужчина, напавший на меня, велел молчать и ждать его возвращения. Если я скажу хоть слово, если позову на помощь, он снова меня найдет. И убьет. А потом убьет мою семью.

Я ему поверила.

Глупо, теперь я это знаю.

Несмотря ни на что, я хотела жить.

Кто-то вновь назвал мое имя. Я попыталась ответить, но мой рот был плотно заклеен скотчем.

– Ли! – позвали меня в третий раз.

Я узнала голос. Это был Адам Уорнер.

Когда я вспоминаю, как он наклонился к укрывавшим меня темным ветвям, на глаза у меня невольно наворачиваются слезы. Это будто бы тот момент в фильме, когда возлюбленные воссоединяются на крыше Эмпайр-стейт-билдинг или когда один из них узнает, что все это время переписывался с другим. Конечно, мы с Адамом не возлюбленные. Но я не знаю, как иначе описать чувство, охватившее меня в тот момент.

Я дрожала и ерзала на одном месте, пытаюсь скинуть с себя тщательно разложенные сверху ветви.

– Боже! – воскликнул Адам, падая на колени рядом со мной и отбрасывая ветви в сторону.

Конечно, это был Адам. Но мне казалось, будто это ангел бережно снял скотч с моего лица. Адам плакал. Я тоже. Мне было все равно, что он видит меня голой. Я думала лишь о том, что он нашел меня.

– Я была такой дурой, – сказала я.

Он даже не смотрел на мое обнаженное тело.

– Все будет хорошо, – сказал он.

Пообещал.

Он содрал скотч сначала с моих посиневших и окровавленных запястий, потом с лодыжек. Его руки дрожали, но он продолжал раз за разом повторять:

– Все будет в порядке, Ли. Все будет хорошо.

Мои губы саднило от скотча.

– Обещаешь? – это была не просьба, а скорее мольба.

Он посмотрел мне прямо в глаза:

– Разве я тебя когда-нибудь обманывал?

Я помотала головой.

– Нет, – сказал он, – никогда.

Адам накинул на меня свою куртку и обнял меня; я ощутила тепло его покрытой потом груди. Он тяжело дышал. Я чувствовала его дыхание своим израненным лицом. На мгновение я вспомнила своего похитителя. Но лишь на мгновение. Я больше не хотела о нем думать. О том, что он сделал со мной сначала в машине, потом на свалке, куда местные жители выкидывали ненужный хлам.

Я выжила. Адам нашел меня.

* * *

Я залпом допиваю вино из бокала. Кажется, я будто очутилась в прошлом, которое иногда ощущается как что-то чуждое, что-то, что я никогда не испытывала прежде. Или как что-то, что рассказал мне знакомый, услышав от другого знакомого. Игра в испорченный телефон. Не знаю, помню ли я то, что случилось на самом деле, или только хорошие моменты: как Адам меня нашел. Как вернулся мой брат с фонариком и тут же уронил его на землю, взял меня из рук своего лучшего друга и отнес домой.

Миллисент мурлычет.

– Он пообещал мне, что все будет хорошо, – говорю я ей.

Она смотрит на меня, как обычно делают кошки. Показывает, что услышала. Само собой, я вкладываю в ее поведение скрытый смысл.

– Я в порядке, – говорю я.

Миллисент спрыгивает с моих колен и направляется к выходу.

– Ну спасибо, – говорю я ей вслед.

Альберт Ходж не был осужден за нападение на меня. Он не был осужден за убийство десятилетней девочки из Чехалиса, его предыдущей жертвы. Он сделал то, что следовало бы сделать многим другим преступникам. Ходж покончил жизнь самоубийством, пока полиция колотила в дверь его трейлера. В трейлере нашли мое нижнее белье и нижнее белье девочки из Чехалиса. Я обрадовалась, когда узнала о его смерти. Мне все еще казалось, что это произошло с кем-то другим, не со мной. Сидя на свидетельской скамье, мне не пришлось вспоминать все детали произошедшего. Родители убедили меня сказать, что меня избили. Но не изнасиловали. Я соврала насчет котят, потому что мне было стыдно за свою доверчивость. Совместить одну ложь с другой оказалось совсем нетрудно. Ложь словно стала каменной стеной, защищающей меня.

– Ей повезло, – сказал в интервью шериф Мастерс. – Мы нашли ее до того, как произошло самое страшное.

* * *

Потом все вернулось в привычную колею. Я почти забыла о том, что произошло. Честно. Ну по крайней мере попыталась. Мы с Адамом заговорили об этом лишь однажды – на похоронах моего брата. Мы стояли в церкви, у мемориала, на котором наши родители запечатлели жизнь Кипа. Само собой, там была фотография Адама. На снимке он стоял рядом с Кипом, закинув руку ему на плечо. Похоже, это было приблизительно в то время, когда я пропала.

– Я помню эту рубашку, – сказала я, пока мы стояли там.

Он был в ней, когда нашел меня.

– Да, – ответил Адам. – Мне она казалась такой крутой. С моего первого концерта. «Металлика».

— Она была на тебе в тот день, когда ты меня нашел, — сказала я, по-прежнему не сводя глаз со снимков.

Какое-то время он молчал, перебирая фотографии.

— Да, — сказал он наконец. — Я помню.

Мы никогда не говорили о том дне. Я знала, что сейчас неподходящий момент, но все равно хотела хоть что-то сказать:

— Спасибо, что нашел меня.

Он указал на фотографию Кипа:

— Ты была для него всем, Ли. Он тебя обожал.

Типично для Адама. Он всегда знал, что сказать. Он знал, как наполнить разговор не унынием, а настоящим состраданием.

Между мной и Ли существовала невидимая, но прочная, как титан, связь. То, что я смог найти сестренку Кипа после ее исчезновения, стало, наверное, важнейшим поступком в моей жизни, но я не хотел преувеличивать собственную значимость. Я организовал поиск так же, как организовывал все остальное. Составил мысленный план местности, методично прорабатывал его и пытался поддержать Кипа. Сегодня так же мне приходится действовать и на работе. Серьезно. Половина народа в команде едва в состоянии сложить два и два. В полиции мне вручили награду, но я так ничего с ней и не сделал. Глупо вручать награду за то, что на моем месте сделал бы каждый. Каждый, кому повезло или кто родился героем.

Ли и я никогда не говорили о том, что случилось, после того, как я отдал ее Кипу. Несколько раз мне казалось, что она хотела что-то сказать, но я не видел причин ворошить прошлое. Я всегда менял тему, когда она начинала говорить. Перед похоронами Кипа она сказала что-то про то, как я спас ей жизнь, но мне не хотелось придавать этому большое значение.

– Не благодари, – твердо сказал я.

Мне следовало быть любезнее. Она едва держала себя в руках, помогая родителям пережить один из двух самых тяжелых дней в их жизни. Я видел, что она вот-вот поддастся горю, и это вызывало во мне неловкость.

– Ты спас мою жизнь, – повторила она. – Я перед тобой в долгу.

Как обычно, я отмахнулся от нее:

– Ты ничем мне не обязана.

Она слегка дернула меня за рукав:

– Это уж мне решать.

Я посмотрел на нее с сочувствием, но не отступил:

– Боюсь, что мне.

– Ты герой, – сказала она.

Мы вместе стояли перед фотографиями, на которых была запечатлена вся жизнь Кита – от младенчества до раскаленных песков

Афганистана.

– Вот настоящий герой, – сказал я.

Ли кивнула.

– Я думала о том, чтобы пойти в армию, как Кип, – сказала она.

– Круто, – ответил я. – Он был бы рад.

– Да, – сказала она, и к ней вернулось самообладание. – Но я передумала. Работы хватает и здесь.

– Не поспоришь.

– Я пойду в полицию, – сказала Ли. – Стану детективом. Я остановлю таких людей, как Альберт Ходж.

Я положил руку ей на плечо. Она слегка дрожала, но сохраняла самоконтроль.

– Думаю, это отличная идея.

Я закончил разговор, не дав ей возможности ответить.

– Пойдем проведем твоих родителей.

* * *

После похорон Кипа я возвращался в Шелтон всего несколько раз – эти случаи можно пересчитать по пальцам одной руки. Я не был ни на одной встрече выпускников. Мне хотелось навсегда стряхнуть с одежды опилки. Я хотел прожить более насыщенную жизнь, чем мой отец. Но Шелтон все равно остался частью меня или, по крайней мере, частью того, кем я был когда-то. Время от времени я заглядывал на веб-страницу «Шелтонского журнала округа Мейсон», чтобы узнать, что происходит в городке, который когда-то был моим домом, прежде чем я сбежал в колледж. Читал новости о свадьбах, похоронах, выписанных штрафах.

Я удивился и обрадовался, увидев, что Ли Хуземан заняла должность помощницы шерифа, а позже стала детективом. На сайте разместили ее фотографию, и я долго разглядывал ее со своего ноутбука в «СкайАэро». Ли повзрослела, хотя я мог разглядеть в ней черты девочки, которую знал когда-то. Она похорошела, точнее – она всегда была симпатичной, но в последний раз я видел ее еще ребенком. На фото она стояла рядом с парой других молодых сотрудников и выглядела весьма уверенной в себе. Ее рыжие волосы напомнили мне

прическу ее мамы, и я улыбнулся. Мне пришла в голову мысль написать ей в «Фейсбуке». Я даже нашел ее профиль, но так и не отправил сообщение. Она напоминала мне город, который я оставил, а я наверняка напомнил бы ей самый кошмарный день в ее жизни.

Кэрри глядит на меня своими печальными глазами цвета дождя и дыма от костра. Она молча приглашает меня в свой кабинет и закрывает дверь. На мгновение мы будто возвращаемся в прошлое, но это не так. Кэрри – крепко сложенная брюнетка с белыми зубами и привычкой класть руку мне на колено, когда мы говорим; она на семь лет старше меня. Когда-то мне нравилось проводить с ней время. Она подходила под мои запросы. Думаю, она считала так же. Между нами никогда не было ничего, кроме «офисной интрижки без обязательств».

Ее слова. Не мои.

– Ты в порядке, Адам? – спрашивает она.

– Софи умерла, – говорю я. Я использую этот очевидный ответ, чтобы нанести ей удар под дых. Кэрри – причина, по которой мое продвижение в «СкайАэро» застопорилось. Она поставила крест на моей дальнейшей карьере, заявив комитету по этике, что мое поведение «доставляет ей неудобство». Поползли слухи, что мы трахаемся, как сумасшедшие, и вот как она решила исправить ситуацию: подставить меня под удар. Ее слова преследуют меня неотступно, как черная метка. Комитет по этике не приносит ничего, кроме обвинений и порицания.

Это было задолго до того, как родилась Обри.

Мы и потом спали вместе, одному богу ведомо зачем. Ну, наверное, и мне тоже. Кэрри всегда излучала энтузиазм. На всем заводе «СкайАэро» нет ни единого закутка, где мы не потрахались бы – по большей части там, где нас не могли застукать, хотя однажды мы занялись сексом прямо во время смены, воспользовавшись тем, как оглушительно грохотал бурав. Кэрри прямо-таки извивалась от восторга. Я не преувеличиваю, она действительно извивалась. Строго говоря, мы не нарушали никаких правил. В огромном талмуде, регулирующем поведение сотрудников на рабочем месте, нет ни слова о том, что на заводе нельзя заниматься сексом.

– Я знаю, что она умерла, – сказала Кэрри, не заметив моей резкости. Она вообще мало что замечает. Думаю, поэтому из нее и

вышла неплохая начальница. Если не считать того, что она похоронила мои карьерные планы. – Даже представить не могу, каково тебе сейчас. Ты в порядке?

Она смотрит на меня с хорошо отработанной фальшивой заботой. И ее рука немедленно оказывается у меня на колене, как рак-отшельник, нашедший себе раковину.

– Я не знаю, – говорю я. – Еще не до конца осознал. Кажется, будто это все неправда.

– Понимаю. Такое потрясение. Я тоже едва могла поверить, как и остальные. Ты уверен, что в состоянии работать? Мы хотели предложить тебе взять отпуск, поговорить с отделом кадров насчет программ поддержки.

Мне всегда казалось, что корпоративные программы поддержки – для неудачников. Мне не раз доводилось отправлять туда сотрудников, и я еще ни разу не видел каких-либо заметных результатов. Одному парню, чья жена умирала от рака, они сказали жить сегодняшним днем. А ей оставалось жить меньше тридцати.

– Думаю, работа пойдет мне на пользу, – говорю я по двум причинам. Во-первых, работа дается мне легко. Во-вторых, не знаю, что я делал бы, сидя весь день дома с Обри и няней.

– Не уверена, – говорит Кэрри, перемещая руку чуть выше.

Не могу понять, проявляет ли она агрессию или просто пользуется представившейся возможностью. Или пытается проявить сочувствие. Я решаю испытать ее.

– Не хочешь выпить после работы? – спрашиваю я.

– О, конечно, Адам, – говорит она. – Я всегда готова тебя поддержать, как и все мы.

Я благодарю ее и возвращаюсь за свое рабочее место, огороженное невысокими стенами, в море других идентичных закутков. Единственная отличительная особенность моей кабинки заключается в круглом столе и двух дополнительных стульях для посетителей. Кэрри смотрит на меня через стеклянную стену, окружающую ее кабинет. Я киваю ей и жду пару секунд, пока остальные члены моей команды не начинают по очереди подходить со своими соболезнованиями и заверениями, что они, как и Кэрри, готовы меня поддержать.

Они даже не знают меня – лишь притворяются. Они смеются над моими шутками, будто я величайший комик на планете. Они выслушивают мои предложения так, будто я нашел способ первыми колонизировать Марс и при этом неплохо сэкономить. Они всегда мне улыбаются. Приносят кофе. И печенье.

Уверен, я им даже не нравлюсь. Они делают это по той же причине, по которой я сплю с Кэрри ЛаКруа.

В мою кабинку заглядывает Бен Уокер.

– Соболезную, чувак, – говорит он.

– Спасибо, Бен.

– Можно мне взять выходной в следующий вторник? – спрашивает он. – Говорят, в Мауи будет хорошая волна.

Я киваю в ответ.

– Заметано, дружище, – говорю я, передразнивая его серфингистский сленг. Но он не понимает шутки.

Моя жена умерла. Моя жизнь перевернулась с ног на голову. Начальница хочет со мной переспать. Мой главный помощник хочет поймать волну в Мауи.

Я даже не удивлен.

* * *

То, чем я занимаюсь после смерти Софи, – это мое личное дело, думаю я, глядя на макушку Кэрри ЛаКруа и ее глаза, полные обожания. Мы не стали пить после работы. Мы в ее спальне в Рентоне. Я уже давно здесь не бывал, но, судя по тумбочке, полной презервативов, мое место занимали другие. Я трогаю свой живот и думаю, что мне не помешало бы сбросить пару килограммов; Кэрри резко двигает головой, и я кончаю. Она сплевывает, а не глотает, но меня это не смущает.

– Я по тебе скучала, – говорит она, двигаясь вдоль моего обнаженного тела и укладываясь на вышитую рюшечками подушку. Вот что мне нравилось в Софи: она не тратила времени на девчачьи глупости. Мне не приходилось спихивать с постели плюшевого мишку, чтобы заняться сексом.

– Я по тебе тоже, – говорю я, хотя я не думал о ней ничего хорошего с тех пор, как она натравила на меня комитет по этике. Но я ужасно себя чувствую, будто теряю контроль над своей жизнью. Софи мертва, и я зол на нее. А Кэрри здесь. Она готова. Как всегда.

– Залезь в меня, как в грузоподъемник, – говорит она.

По какой-то неведомой причине ее заводят сравнения, связанные с аэрокосмическими системами и заводским производством.

– Расправляй крылья, – говорю я без тени смущения. – Я иду на посадку.

Она бормочет что-то в восхищении, но я думаю о другом. Кэрри ЛаКруа не очень-то хороша в постели. Так, второсортное развлечение. Мне приходит в голову, что секс, который можно сравнить с самолетом, заезжающим в ангар, – это едва ли лучше, чем ничего. Я подумываю сказать об этом Кэрри, но она выглядит такой счастливой.

* * *

Когда я возвращаюсь домой, Катрина уже готовится уходить. Ей двадцать три, она из Румынии. Прекрасно говорит по-английски и отлично управляется с Обри. Она привлекательна, с этим не поспоришь. Но пусть я достаточно глуп, чтобы переспать с Кэрри, я не собираюсь подкатывать к Катрине. Обри нужна няня.

– Прости, – говорю я, – пришлось задержаться на работе.

– Работа важна, – говорит Катрина. – Но семья не менее важна.

Я обезоруживающе улыбаюсь:

– Спасибо за все. Я сейчас совсем растерян. Не знаю, как все это пережить.

– Вы умный человек, – говорит она. – Вы справитесь. Обри уже спит. Она думает, что ее мама стала ангелом.

– Она еще не понимает, что смерть – это навсегда, – говорю я, снимая куртку и вешая ее на спинку стула.

– Она научится, – говорит Катрина. – Спокойной ночи, мистер Уорнер.

Я чуть было не предлагаю ей называть меня Адамом, но сдерживаюсь.

– Спокойной ночи, Катрина. Увидимся утром.

Я наливаю в стакан немного виски и иду проведать Обри. Она лежит в постели, свернувшись калачиком, словно котенок. Я поправляю одеяло и сажусь в кресло-качалку, которое Софи купила, чтобы кормить Обри грудью. Мне хочется заплакать, но я не могу. Не могу выжать ни единой слезинки.

Я встаю и наливаю еще виски. И еще.

* * *

Посреди ночи мне мерещится, будто я слышу дыхание Софи. Она лежит на боку лицом ко мне. До меня доносится ее тихое дыхание. Я не могу уснуть. Я лежу и смотрю в потолок. Я не знаю, что делать. Мне хочется сказать, что я все знаю и что она очень меня ранила, но это повлечет за собой еще больше проблем. Она лежит рядом со мной, и я гадаю, знал ли я ее на самом деле и знала ли она меня. Я мысленно отматываю время назад и не могу решить, действительно ли я влюбился в нее, или в идею о ней, или во что-то столь же поверхностное. Я думал, что люблю ее. Думал, что всегда буду любить ее. Я помню, как перед самой свадьбой Фрэнк подстерег меня на подходе к алтарю. Он выкрутил свое мудачество на полную мощность. Я еще не знал, что такова вся его сущность.

Он похлопал меня по плечу, словно мы были друзьями. Я подумал, он собирается пожелать мне всего наилучшего.

– Если причинишь ей боль, – сказал он, – я тебя закопаю.

Ого.

Причинить боль ей?

А что насчет меня?

В пятницу с утра Монтроуз подозрительно жизнерадостен, что не вяжется с его обычным утренним унынием и разочарованием от того, что Адам не убивал Софи.

– Ладно, выкладывай, – говорю я наконец.

– О чем это ты?

– Боже, актер из тебя никудышный. Что-то случилось. Заставишь меня гадать?

– А ты попробуй.

Я вздыхаю и пристально его разглядываю:

– Хорошие новости?

– Отличные.

– Здесь не бывает отличных новостей. Не та работа.

Я снова разглядываю его. Думаю изо всех сил.

– Ладно. Ты ждал, пока тебе перезвонит начальство Джима Койла.

Он слегка кривится. Так-то.

– Значит, они перезвонили. Ну и?

Он сдается:

– Все прошло прекрасно, Ли. Он успел здорово надоесть им за эти годы, и они сыты по горло. Его никогда не было на положенном месте. И вот еще что: им ничего неизвестно ни про какие хронические болезни. Они считают, что работу он пропускал из-за пьянства.

Он делает паузу и демонстративно смотрит на свой «Ролекс», которым очень гордится. Я подозреваю, что это подделка, но ничего не говорю. Думаю, ему как раз вручили уведомление об увольнении.

– Давай его арестуем, – говорю я.

Наши телефоны одновременно звонят.

– Вот и славно. Нам дали ордер на обыск, – говорит Монтроуз. – Отличный день.

– Ты поведешь, – говорю я.

Одной лжи хватило, чтобы переквалифицировать Джима Койла из фигуранта дела в подозреваемого. Конечно, дело не только в том, что он соврал. Он и раньше причинял вред женщинам. Он часто врал начальству о своем местонахождении. Жил в нескольких минутах езды от места похищения Софи. Были и другие улики, хоть и косвенные. Его пикап похож на тот, который якобы видела на дороге у коттеджей Шейла Симмонс, девушка с «Фейсбука», примерно в то самое время, когда на Софи напали.

Кроме того, как я указала в своем рапорте, во время нашего первого визита к Койлу я заметила на заднем бампере его пикапа тростник, который – хоть я и не ботаник, – напомнил мне тростник, растущий на берегу, где каякеры нашли тело Софи.

Вооружившись ордером на обыск, мы с Монтроузом приезжаем к переносному дому Койла. Его пикапа не видно, и, едва выйдя из машины, мы тут же слышим тьяканье. Я люблю животных. Свою кошку так просто обожаю. Но брехливые собаки меня раздражают, во многом из-за чихуахуа моих соседей, голос у которой как у настоящего сенбернара.

– Его здесь нет, – говорю я.

– Зато есть его проклятая шавка.

Я улыбаюсь. Все-таки у нас больше общего, чем любовь к пиву и эспрессо.

Я стучу в дверь; тонкий алюминий вибрирует, как поверхность барабана.

– Джеймс Койл, – громко зову я, чтобы перекрыть лай свихнувшегося померанца. – Детективы Хуземанн и Монтроуз. У нас есть ордер на обыск.

Пару секунд Монтроуз и я смотрим друг на друга и ждем.

Потом я пытаюсь открыть дверь, и, к моему удивлению, она поддается. Мы снова смотрим друг на друга.

– Может, он заткнется, если его выпустить, – говорит Монтроуз.

– Очень на это надеюсь.

Зубастый комок меха по-прежнему заливается лаем, а нам нужно найти Джима Койла. Так что мы заходим внутрь. Собака несется к дверям, и мы позволяем ей выбежать во двор.

– Упс, – говорит Монтроуз.

У Койла маленький, но довольно чистый для холостяка дом. Даже декоративные подушки на диване аккуратно сложены у подлокотника. Чистый, но не очень уютный. На стенах нет ничего, кроме изображения гигантского осьминога. Его щупальца простираются за пределы рамы. Приглядевшись, я замечаю, что одним щупальцем осьминог схватил женщину. Картина производит жутковатое впечатление, и я жестом прошу Монтроуза сфотографировать ее на телефон.

Гостиная оборудована для того, чтобы расслабляться с пивом перед телевизором. Напротив изображения осьминога висят неоновые вывески пивнушек. Телевизор стоит на старомодном комоде – у моих бабушки и дедушки был почти такой же.

– Про лазерные экраны он не слышал? – бормочет Монтроуз, пока мы осматривает комнату в поисках следов пребывания Софи Уорнер.

– Не все хотят видеть поры на лицах знаменитостей.

Монтроуз фотографирует комнату.

– Кто бы говорил. Ты смотришь Хулу.

Я игнорирую это замечание. Мое внимание привлекает желтый листок бумаги на маленьком кухонном столе.

– Он оставил записку, – говорю я, поднимая листок и читаю.

Со мной такое уже случалось. Я знаю, что меня все равно обвинят, – не важно, что я скажу или сделаю. Нужно было прикончить ту суку, когда была возможность. Она врала. Они все врал. И даже когда она призналась во лжи, меня все равно не выпустили из тюрьмы. Пожалуйста, отдайте Эйджея в хорошие руки.

– У парня явно проблемы с головой, – говорит Монтроуз, читая записку у меня из-за плеча.

Мы упаковываем записку и прочесываем комнату дюйм за дюймом.

– Не похож он на самоубийцу.

– Чужая душа – потемки, Монтроуз.

Он пожимает плечами:

– Ну да, тон довольно дерзкий. Не просит прощения. Только найти дом для собаки.

В спальню не влезла бы двуспальная кровать. Даже односпальная, аккуратно заправленная, занимает половину комнаты. Одежда висит на

деревянных вешалках, в комодѣ лежат тщательно сложенные футболки, джинсы и нижнее белье.

– В тюрьме прививают аккуратность, – говорит Монтроуз.

Я знаю, что Койлу не следует сочувствовать, но все-таки сочувствую. Самую малость. Возможно, ему вынесли слишком суровый приговор, разрушивший всю его жизнь. Возможно, он свихнулся, увидев Софи. Проследил за ней от супермаркета до коттеджей у «осьминожьей дыры», а на следующий день похитил ее. Его здоровье ухудшалось. Он вот-вот потерял бы работу.

Когда пришли мы, он понял, что его ждет. Ничего хорошего.

– Он явно себя жалеет, – говорит Монтроуз. – Когда мы его найдем, у него появится настоящая причина для жалости.

– Это была предсмертная записка, – говорю я. – Мы не найдем его живым.

– У таких парней слова расходятся с делом, – говорит Монтроуз. – Поверь мне. У меня больше опыта, чем у тебя. Без обид. Я ценю твое мнение, но в этот раз я прав.

Мы это уже обсуждали. Обычно я начинаю спорить. Но в этот раз воздерживаюсь.

– Нам нужно объявить его в розыск, – говорю я. – По всему штату. Он может быть где угодно.

– Согласен, – говорит Монтроуз. – Давай вызовем сюда экспертов. Не похоже, что Софи была здесь, но никогда не знаешь, что они смогут найти.

– Что насчет пса? – спрашиваю я, когда мы закрываем за собой дверь и заклеиваем ее сигнальной лентой.

– Какого пса?

Я морщусь:

– Понимаю. Но все-таки нужно позвонить в службу отлова.

– Ладно, кошатница.

Меньше чем через час округ Мейсон рассылает ориентировку на Джеймса Эдуарда Койла, 49, и его красный пикап, «Форд F-250» с вашингтонскими номерами. Разыскивается по подозрению в похищении и убийстве Софи Уорнер, очень опасен.

В наши дни информация распространяется стремительно. В течение получаса нам поступают четыре звонка от СМИ, включая один от Линды Ландан, обожающей громкие заголовки.

Новости переключаются из «Твиттера» в «Фейсбук», а оттуда – на веб-страницы. Каждый, у кого есть смартфон и пара больших пальцев, считает своим долгом выразить шок, негодование и восторг, как будто их мнение играет для следователей хоть какую-то роль. Но порой такое внимание приносит пользу. Иногда новости попадают на глаза кому-то, кто действительно знает что-то полезное, и мы получаем телефонный звонок, который помогает добиться правосудия. Надежда есть всегда.

После допроса я много раз думала о том, чтобы позвонить ему. Но не звонила. Теперь у меня нет выбора. Он моментально поднимает трубку. И тут же начинает мне выговаривать:

– Я только что видел новости. Ты должна была мне позвонить, Ли. Это неправильно. Софи была моей женой. Я имею право узнавать все первым.

Похоже, он на взводе, и я его не виню, но процедура есть процедура.

– Я не могла, – тихо говорю я. – Но я звоню сейчас.

Я слышу, как он вздыхает:

– Ты действительно думаешь, что он ее убил?

Я могу лишь гадать, что он сейчас чувствует.

– Точно не знаю, – отвечаю я. – Но мы его непременно арестуем.

Как только найдем, думаю я.

– Черт, – говорит вдруг Адам. – Я на работе, нужно ответить на другой звонок. Позвони мне, как только что-то узнаешь, Ли. Хорошо?

Я обещаю, что так и сделаю.

Она кружит перед входной дверью, как надоедливая мошка. Еще одна пластическая операция, и Линда Ландан окончательно свихнется и выпарапает кому-нибудь глаза. Отчасти мне ее даже жаль. Она работала на телевидении, когда я еще был подростком, и уже тогда казалась мне старой. За прошедшие годы всех ветеранов успели оттуда выгнать. На замену им пришли те, кто переехал в Сиэтл, чтобы быть поближе к двум своим любимым корпорациям – «Амазону» и «Старбаксу». Должен признать, Линда выглядит прилично, особенно через крохотный глазок; но, когда она поднимает руку, чтобы постучать, я сразу вижу, как стара она на самом деле.

Руки всегда выдают возраст, если не спрятать их в дорогие перчатки.

Она стучит снова.

Настырная репортерша, думаю я. Работает даже по субботам.

Она знает, что я дома, потому что видела снаружи мою машину.

Она звонит в третий раз. Я сдаюсь и открываю дверь.

– Адам, – говорит она, будто мы знакомы. – Как я рада, что вы дома.

– Привет, Линда, – подыгрываю я.

– Можно войти? – говорит она. – Я одна. Никаких камер. Просто хотела рассказать вам о странном звонке, который я получила утром.

– Сейчас не самый удачный момент, – говорю я. – Наша няня только что уложила Обри.

Так странно, что я до сих пор говорю *наша*. Больше нет ничего *нашего*.

– Я всего на минутку, – говорит Линда, старательно излучая доверие и искренность.

– Ладно, – вновь уступаю я. И закрываю за ней дверь.

От нее пахнет духами моей бабушки. Или, может быть, это спрей для волос. Я не разбираюсь в таких вещах. Софи всегда говорила, что чутье мне досталось исключительно деловое. Я притворялся, что это смешно, хотя на самом деле скорее обидно.

– Налить вам кофе? – предлагаю я, пытаюсь понять ее намерения – хочет ли она протянуть мне руку помощи или подставить подножку.

– Да, спасибо, – говорит она. – Кофе, вообще-то, очень полезен. На прошлой неделе я опубликовала обзор о его благотворном влиянии на здоровье.

Думаю, Линда Ландан почти в любой разговор ухитрится вернуть что-нибудь про свою страницу на «Линкед-ин», готовясь к тому дню, когда ее уволят, чтобы нанять молодую блондинку с белыми зубами и яркими, выразительными глазами.

Она идет вслед за мной на кухню, и я наливаю нам по чашке кофе.

– Мне так жаль, что вашей жены больше нет, – говорит она, усаживаясь поудобнее, словно нам предстоит дружеский разговор.

– Мне тоже, – говорю я.

– Должно быть, вы еще не оправились от шока. Простите, что нарушила ваш покой в такое тяжелое время.

Я понимаю, к чему она ведет. Разве что слабоумный не понял бы.

– Но вы сочли, что таков ваш долг.

Она смотрит на меня в некотором замешательстве, пытаюсь понять, издеваюсь ли я или делаю ей комплимент. В итоге она останавливается на втором варианте.

– Верно, Адам. Можно, я буду называть вас Адам?

– Это мое имя, – говорю я. – Называйте.

Я через силу улыбаюсь, хоть и мрачно. Линда смотрит на меня с притворным участием и начинает говорить.

– Фрэнк Флинн позвонил мне и сказал кое-что ужасное, – сообщает она. – По-настоящему ужасное. Я просто шокирована. До сих пор не могу оправиться. То, что он сказал, было столь невообразимо, но при этом так лживо, что я не могла не прийти к вам. Я не стала брать с собой оператора в виде исключения. Мы можем снять что-нибудь позже. Это личный разговор, приватный – только вы и я.

– Продолжайте, – говорю я, ставя чашку на стол, чтобы в полной мере прочувствовать, что наговорил обо мне Фрэнк Флинн.

Она ставит свою чашку так, будто это шахматная фигура:

– Он сказал, что ваш брак разладился.

Я даже не вздрагиваю. Позволяю ее словам повиснуть в тишине. Я хочу, чтобы она высказала все, что якобы знает про меня и Софи.

– Что вы завели любовницу, – говорит Линда наконец.

Я отпиваю глоток кофе. Мой ход. Я говорю правду.

– У меня нет любовницы.

Кэрри нельзя назвать любовницей. Это практически мастурбация.

– Фрэнк уверен, что это не так, – продолжает Линда. – Что вы с Софи давно разругались, и вы встречались с кем-то с работы.

– Если бы вы видели моих коллег, – говорю я, – вы бы поняли, что это не так.

Она явно не знает, что на это ответить. Я вновь позволяю паузе затянуться. Под ярким светом, без макияжа и фильтров ее лицо напоминает сдувающийся воздушный шарик. Когда она наклоняется, чтобы рассмотреть что-то на доньшке своей чашки, я замечаю шрам от пластической операции у нее за ухом.

Пауза оказывается очень эффективной.

– Еще он сказал, что вы были на берегу, когда обнаружили тело Софи, – говорит Линда.

– Да, – отвечаю я. – Точнее, я пришел туда через пару минут, как и многие другие. Об этом написали в «Фейсбуке», который, кстати, скоро заменит репортеров.

Она хлопает ресницами и качает головой. Притворяется, что я ее задел. Я знаю, что это не так. Она каждый день заходит в «Фейсбук» и горбатится над своей страницей, боясь стать ненужной.

Она продолжает расспросы:

– Вам не кажется странным, что вы были там?

– Чего тут странного? Да, это печально. Трагично. Но я по-прежнему был в коттедже, меньше чем в миле оттуда, – говорю я. – Я получил уведомление и пошел к «осьминожьей дыре». Я не бывал там раньше, Линда, если вы намекаете на это.

Она моргает:

– Я ни на что не намекаю. Ваш тесть убежден в вашей вине, а моя работа заключается в том, чтобы выяснить правду.

Твоя работа – распускать слухи, думаю я. И размышляю, по-прежнему ли Фрэнк Флинн считается моим тестем после гибели Софи. Надеюсь, что нет. Надеюсь, что я смогу просто обрубить его ветвь семейного древа, как и ветвь Хелен.

– Понимаю, – говорю я, хотя прекрасно знаю, что она лжет.

Она оглядывается по сторонам с демонстративным, показным состраданием.

– Он упомянул, что вы избавились от всего, что принадлежало Софи.

Я знал, что его это сильно разозлит. Отлично, я рад. Уверен, он успел пожаловаться всем – от кассира-подростка в забегаловке до своих приятелей по гольфу.

– Это не вполне так, – говорю я.

– «Не вполне», – повторяет Линда. – Что это значит?

Я продолжаю глядеть на нее:

– Я упаковал в коробки кое-что из ее вещей. Не все – то, что могло бы пригодиться Фрэнку с Хелен и от чего я хотел избавиться. По большей части то, что было связано с ними. Я не избавлялся от всего, что принадлежало моей жене. Вовсе нет.

– Ее родители озабочены, – говорит Линда.

Иными словами, подозревают меня, думаю я.

– Послушайте, – говорю я, – они скорбят. Я тоже скорблю. Мне нужно заботиться о дочери. Возможно, я выпил лишнего. Возможно, я сглупил. Возможно, поторопился. Но то, что я вернул им несколько семейных фотографий, которые ничего для меня не значили, и пару идиотских подарков, которые я с легкостью мог выбросить, ни о чем не говорит. Я любил Софи. Я никогда ей не изменял. Я не пытаюсь ее забыть.

Репортерша со сморщенным лицом глядит в сторону. Кажется, я смог ее убедить. Ей больше нечего сказать.

Но потом она восстает из мертвых.

– Думаю, у вас все-таки был кто-то на стороне, – говорит она. – Я много кого расспросила из ваших знакомых. Многие из них не прочь потрепать языком.

Теперь она пытается мне угрожать, и меня это раздражает.

– Думаю, вам надо уйти, – говорю я.

– Я еще не допила кофе, – говорит она, как будто это заставит меня смириться с ее присутствием еще хоть на мгновение.

– Я налью вам в термос, – говорю я.

Выплесну прямо в твою перекошенную физиономию, думаю я.

– Линда, ваше время на исходе, – продолжаю я, ведя ее к выходу. Она оглядывается по сторонам, пытаюсь найти что-то, что могло бы

подтвердить слова Фрэнка, но ее усилия тщетны. Я убрал из гостиной все, что напоминало мне о Софи.

– Линда, – говорю я, – не возвращайтесь сюда.

– Я всего лишь выполняю свою работу, Адам.

– И не называйте меня по имени, будто мы друзья.

– Вы же называете меня Линдой, – говорит она в слабой попытке отбиться.

– До свидания, Линда, – говорю я. – Спасибо, что делаете самую ужасную ситуацию в моей с Обри жизни еще хуже, распространяя лживые сплетни и прикрывая их неискренней заботой. Жду не дождусь, когда вас, наконец-то, выгонят с работы.

Кое-кто в нашем браке действительно завел интрижку на стороне.

Но это был не я.

* * *

Я смотрю на часы, подарок Софи, который я решил оставить. Обри и Катрина вернутся из парка не раньше чем через час. Я направляюсь в нашу спальню. Теперь это моя спальня. Я распахиваю дверцы шкафа и складываю одежду Софи на неубранную постель. Я чувствую запах своей жены. Я помню, когда она в последний раз надевала это платье. Этот жакет. Я ощущаю ее присутствие. Потом я иду на кухню и беру коробку с мусорными пакетами, которую я как раз поставил на стойку, когда в дверь позвонила Линда Ландан. Мне не нужны напоминания. Я так зол на свою покойную жену. Вся ее одежда отправится прямиком на благотворительность. Я подумывал о том, чтобы выбросить ее в мусорку у заправки по пути на работу. Но понял, что не могу поступить так с Софи. Это было бы слишком жестоко. Я зол на нее, но я не плохой парень.

Коннор в совершенном раздрае. Я очень его жалею. Очень. Даже когда между нами не все гладко, что-то в моем муже, хоть и не хочется это говорить, пробуждает во мне материнский инстинкт. Фу, и зачем я об этом подумала. Коннора не назовешь слабым, но в чем-то он более хрупок, чем я. Так уж сложилось. Я сильнее его. Я – добытчица. Я веду семейный бюджет – не потому, что он не может делать это сам, просто такой уж я человек.

Я наливаю ему выпить, потому что понимаю, что иначе его не успокоить, хотя и знаю, что это неправильно.

– Ты дрожишь, – говорю я.

Он сжимается в комок на нашем белом диване. Черные джинсы оставляют на итальянской коже следы, но я ничего не говорю. Не сейчас.

– Мне дерьмово, – говорит он.

Я сажусь рядом:

– Что случилось?

– Не знаю, – говорит он, делая большой глоток. Я знаю, что он собирается напиться. Стресс всегда сильно влияет на Коннора. Так было всегда, с самого первого дня нашей встречи. Я не знаю всего, о чем думает Коннор Мосс, но я довольно хорошо изучила его характер.

Он думает. Пытается связать воедино трагедию, произошедшую в Южной Калифорнии больше десяти лет назад, и ту, что случилась в эти выходные на Худ-Канале. В одной из них была замешана машина. Другая представляла собой похищение. Два совершенно разных события.

Но кое-что их все-таки объединяет, и я знаю, что сейчас скажет Коннор.

– Я ничего не помню, – произносит он.

– Ты был пьян, – напоминаю я. – И чуть не погиб.

Он отводит взгляд.

– Ну да, – говорит он, и, как бы иронично это ни было, делает еще глоток.

Я подливаю ему еще текилы. Себе я тоже налила стакан, но по большей части лишь позвякиваю кубиками льда. Я никогда не любила пить. Мне довелось наблюдать, как алкоголь разрушил брак моих родителей. Само собой, я нашла себе мужа с той же проблемой. Диплом Университета Сиэтла и докторская степень Вашингтонского университета меня не уберегли.

Умный ход.

– Но, Кристен, что насчет крови? – спрашивает он. – Я не знаю, откуда взялась кровь.

Он смотрит на меня, затем снова опускает взгляд на стакан. Кажется, Коннор вот-вот заплачет.

– Милый, ты порезался на работе, – говорю я, хотя сама в это не верю. – Потом долго ворочался в постели. Я слышала. Ты был пьян в стельку. У тебя шла кровь. Ничего особенного, милый.

– Но тебя не было тем утром. Я остался один в коттедже.

– Верно, – говорю я. – Ты спал без задних ног, так что я пошла немного прогуляться. Вот и все, вся история.

Он глядит в свой пустой стакан:

– Всего лишь история?

Я качаю головой:

– Нет. Не знаю, о чем ты.

Его глаза полны отчаяния.

– Кровь, – говорит он. – И мои ботинки.

Он не говорил об этом раньше, как и я. Но с его ботинками действительно случилось что-то странное. Когда мы одевались, чтобы поехать в полицейский участок Шелтона, я видела, как Коннор несколько минут их разглядывал. Он выглядел удивленным. На ботинки налип песок с пляжа, осыпавшийся на пол, как только Коннор их поднял.

– Странно, – сказал тогда он. – Не помню, чтобы я выходил наружу.

– Наверное, ты прошел по пляжу, когда мы только приехали, Коннор, – сказала я в ответ. – Я точно не знаю. Я распаковывала вещи.

– Я бы не пошел на пляж пьяным, – говорит он теперь, дрожа как осиновый лист. Он совершенно теряется на фоне белого дивана.

– Ты сам себя запутываешь, – говорю я. – Хватит. Прекрати немедленно.

Мой несчастный муж ставит стакан на стол.

– Я не знаю, что произошло. Не имею ни малейшего представления.

– Ты ничего не делал, – говорю я. – Ты не мог. Ты не такой человек, и к тому же, я ушла совсем ненадолго. И, если уж на то пошло, допустим, ты действительно вышел наружу и столкнулся с той женщиной – а этого точно не было, – что бы ты сделал?

Коннор выдыхает – кажется, впервые с начала разговора.

– Да, верно, – говорит он. В его голосе появляется надежда. – Я бы не сделал ей ничего плохого. Не стал бы причинять ей вреда.

Я киваю и меняю тему.

– Может, тебе стоит принять душ и лечь в постель? – я улыбаюсь с намеком, который он прекрасно понимает. Во время овуляции лишние слова не нужны. А у меня как раз началась овуляция.

– Что насчет суши? – спрашивает он.

– Ты голоден?

– Не особенно. Может, потом. Позже.

Он видит мою улыбку, и я понимаю, что он согласен. Вся проблема – в его тревожности. Я стараюсь сосредоточиться. Может быть, сегодня у нас получится. С каждой неудачной попыткой шансы все уменьшаются. Я наблюдаю, как он проходит мимо кухонного стола, направляясь в спальню. Коннор – алкоголик, но он по-прежнему меня привлекает. Я хочу, чтобы он оказался внутри меня.

Я иду на кухню, завариваю чай из трав, припрятанных в шкафчике, и выпиваю его, оглядываясь по сторонам: в нашем доме четыре спальни и всего двое жильцов. Я гадаю, не в этом ли моя беда. Возможно, не стоило загадывать наперед, надеясь заполнить дом детьми. Планы строят лишь глупцы и мечтатели.

* * *

Мы занимаемся сексом, после чего Коннор идет на кухню за суши, а я остаюсь лежать на спине в позе самолетного столика, плотно прижав колени к груди. Я стараюсь, действительно стараюсь. Мне приходит в голову, что в этот раз все непременно получится. Теперь, когда мы перестали ходить к доктору Ямада.

Этому жадному шарлатану.

Лучше действовать напрямик. Я зря надеялась, что наука сможет мне помочь. Природа знает, что делать. Пусть все идем своим чередом. Это касается также и моего замужества.

Все прекрасно. Честное слово. Клянусь.

Я гляжу через окошко на новорожденного ребенка моей сестры. Мальчик. Уже четвертый. Прекрасен, само собой, как и все дети. Целая грива темных волос, которую даже можно расчесать. Сестра еще не придумала ему имя. На нее это похоже. Рожает их одного за другим, не отвлекаясь на мелочи. Я бы назвала его Брэдли, в честь нашего отца. Но она наверняка придумает что-то нелепое; предыдущему ребенку она дала имя Престон. Фу! Я оглядываюсь вокруг. В палате стоят четыре инкубатора с младенцами. Так много. И каждый из них – маленький человечек, у которого впереди вся жизнь вместе с родителями. Дни рождения. Праздники. Выпускные. Множество особых событий. Мне хочется протянуть руки сквозь стекло и взять себе младенца. Любого. Или даже всех.

Медсестра в палате озабоченно смотрит на меня. Она указывает в моем направлении. Я прослеживаю, куда устремлен ее взгляд. Разжимаю кулак.

Кровь.

Я слишком сильно впиалась ногтями в руку. Больно не было. Я вообще ничего не заметила.

Подумаешь, немного крови. Всего пара капель.

* * *

Начало прошлой осени. Я вижу на экране телефона самодовольное лицо моего врача. Я прошу молодого студента, пришедшего на информационное собеседование, подождать пару минут снаружи. Когда он закрывает за собой дверь, я разворачиваюсь в кресле лицом к окну, из которого открывается прекрасный вид на Сиэтл. Мой кабинет расположен на сорок первом этаже, и окно выходит на северо-восток. Паром плывет по темной воде Пьюджет-

саунд к острову Бейнбридж, а вдали высятся Олимпийские горы с засыпанными снегом верхушками.

– Здравствуйте, доктор, – говорю я. – Вы с хорошими новостями, верно?

Доктор Ямада издает протяжный, раздражающий вздох. Он ненавидит, что в начале каждого разговора я выражаю надежду услышать что-то хорошее. Надо признать, я чересчур оптимистична. Так глупо на что-то надеяться. В прошлом году я выпила целое ведро кломифена, и все тщетно. Но я по-прежнему надеялась. Я всегда на что-то надеюсь – странно, учитывая то, что в юриспруденции от надежды редко бывает прок. Закон оперирует фактами. Факты одерживают верх над надеждой, мечтами и желаниями.

Но в этой ситуации факты мне ненавистны.

Вот уже почти шесть месяцев я принимала гонадотропные гормоны, чтобы простимулировать работу яичников. Да, это не очень-то приятно. Вся суть в том, чтобы в нужное время начали вырабатываться хорошие здоровые яйцеклетки. Я трудилась с упорством олимпийского спортсмена. Доила Коннора, как призовую буренку. Трахала его, как породистого жеребца.

Боже, нам пора переселяться на ферму.

– Вам следует прийти, – говорит доктор Я.

– Сначала скажите мне зачем, – отвечаю я.

Еще один вздох. Я его раздражаю, но он – терпеливый врач. Мне с ним повезло.

Или нет? Может быть, это он меня подвел.

– Вы знаете зачем, Кристен, – говорит он. – Лечение не приносит результатов.

Паром уплывает из поля моего зрения. Умиротворяющая картина. Но я чувствую себя отнюдь не умиротворенно.

– Потому что вы не прикладываете должных усилий, доктор Ямада. Это все ваша вина. Мне надо было послушать подруг. Прибегнуть к альтернативным методам. А вы только зря тратите мое время своей химией, таблетками и уколами. Боже! Ну что вы за идиот!

Я замолкаю. Не потому, что мне больше нечего сказать, а потому, что я хочу, чтобы он прочувствовал мою боль.

Но он ничего не чувствует. У него четверо детей.

– Вы знаете, что это не так, – говорит доктор Ямада так хладнокровно, как только может.

Я представляю, как он шокирован моей тирадой. Он добрый, мягкий, заботливый человек. Но сейчас меня это не волнует. Это не он стремится стать матерью. Пусть твердит, что он меня понимает, но это не так. Он не имеет ни малейшего понятия. Его услуги пользуются большим спросом. Похоже, в Сиэтле хватает бесплодных женщин.

Я плачу и не собираюсь продолжать этот разговор.

– Идите на хрен, доктор, – говорю я, прежде чем швырнуть телефон через всю комнату. Он ударяется о стену, прямо рядом с дипломом, подтверждающим мою докторскую степень. Я слышу, как разбивается экран. *Прекрасно*. Я это заслужила. Даже ребенка не могу родить. По лицу у меня текут слезы. Мне стыдно за то, что я наговорила доктору. Как повела себя. Но больше всего я стыжусь того, что не знаю, сможет ли хоть когда-то проявиться другая часть меня, к которой я так стремлюсь. Я гляжу на часы. Через десять минут мне нужно будет присутствовать при даче свидетельских показаний.

Время. Оно никогда не останавливается. Время – мой враг.

По дороге домой я захожу в травяную лавку на улице Стюарт. Город становится все моложе и моложе, но в нем появляется все больше и больше мест вроде этого. В отделе беременности столпилось несколько женщин моего возраста и старше. Мы все собрались ради последней миссии. Мы не говорим друг с другом, не обмениваемся взглядами. Я накладываю в корзинку травы из списка, найденного в интернете: листья и лепестки красноголовника, крапива, расторопша и наконец пустырник.

Девушка за стойкой приветливо мне улыбается, и я не уверена, пытается ли она меня подбодрить или устыдить. Ей двадцать пять, она хорошенькая. Концы волос выкрашены в темно-синий. Кобальтовый, кажется.

Совсем как глаза у детей моей сестры.

– Расторопшу все очень хвалят, – говорит девушка. – Одна покупательница пила чай из нее каждый день и уже через месяц забеременела. Представляете? Через месяц.

Она хорошо разбирается в травах.

– Спасибо, – говорю я. – Это для моей подруги. Я ей передам.

Девушка кивает в ответ.

Я вру. Она, наверное, тоже. Если ты ждала слишком долго, травы уже не помогут.

Я сажусь в свой «Лексус»; черное кожаное сиденье будто обволакивает меня. Не знаю, надолго ли мне еще хватит терпения. Действительно не знаю.

Мне звонит Коннор, и я поднимаю трубку.

– Привет, малышка, – говорит он. – Задержалась на работе?

– Уже еду, – отвечаю я.

– Сегодня мало посетителей, так что Мика меня отпустил. Я дома. Заказать что-нибудь на ужин?

Я молчу.

– Кристен? Ты пропала?

Его слова звучат как предсказание или просто точное описание нашей нынешней ситуации.

– Я здесь, – говорю я, направляясь вверх по холму к нашему дому в Равенне. – Что насчет суши? Я могу забрать по дороге.

– Обожаю суши, – говорит он. – Я остужу нам вина.

– Отлично.

– Люблю тебя, малышка.

Еще одна пауза. Я поворачиваю.

– Я тебя тоже, – отвечаю я наконец.

Но, честно говоря, я в этом уже не уверена. Не знаю, смогу ли я сберечь этот брак, постоянно чувствуя себя гребаной неудачницей. Коннор – хороший человек. Но мы могли бы развестись, и я могла бы всем говорить, что он не поспевал за мной. Он же официант, черт побери. Я могла бы сказать, что он тянул меня за собой. Могла бы. Мне бы поверили. Не важно, что настоящая причина – в том, что я подвела его, и каждый раз, глядя на него, невольно думаю, что два человека – это еще не семья. Плевать на то, что говорят супружеские пары с собаками. Я люблю собак. Но питомцы не заменяют детей.

Я готова убедить в этом любых присяжных.

Я смотрю, как Кристен запивает утренним кофе пригоршню разноцветных гормональных таблеток. Ее светлые волосы еще не высохли после душа, и, хоть она и не успела накраситься, я думаю, что во всем мире не найти более прекрасной женщины. В такие моменты я порой не могу понять, как вообще смотрел на другую. Она словно подобрала меня из грязи и устроила здесь, в этой райской жизни.

Она улыбается:

– Не отчаивайся, Коннор. Все будет хорошо.

Я не знаю, что она имеет в виду – что ей удастся забеременеть или что у меня все будет хорошо.

Как бы то ни было, я ей благодарен.

* * *

Кристен отправляется на работу, а я включаю кулинарное шоу и убавляю громкость. Мика Рейнольдс, шеф-повар «Синей двери», трижды пытался попасть туда, но безуспешно. Он хороший парень и очень талантлив. Но я не уверен, что ему под силу соревноваться с ребятами вроде Бобби Флэя и Масахару Моримото. Если ты чего-то хочешь – еще не факт, что получишь. Я никогда не верил, что одним только упрямством можно чего-то добиться.

У Мики и его жены Сары тоже проблемы с зачатием. Я ничего об этом не знал, пока не услышал случайно, как Мика сказал ей что-то про базальную температуру. Я всю сознательную жизнь провел в ресторанах и прекрасно знал, что это не кулинарный термин. Кристен и я погрязли в том же болоте.

* * *

Однажды вечером, когда персонал успел разойтись по домам, мы с Микой немного выпили, готовя ресторан к закрытию.

– Я тебя понимаю, – сказал я ему.

Он посмотрел на меня полуприкрытыми глазами:

– В каком смысле?

Мне следовало промолчать. Это очень личная проблема. Но я продолжил.

– Я услышал, о чем вы говорили на днях, – сказал я, следя за его реакцией. – Мы с Кристен тоже безуспешно пытаемся зачать.

Мика – крупный парень с двумя золотыми серьгами и редющим хвостом. У него широкая грудь и руки, которыми не может похвастаться ни один другой повар. Он мог бы отправить меня в нокаут. Но вместо этого просто кивнул.

– Да, – сказал он. – И вы тоже?

– Раз за разом, – ответил я. – Зная мою жену, думаю, она никогда не сдастся.

– У меня такая же, – сказал он, доставая из бара бутылку дорогой текилы. Он плеснул ее мне в кофейную кружку; бокалы уже были в мойке, и он не любил оставлять посуду в раковине на ночь. Я дождался, пока он нальет текилу в свою кружку.

Мы оба выпили алкоголь залпом.

– Это нелегко, – сказал Мика, а потом признался, что Саре было еще тяжелее. Намного. – У меня есть двое детей от Дарлы, – добавил он, – так что дело не во мне.

Я жестом попросил его налить еще текилы. Это был Patrón. К тому же, бесплатно. Хотя одна из этих причин была лучше другой. Бесплатная выпивка всегда меня подводила. Дешевые бутылки, стоящие на самой нижней полке в магазине. Откровенно говоря, я скатывался все ближе к алкоголизму с самой аварии. Или я уже тогда был алкоголиком? Кто знает?

Мика налил нам еще.

– Да, – сказал я. – У меня тоже.

Он посмотрел на меня настороженно:

– Я не знал, что у тебя был ребенок до Кристен.

Никто в ресторане этого не знал. Я бы не стал это обсуждать. И даже упоминать.

– Не до, – признался я. – Я не говорю об этом с Кристен. Вообще ни с кем не говорю. Просто знаю, как и ты, что проблема не во мне.

Мика отстранился и не стал развивать тему.

– Неловкое положение, – сказал он, предлагая налить еще.

Я прикрываю пустую кружку ладонью. Я достаточно умен, чтобы не напиваться с шеф-поваром. Он владеет рестораном.

– Да, – сказал я ему. – Каждый месяц одно и то же. Меня это убивает, как и ее. Она не желает усыновлять или использовать чужие яйцеклетки для ЭКО. Хочет забеременеть сама.

– Сара тоже, – сказал Мика. – Я говорил, что мы можем усыновить, и к тому же, она уже стала мачехой для моих детей. Но ее это не устраивает. Она хочет родного ребенка. Как будто материнство – это какая-то почетная медаль.

Я сдался и согласился на третий шот текилы. Попытался убедить себя, что мне этого хватит. Действительно хватит.

– Давай откровенно, шеф, – сказал я.

– Давай, – ответил Мика. – Надеюсь, ты всегда со мной откровенен, Коннор.

– Эта проблема разрушает наш брак.

Мика взял кружки и начал их мыть.

– Каким образом? – спросил он.

Я прислонился к барной стойке, пока он занимался кружками.

– Вечные неудачи, – сказал я. – Я не могу просто сказать ей: «Кристен, это ужасно, это несправедливо и грустно, но ты не сможешь забеременеть. Нам нужно жить дальше». Вместо этого мы каждый месяц пытаемся придумать что-то новое.

Мика коротко кивнул:

– Да, я хорошо тебя понимаю. И полностью согласен.

– Ага, – продолжил я, ощущая приятное тепло от выпитой текилы. – Она словно пытается найти виноватого, но я не могу ей помочь. Просто не могу. Я знаю, что дело в ней. Я люблю ее и не хочу, чтобы она себя винила. Но эти постоянные жалобы выводят меня из себя.

Мика закатал рукава своей белой рубашки.

– У Сары не так все плохо, – сказал он, – но порой она говорит колкости. На днях заявила, что у мужчин после сорока потенция снижается вдвое. Потенция? О чем она вообще!

Я засмеялся, и мне было хорошо:

– Вот уж с этим у нас проблем нет.

Мика вежливо улыбнулся, и я сменил тему на то, что меня действительно волновало.

– Мне надоело чувствовать себя неудачником. Надоело мастурбировать в пробирку, чтобы она могла впрыснуть в себя сперму, когда ей будет удобно.

– Чувствуешь себя куском мяса? – спросил Мика.

Я понял, на что он намекает.

– Ну да, мечта каждого мужчины, я понимаю. Все было бы не так плохо, если бы я мог придумать, как ее осчастливить.

– Пары, которые не могут зачать ребенка, в итоге смиряются с этим, – сказал он, прежде чем объяснил, что они с Сарой ходили к психотерапевту. – На это уходит время. Женщинам, конечно, тяжелее. Они думают об этом каждый раз, когда видят маленьких детей. По телевизору. На улице. Саре достается каждый раз, когда ее сестры приезжают на Рождество. У одной из них близнецы. У другой аж четверо детей. Она смотрит на них и, несмотря на все свои достижения, завидует им.

Я видел это в глазах Кристен.

– Да, – сказал я. – Ничего не остается, кроме как смириться.

– Именно, – ответил Мика. – Саре не понравилось бы, что я обсуждаю это с тобой.

– Ага. Кристен тоже.

Мы включили сигнализацию, погасили свет и пошли на выход. На улице царила темнота, и перед рестораном лежал бездомный в фиолетовых спортивных штанах. Мы перешагнули через него, зная, что, как бы тяжело нам ни приходилось, всегда найдется кто-то, кому еще хуже.

Отсутствие ребенка – не самое плохое, что может случиться.

Если, конечно, ты не хочешь ребенка.

Кристен

Марси Тиберри работает моей помощницей уже три года. Она на десять лет моложе меня и напоминает мне ту, кем я была когда-то. Она амбициозна, но не чрезмерно. Она относится к подчиненным с тем же участием и добротой, как и к тем, кто может поспособствовать ее карьере. Она так очаровательна, что я, наверное, действительно порадуюсь за нее, если она получит повышение. Она не станет идти по головам, как делала я. Я этим не горжусь. Марси предсказуема и надежна. В такой фирме, как наша, эти качества встречаются нечасто и редко соседствуют.

Она входит в мой кабинет со стопкой папок в руках. Черные папки, совсем как ее повседневная одежда. Она опускает их на стол.

– Кошмарные пробки, – говорит она. – Простите, что опоздала.

– Я даже не заметила, – говорю я, хотя, разумеется, это не так.

– Джексон всю ночь не спал, – добавляет она, как будто одного оправдания было недостаточно.

Кое в чем мы различаемся. Во-первых, у нее есть сын. Во-вторых, она назвала его Джексоном. Если Господь Бог или врач подарит мне ребенка, я никогда не дам ему такое простое имя. Я мечтаю назвать сына Николасом или Александром, а для дочери прекрасно подойдет имя Кэтрин – в честь моей бабушки.

Если у Марси родится дочь, она наверняка назовет ее Амбер. Подходящее имя для семьи, вышедшей из низов общества, и, к тому же, соответствует цвету волос, который девочка непременно унаследует от матери. У Марси ярко-рыжие волосы. Она коротко их стрижет, и, как ни странно, это выглядит современно, а не глупо. У нее идеально белая кожа. Никому и в голову не придет, что она недавно родила. От выступающего живота не осталось и следа благодаря тяжелой работе, хорошим генам или утягивающему белью. Может быть, всему сразу.

Я молча сижу за столом, пока она дважды зовет меня по имени.

И в третий раз:

– Кристен?

– Ох. Да? – отзываюсь я. Опускаю голову, глядя на экран ноутбука.

– Вы в порядке?

– Все хорошо.

– Ладно, – говорит она, раскрывая верхнюю папку, самую толстую. – Давайте обсудим показания Брэдфорда. Как вы на это смотрите?

– Прости, – говорю я, едва отрывая глаза от компьютера. – Я не в порядке, Марси.

Я чувствую, как начинаю трещать по швам. Хорошо, что дверь закрыта и со мной только Марси, а не кто-то, кто мог бы воспользоваться моей минутной слабостью.

Она наклоняется ближе. Я чувствую запах ее духов. Гардения. И тонкая пряная нотка.

– В чем дело, Кристен? – ее глаза полны озабоченности.

Думаю, искренней озабоченности. Хотя, должна признать, мне доводилось изображать подобный взгляд в зале суда вне зависимости от того, что я на самом деле думала о своем клиенте и его прегрешениях.

Мои глаза наполняются слезами:

– Я не хочу об этом говорить.

– Что-то случилось? – спрашивает она, обходя стол. Она кладет руку мне на плечо. – Это из-за вашей семьи?

Конечно, это ее первое предположение. Типично для матерей. Если вы не можете зачать и вам хватило глупости поделиться этой проблемой, они всегда будут думать об этом. Что источник всех ваших бед – ребенок.

Которого у вас нет.

И не будет.

Который есть у них.

– Нет, – отвечаю я наконец. – Мне просто страшно, Марси.

– Отчего?

– Я не могу об этом говорить.

– Конечно, можете, – говорит она. – Вам явно нужно выговориться. Вы страдаете.

Я аккуратно отстраняю ее и поворачиваюсь к огромному окну, выходящему на Пьюджет-саунд. Я знаю, что она увидит страницу,

открытую у меня на компьютере, и сделает неизбежный вывод.

– Это дело все еще не раскрыли? – говорит она, заметив статью «Сиэтл Таймс» об убийстве молодой матери на Худ-Канале. – Должно быть, для вас это большая травма. Оказаться рядом с местом такой ужасной трагедии.

Марси и впрямь предсказуема.

Я смотрю, как белые облачка плывут над серо-синими водами залива.

– Марси, – говорю я, – я беспокоюсь... и боюсь.

– Боже, Кристен, вы и меня пугаете. В чем дело?

Я медленно поворачиваюсь к ней:

– Даже не уверена, как объяснить, но...

– Но? Что вы хотите объяснить?

В зале суда такие моменты в шутку называют «звездным часом Перри Мейсона» – невероятное откровение, сопровождающееся аханьем со стороны присяжных.

– Я боюсь, что Коннор в этом замешан.

Раздается традиционное аханье. Со стороны Марси.

Ее глаза расширяются.

– Что вы имеете в виду?

Я рассказываю ей про кровь на простыне. Про песок на ботинках Коннора. Про то, что он не помнит, что делал в тот день. Про то, что я не видела его после того, как мы приехали в коттедж.

– Он был пьян в стельку, так что я уложила его в постель и закрыла дверь, – объясняю я, раскрывая некоторые подробности моей жизни с Коннором.

Марси знает, что он порой пьет, но не подозревает, какие проблемы с алкоголем были у него раньше. Да и сейчас тоже.

– Это еще ничего не значит, – говорит она, пытаясь меня успокоить.

– Я знаю, – отвечаю я. – Я хорошо знаю Коннора, но даже он не знает, что случилось после того, как мы приехали в коттедж. Он наводит меня на мысли о том, что натворил что-то спьяну, и это сводит меня с ума.

– Понимаю, – говорит она. – Но, простите за прямоту, это не стоит того, чтобы сходить с ума.

Я пытаюсь взять себя в руки и улыбаюсь в ответ.

– Спасибо, – говорю я. – Я знаю, что он не стал бы причинять никому вреда. На него это не похоже. Не особенно похоже.

Последняя фраза привлекает ее внимание. Как я и ожидала.

– Не особенно? – переспрашивает она. – О чем это вы?

Я снова отворачиваюсь:

– Прости. Не хочу углубляться в подробности. Не стоит выносить сор из избы. Я простила его. Это главное.

Я говорю это с абсолютной уверенностью. Марси не задает других вопросов.

– Я пойду на кухню, – говорит она. – Заварю вам чай.

– Я пью особый чай, – говорю я, не уточняя, что делаю это в попытках забеременеть. Я не собираюсь сдаваться. Не клади все яйца в одну корзину, как сказал бы мой отец, тоже юрист. Нельзя полагаться лишь на один способ. – Просто принеси горячей воды.

– Конечно, – говорит она. – Прошу вас, Кристен, не беспокойтесь об этом. Коннор – хороший парень. Он не стал бы просто так нападать на какую-то незнакомку.

Я не говорю ей, что Софи Уорнер вовсе не была незнакомкой.

Скоро она и так это узнает.

К моему столу подбегает Кэрри ЛаКруа. Длина ее юбки шокировала бы даже посетителей самого захудалого бара, а на лице у нее написана тревога. С момента гибели Софи прошло уже больше двух недель, и Кэрри наворачивала круги на своих пятнадцатисантиметровых каблуках, выискивая способ проникнуть в мою жизнь.

Кэрри определенно привыкла к проникновениям.

– Адам, нам надо поговорить, – произносит она, тяжело дыша.

Я отрываю взгляд от смертельно нудных финансовых данных:

– В чем дело?

– Идем в конференц-зал, – говорит она.

– Мне нужно закончить отчет к твоей встрече, – говорю я.

Она бьет меня по плечу:

– Плевать на сраную встречу. Это важнее.

Что-то случилось, думаю я. Кэрри заботит лишь одно – ее карьера. Может быть, компанию выставили на продажу или замыслили очередное преобразование, из-за которого Кэрри придется добиваться нового повышения. Ее время на исходе, а она еще не достигла пика своей карьеры.

Как и я.

Я перевожу компьютер в спящий режим и следую за Кэрри по коридору, обклеенному плакатами с самолетами и улыбающимися мужчинами и женщинами разных национальностей. Это не обои, но чем-то на них похоже. Ни одно из изображений даже близко не напоминает то, как выглядит наше рабочее место на самом деле.

Кэрри закрывает за нами дверь и резко оборачивается ко мне.

– Только что приходила Линда Ландан, – говорит она.

Мне требуется секунда, чтобы осознать ее слова.

– Вот сука, – говорю я.

– Да, – соглашается Кэрри, – та еще сука. И она твердо намерена отправить тебя на виселицу за убийство Софи.

Я решаю не сообщать ей, что законы Вашингтона не предусматривают смертной казни через повешение. Кэрри разбирается только в темах, которые ей полезны. На выборах она агитировала всех за Хиллари, потому что думала, что женщина-президент поможет ей получить повышение в «СкайАэро».

– Линда просто старается продемонстрировать свою важность, Кэрри, – говорю я. – Не обращай на нее внимания.

Кэрри садится рядом со мной. Я чувствую, как страх исходит из каждой напудренной поры ее тела.

– Это нелегко, когда она говорит о нашей связи, – говорит она.

Меня тянет напомнить ей, что никакой связи нет. Я спал с ней ради выгоды. Романтика и даже секс здесь ни при чем. Мы просто использовали друг друга. Но, конечно, Кэрри слишком тупа, чтобы это понять.

– Послушай, – говорю я, – тебе надо немного успокоиться.

– Успокоиться? – ее глаза расширяются, затем холодеют. – Если кто-то узнает, что я спала с тобой, моей карьере придет конец, ты это знаешь. Руководство решит, что я не в состоянии соблюдать правила.

Они просто поймут, что ты – хищное животное, думаю я.

– Никто не станет плохо о тебе думать, Кэрри, – говорю я. – Ты дважды получала награду «Менеджер года». Ты наш золотой идол.

– Золото со временем темнеет, – говорит она.

Я снова воздерживаюсь от того, чтобы поправить ее. Вообще-то, не темнеет. В этот раз я кладу руку на ее колено. Это странно и нелепо, но она все время так делает, когда хочет в чем-то меня убедить.

– Все будет хорошо, – говорю я.

Кэрри поднимает руки, словно регулировщик дорожного движения.

– О чем ты? Хоть один намек на непристойное поведение – и мне конец. Руководство этого не одобряет, ты же знаешь.

Я мог бы напомнить ей, что комитет по этике был создан только после того, как директоров застукали со спущенными штанами. Но не напоминаю. Мне нравится смотреть, как она нервничает. Это даже лучше, чем заниматься с ней сексом.

– Есть еще кое-что, – говорит она, и я сразу понимаю, что она пытается мне угрожать.

– Что именно?

– Твои личные проблемы. Я – о расследовании.

Будь она мужчиной, я бы ее ударил. Вместо этого я ее успокаиваю.

– Не волнуйся, – говорю я. – Ты не спросила, так что я скажу тебе сам: нет, я не убивал свою жену.

Она снова машет руками.

– Я знаю, Адам, – говорит она, хотя я сомневаюсь, что до сего момента она действительно так думала. Она мыслит очень буквально и всему верит. Нужно было заявить, что я никого не убивал еще прошлой ночью, когда она мне отсасывала. Тогда, может быть, она захлопнула бы дверь прямо перед лицом Линды Ландан, и мы избежали бы всей этой нервотрепки.

– Так ты в порядке? – спрашиваю я.

Она мотает головой. Кажется, вот-вот заплачет. Последний раз на моей памяти она плакала, повторно упустив награду «Менеджер года». Плачет она на редкость уродливо, размазывая по щекам тушь.

– Она записала меня на диктофон, – говорит она. – Прости, Адам. Она обвела меня вокруг пальца.

Я очень хочу узнать, что же Кэрри ей сказала, но стараюсь не показывать своего интереса.

– Да, на нее это похоже. Что именно она записала?

Кэрри делает глубокий вдох:

– Прости, я сказала, что в офисе поговаривают, что у тебя кто-то есть.

– Ты?

– О, нет, – говорит она, опустив глаза. – Я намекнула, что это какая-то другая девушка. Из бухгалтерии.

Идиотка.

– Почему ты так сказала? – спрашиваю я ледяным тоном.

– Это вышло нечаянно, – говорит она. – Я думала, что смогу избежать подозрения, если дам ей ложную зацепку.

– У меня нет никого в бухгалтерии, Кэрри, – говорю я.

Кэрри поправляет свою короткую юбку. Демонстративно. Как обычно.

– Ну да, – говорит она. – Если Линда начнет копать в ту сторону, то так и окажется: что у тебя никого нет. Она решит, что это пустые сплетни, но при этом будет благодарна мне за наводку.

За ложь и впустую потраченное время, думаю я. Охочей до сенсаций репортерше этим не угодишь.

– Не зацкливайся на этом, – говорю я, прежде чем метнуть в ее направлении метафорический нож. – Ты замешана в убийстве Софи в той же степени, что и я.

Я вижу, как меняется выражение ее лица. Она обдумывает мои слова; на деловых встречах она никогда так не делала. Ни разу. Она понимает, что я, если попаду под суд за то, чего не совершал, то непременно утяну ее за собой. Намеком на непристойное поведение дело не ограничится.

Она внимательно и пронзительно на меня смотрит.

– Мне не нравится твой тон, – говорит она наконец.

Я отвечаю притворно-озабоченным взглядом – таким, который она использует всякий раз при обсуждении бюджетного кризиса.

– Нет никакого тона, – говорю я. – Мы невиновны, Кэрри. Какой-то ублюдок убил мою жену. Это ужасно и бессмысленно, но этого не изменить. Люди всегда думают, что виноват муж – убил жену, чтобы жениться на своей любовнице-потаскушке. Но это не так. Ты не потаскушка и не моя любовница. Между нами ничего нет. Просто сохраняй спокойствие.

Она молчит. Ну наконец-то.

Я знаю, что отныне Кэрри будет осторожнее. Будет держаться подальше от Линды Ландан и ей подобных. Между нами не было любовной связи, по крайней мере если руководствоваться стандартами Билла Клинтона. Но, что бы ни заявила Кэрри, она в любом случае будет выглядеть лгуньей, бизнес-леди, цепляющейся за остатки некогда многообещающей карьеры. СМИ не смогут изобразить то, что было между нами, иначе как сексуальное домогательство. Я ее подчиненный. От нее зависит, получу ли я повышение или прибавку к зарплате.

#Ятоже.

Начальница Адама будто сошла с обложки журнала. В Шелтоне нечасто увидишь женщину вроде Кэрри ЛаКруа. По крайней мере не на улице. Сейчас утро пятницы, и она встречается со мной в кафе в Сиэтле, чтобы рассказать что-то важное.

– Это не телефонный разговор, – сказала она. – Весьма деликатное дело.

В «СкайАэро» явно не слышали про свободную форму одежды. Она одета с иголки. Ее костюм выглядит невероятно дорогим. Ногти покрашены цветом черешни, а макияж нанесен более умело, чем в тьюториале на «Ютубе». Кэрри на несколько лет старше меня, но всем своим видом доказывает, что более успешные люди пользуются более качественной косметикой.

Я немедленно улавливаю эмоции, исходящие из-под ее безупречной кожи.

Она нервничает.

– Я взяла вам кофе, – говорит она, указывая на пару картонных стаканчиков. – Надеюсь, вы не возражаете. Такой уж я человек.

Я благодарю ее и пытаюсь понять, что она имела в виду. Какой она человек? Бесцеремонный? Занятой? Заботливый?

Я решаю остановиться на последнем варианте.

– Кэрри, – по телефону она настаивала, чтобы я называла ее по имени, – во время нашего последнего разговора вы были очень расстроены.

Она опускает стаканчик:

– Верно. Я и сейчас расстроена, простите. Я не привыкла расстраиваться. Большинство моих подчиненных – моя звездная команда – думают, что я словно каменный истукан, вообще ничего не чувствую, но это не так. Совсем не так.

– Понимаю, – говорю я. – Мы все скрываем свои чувства, чтобы сделать то, что нужно. Думаю, наши профессии отчасти похожи. Я должна быть сильной, общаясь с жертвами преступлений, и суровой – с преступниками.

Кэрри улыбается:

– Думаю, вы правы. Бизнес очень требователен к женщинам, как и правоохранительные органы.

Не думаю, что сходство простирается так глубоко, но я все же киваю в ответ. Она позвонила мне, чтобы рассказать что-то про Адама Уорнера, и я должна ее выслушать. Я никому не собираюсь в этом признаваться, особенно Монтроузу, но я здесь не только ради Софи, но и ради себя. Я знаю, что Адам не стал бы никому причинять вреда, но, вспоминая слова Фрэнка Флинна, а теперь еще и звонок Кэрри, я начинаю сомневаться, так ли хорошо знаю Адама.

И знаю ли я его вообще. Мне уже давно не двенадцать.

– Возможно, мне стоило позвать адвоката, – говорит Кэрри.

– Зачем вам адвокат? – интересуюсь я. – Вы совершили преступление? Или содействовали преступлению?

Кэрри изгибается, чтобы дать молодому человеку пройти мимо нашего столика.

– Нет, – говорит она. – Конечно, нет. Никогда.

– Тогда вы можете рассказать правду и без адвоката, разве не так?

Она моргает:

– Не знаю. Все довольно сложно. Я непричастна к тому, что случилось с Софи, и я ни секунды не сомневаюсь, что Адам здесь тоже ни при чем.

Услышав эти слова, я чувствую облегчение. Я подталкиваю ее к тому, чтобы продолжить:

– Вас что-то беспокоит, Кэрри? Прошу вас, расскажите. Это может помочь расследованию. Хорошо?

– Хорошо, – отвечает она. – Я понимаю. Поэтому мы и здесь.

– Да, – говорю я. – Так и есть.

– Ему это не понравится.

Ее слова пробуждают во мне нехорошее предчувствие. Она собирается рассказать что-то очень личное, что может навсегда изменить мое мнение об Адаме.

– Его мнение не столь важно, – говорю я наконец. – Главное – выяснить все, что возможно, об убийстве миссис Уорнер.

Кэрри вертит в пальцах застёжку на своей сумочке от Кети Спейд.

– Ну, – говорит она, – я не думаю, что он убийца, если вы вдруг его подозреваете. Я в это не верю. Ему не хватило бы смелости. Вы бы

видели его во время заседаний. Только между нами, но ему не суждено стать директором, тем более теперь.

Таков мир, в котором она живет. И Адам тоже. Все завязано на следующем повышении.

Я возвращаюсь к сути разговора:

– Кэрри, вы беспокоитесь насчет Адама?

– Что ж, – говорит она, переключившись с застёжки на пластиковую крышку стаканчика. – Я увидела в новостях, что у Адама была любовница.

– Сюжет Линды Ландан? – уточняю я.

– Да. Именно.

Она неожиданно замолкает.

Я тоже молчу.

Я хочу, чтобы она тщательно обдумала свои слова. И не собираюсь ее подгонять. На несколько секунд повисает неловкая тишина. Но в такой ситуации это нормально. У меня гораздо больше вызывают подозрения люди, которые декламируют свои показания так, словно репетировали их накануне и теперь ожидают почетной грамоты.

– Ладно, – говорит Кэрри, – я бы не сказала, что была любовницей Адама, но у нас было несколько интимных встреч.

Трудно придумать более канцелярское выражение, чем «интимная встреча».

Я сохраняю нейтральное выражение лица и прошу ее продолжить.

– Я бы не назвала это интрижкой, – говорит Кэрри, – но, пожалуй, другое слово придумать трудно. Молодежь сказала бы «перепихон». Такое безвкусное выражение. «Интрижка» звучит лучше.

Ненамного лучше, как по мне. В конце концов, он был женат.

– Это произошло несколько лет назад. Где-то три-четыре года. Я могу свериться с календарем. Я все записываю.

– Значит, это была давняя связь?

– Интрижка, – поправляет меня Кэрри. – Связь – чересчур личное слово. Это был всего лишь секс. Ничего более. Кажется, у него были проблемы в браке. А я развелась. Не лучший вариант, но, думаю, в то время присутствие Адама было мне необходимо.

Она говорит так, будто Адам работал ее психотерапевтом.

– Ясно. Никаких обязательств. Просто необходимость, – говорю я. – У него разладились отношения с Софи?

Она проводит ногтями по волосам:

– Он толком ничего не говорил. Я знаю только, что они оба все время задерживались на работе и их брак грозил вот-вот развалиться. Я уже видела подобное и сама прошла через это.

– Значит, ваша интрижка закончилась на доброжелательной ноте? Вы ведь до сих пор работаете вместе?

Кэрри надевает крышку со следами ее красной помады обратно на стаканчик с кофе.

– Я бы не сказала, что все кончилось доброжелательно, – сказала она. – Между нами все было хорошо, но одна из коллег Адама застукала нас вместе и сообщила наверх, что мы были чрезмерно близки. Хотя мы просто сидели рядом. Я отправилась к комитету по этике. Я не горжусь тем, что сделала. Но мне казалось, что у меня нет другого выбора.

Я ничего не понимаю.

– Вы обвинили в чем-то коллегу Адама?

– Нет, – отвечает Кэрри. – Мне нужно было нанести по Адаму превентивный удар. Я не могла допустить, чтобы ничего не значивший секс разрушил мою карьеру. Я сказала комитету, что он чрезмерно фамильярно вел себя со мной, причиняя мне дискомфорт.

Она видит выражение моего лица. Трудно объяснить, что я сейчас ощущаю. Адам предал свою жену. Его любовница предала его. Трудно жить в большом городе.

– Я не поставила крест на его карьере, – говорит она. – Знаю, со стороны может показаться именно так. Но люди не понимают, как тяжело быть высокопоставленной женщиной. Мужчины из руководства изо всех сил стараются не допустить, чтобы я поднялась на их уровень. Не верьте, когда вам рассказывают сказки про справедливый мир. Он вовсе не справедлив.

Кэрри заканчивает свой монолог.

– Вы правы, – соглашаюсь я, хотя сама в это не верю. По крайней мере мне бы хотелось верить, что в мире есть хоть какая-то справедливость. Я стала детективом, хотя все три моих конкурента были мужчинами, и я уверена, что причиной тому стали мои навыки, а не желание руководства продемонстрировать свою толерантность.

– И что случилось после вашего заявления? – спрашиваю я.

– Ничего ужасного, – говорит Кэрри. – Я сказала комитету, что мне было лишь самую малость некомфортно, и я думаю, что нет нужды применять к Адаму какие-либо меры воздействия. Они ограничились онлайн-тренингом по восприимчивости.

– Сомневаюсь, что Адам обрадовался.

– Он слегка на меня рассердился, – говорит Кэрри. – Но долго злиться на рабочем месте нельзя: это вредит продуктивности. Он вскоре успокоился.

– И на этом ваша связь подошла к концу? То есть ваша интрижка.

Телефон Кэрри вибрирует, но она не обращает на это внимания:

– Да, та часть наших отношений закончилась. Софи забеременела, и их брак вновь наладился. Все было хорошо. Я даже не вспоминала об этой интрижке.

– И больше между вами ничего не было? – говорю я.

Около секунды Кэрри молча размышляет:

– Почти ничего. Мы переспали еще один раз. Недавно.

– Насколько недавно?

– Когда он вернулся с Худ-Канала.

– Вот как, – мне только чудом удается сдержаться и не выплюнуть свой кофе. Я сохраняю нейтральное выражение лица. По крайней мере пытаюсь.

– Я думаю, он просто хотел ненадолго забыть, как в одночасье изменилась его жизнь. Мы не говорили о том, что произошло на тех выходных. Это был просто секс.

Это не тот Адам, которого я знаю.

Или знала. И я не понимаю, что значит «просто секс». Просто секс? Почему бы не заняться чем-то другим? Сходить в боулинг, например.

– Я все равно буду в это втянута, верно? – говорит она.

– Почему вы так считаете?

– Вы ведь арестуете Адама, как сказала та репортерша?

– Вы знаете, что случилось с Софи? – спрашиваю я.

Она вздрагивает.

– Конечно, нет, – говорит она, слегка повышая голос. – И я не верю, что Адам мог ей навредить. Говорю же, он слаб. На вашем месте я бы не стала давать интервью Линде Ландан, – добавляет она: – Но,

если вы все же решите с ней поговорить, я уверена, вы не станете упоминать меня. Я просто хотела выполнить свой гражданский долг. Ну на случай, если он все-таки в этом замешан. Вы думаете, он ее убил?

Я сохраняю спокойное выражение лица, но все-таки возражаю:

– У нас есть свидетель, который видел похищение собственными глазами, Кэрри.

Она слегка пожимает плечами и застегивает сумку.

– Да, я в курсе, – говорит она, – но еще я слышала, что ему лет сто и он сам толком не знает, что видел.

Линда и Фрэнк мастерски умеют распространять дезинформацию.

– Он вполне уверен в том, что видел, – говорю я. – И он не так уж и стар. Не обращайтесь внимания на Линду Ландан, хорошо? Она просто хочет раздуть шумиху.

– Да, наверное, – говорит Кэрри. – Я просто решила, что нужно поговорить с вами первой – нанести превентивный удар.

– Понимаю, – говорю я.

– Сегодня утром я все рассказала директору, – говорит она, вставая из-за стола и читая сообщение на телефоне. – Думаю, Адама отправят в небольшой отпуск.

Я встаю следом за Кэрри. И замечаю, что меня слегка потряхивает. Мне это не нравится. Я стараюсь не думать о том, что Адам Уорнер изменял жене с Кэрри ЛаКруа. Один проступок необязательно влечет за собой другой.

Не всегда.

Утром Триша из отдела кадров попросила меня заглянуть к ней в конце дня. Я спросил ее, в чем дело, и она расплывчато сослалась на необходимость уладить некие формальности. Я решил, что дело – в списке зависимых членов семьи, который нужно откорректировать из-за кончины Софи. Я заглянул в кабинет Кэрри, чтобы спросить ее, в чем дело, но она говорила по телефону и отмахнулась от меня.

Мне не хочется думать, что моя жизнь может стать еще хуже. Я потерял жену, и большинство коллег выразили мне свои соболезнования. Даже парень, который занимается маршрутизацией почты, спросил, не может ли он мне чем-то помочь? Довольно мило. Я знаю, что добрые люди есть везде, но по большей части они обитают ниже меня по карьерной лестнице.

Признаюсь, довольно трудно сосредоточиться на работе, когда постоянно думаешь про убитую жену, полицейское расследование, ублюдочного тестя и настырную репортершу. Я читаю комментарии под статьей, опубликованной в «Сиэтл Таймс», – по большей части комментаторы гадают, кто похитил мою жену, и пытаются вспомнить другие похожие случаи. Кто-то из Канады упомянул похожее происшествие – студентку из Университета Британской Колумбии похитили среди бела дня. Ее тело нашли в реке Фрейзер. Ее избили, задушили и изнасиловали.

Совсем как Софи.

Я вспоминаю канадскую пару, нашедшую тело. Они имели какое-то отношение к тому университету. Интересно, обратит ли еще кто-то внимание на это совпадение? Я колеблюсь, не позвонить ли мне в полицию или же попытка вмешаться в расследование только навредит.

Ко мне подходит Кэрри. Уже почти полдень.

– Меня не будет до конца дня, Адам.

Она мнетя рядом некоторое время, смотрит на меня и отворачивается.

– Увидимся завтра, – говорю я.

– Хорошо, – отзывается она, уходя. – Увидимся.

Отдел кадров находится в соседнем здании. Я укладываю ноутбук в сумку, прощаюсь с коллегами и пробираюсь через лабиринт рабочих столов к лестнице. В кабинет Триши я захожу в четыре в небольшом. Она не одна. Рядом сидит мужчина, который представляется ее коллегой. На столе перед ней лежит один-единственный лист бумаги, чистой стороной вверх.

Что-то не так. Это явно не про членов семьи.

– Как это понимать? – говорю я, чувствуя, как ускоряется мое сердцебиение.

– Не могли бы вы успокоиться? – говорит придурок рядом с Тришей.

– Не могли бы объяснить, что здесь, черт побери, происходит?

– Мне очень жаль, – говорит Триша, – но мы вынуждены вас уволить.

– Срань господня, – говорю я. – За что?

– Пожалуйста, выбирайте выражения, – говорит придурок.

Я бросаю на него злобный взгляд, после чего вновь смотрю на Тришу и этот проклятый листок бумаги. Триша придвигает его ко мне по своему необъятному серому столу.

– Здесь все объясняется, – говорит она.

Я пробегаю документ глазами, выхватывая ключевые слова, повинные в этой ситуации: «Двое коллег сообщали о непристойном поведении... не соблюдает кодекс корпоративной этики, несмотря на тренинги по восприимчивости и личностному многообразию...»

– Чушь собачья, – говорю я.

– Мне очень жаль, Адам, – говорит Триша, – но я должна забрать ваш ноутбук и удостоверение.

– Если это из-за мальчишника Колина, – говорю я, – то я не имею никакого отношения к той надувной кукле, которую он оставил у меня в кабинете якобы в качестве подарка. Я выпустил из нее воздух и немедленно избавился.

Колин – тот еще засранец.

Судя по лицу Триши, она понятия не имеет, о чем я говорю. Надувная кукла тут ни при чем.

В этот момент я замечаю стоящего за дверью охранника.

– Это несправедливо! – говорю я. – Какое-то безумие!

Триша полностью игнорирует мои слова.

– Компания просит вас подтвердить, что вы ознакомились с документом, – говорит она. – Если вы откажетесь, то потеряете полугодовые увольнительные, которые мы предлагаем.

– Я не собираюсь ничего подписывать, – говорю я, срывая удостоверение и швыряя сумку с ноутбуком на пол. – Я ни в чем не виноват.

Придурок снова подает голос:

– Можете не подписывать. Это ваше право.

Я так взбешен, что меня тянет ударить этого парня. На Тришу я тоже зол. Боже, я-то думал, что мы друзья. Я сказал, что ее новорожденная дочь очень милая, хотя она была похожа на мутировавшего вуки. Кэрри меня подставила. Она за это поплатится. Серьезно поплатится.

Будь она проклята. Будь все они прокляты. И Софи тоже. Это все из-за того, что она умерла.

Охранник провожает меня на парковку. Я не говорю ни слова, пока мы идем по липкому асфальту. В голове неотступно вертится одна мысль: я лишился того, что любил больше всего.

* * *

Ночью, когда Обри засыпает, я пью виски и роюсь в компьютере, который мы когда-то делили с Софи, пока не переключились на телефоны. Я нахожу фотографию, которую искал. Должен признать, я сохранил ее не потому, что Кэрри такая уж горячая, хотя она ничего, а потому, что это фото могло мне пригодиться. В те годы для этого еще не было специального термина. Теперь же я твердо намерен совершить порноместь.

Я публикую пост на своей странице в «Фейсбуке»:

Черт! Меня взломали! если увидите что-то странное, знайте, это не я. Вне себя от злости!

Потом я загружаю фотографию Кэрри и тегаю всех наших общих знакомых из «СкайАэро». Их немало, потому что один из боссов как-

то раз собрал у себя в кабинете весь руководящий состав и велел наладить связи с командой. Сказал, что «Фейсбук» для этого отлично подойдет. Из-за этого мне приходилось терпеть у себя в ленте фотографии еды, поездок, детей, которые кажутся симпатичными только своим родителям. Я рассыпал лайки, словно конфетти на параде, потому что босс моего босса считает, что соцсети объединяют людей.

Пришло время запостить кое-что, что они нескоро забудут.

В последнюю очередь я тегаю Кэрри. Фотография скоро станет вирусной – подходящая судьба для женщины, похожей на опасную болезнь.

Я торжественно публикую пост. Приятное ощущение. Лучше, чем секс с Кэрри. Я откидываюсь на спинку стула, пью виски и смотрю на фейерверк.

Так-то, сучка, думаю я.

Меня зовет Обри. Я опускаю стакан. Наверняка мой телефон вот-вот начнет звонить.

Ни хрена себе, скажу я. Да, знаю, меня взломали. Я как раз собирался написать в техподдержку. Кэрри ЛаКруа? Голая? Ох, как неловко. Спасибо, что сообщил. Боже мой, похоже, в наше время верить нельзя никому.

Обри просит пить, и я приношу ей воды. Вибрация телефона слышна даже из ее комнаты. Мне было так тяжело с того момента, как погибла Софи. Вся моя жизнь превратилась в ад. Я вообще-то не мстительный человек. Но я зачем-то сохранил ту фотографию. Остается только гадать: может, я сам не знаю, каков я на самом деле?

На следующее утро Обри с Катриной отправляются посмотреть на ягнят и козочек в детском зоопарке, а я разбираю вещи Софи и пытаюсь представить, что ждет меня дальше. Я знал, что она мне изменяет, и ненавидел ее за это, но одновременно продолжал ее любить. Моя боль оказалась погребена под надеждой. Я думал:

Конечно, мы справимся. Все будет хорошо. Я не знаю, кто он и зачем он тебе понадобился. Мы все иногда сходим с ума. Я зачем-то трахался с Кэрри ЛаКруа.

Я нахожу золотой браслет с сапфирами, который подарил Софи на нашу первую годовщину свадьбы. Когда-то Софи все время носила его на своем прекрасном тонком запястье. Когда я подарил ей браслет, она сказала, что мы не можем его себе позволить, но я отмахнулся.

— Меня ждет повышение, — сказал я ей. — Безграничные перспективы.

Боже, как же я был глуп! И она тоже. Она поверила мне.

Сначала я собираюсь сохранить браслет для Обри, но потом решаю иначе. Меня уволили. Могут возникнуть проблемы с деньгами. Я кладу браслет в коробку с украшениями, которые собираюсь продать, в том числе бриллиантовый кулон, принадлежавший матери Фрэнка. Жду не дожусь возможности сказать ему, что из кулона сделали пирсинг в сосок или что-нибудь вроде того.

Он лопнет от злости. Хелен заплачет. Мне станет немного легче.

Кто-то звонит в дверь, но я не обращаю на это внимания. Потом по двери начинают стучать кулаком, и я с неохотой иду в прихожую. В дверной глазок я вижу Кэрри. Я думал, она позвонит, но вместо этого она решила заявиться лично, словно курьер по доставке пиццы.

Я раздумываю, нужна ли мне вся эта драма, но все-таки решаю открыть дверь.

На ее опухшем от слез лице нет ни капли косметики. Волосы сбились в колтун. Думаю, Кэрри еще никогда не выглядела так ужасно.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я. — Сейчас же выходной. Самое время нализовать кому-нибудь зад.

Она толкает меня внутрь и набрасывается на меня. Я отталкиваю ее, и она отступает.

– Ублюдок! – кричит она.

Она прямолинейна. Одно из ее положительных качеств.

– Серьезно? – говорю я. – Это ты во всем виновата. Ты сдала меня отделу кадров. Меня уволили из-за тебя. Ты сумасшедшая сука.

Она сжимает кулаки, словно хочет меня ударить. Отчасти мне хочется, чтобы она так и сделала, но я все-таки отхожу в сторону.

– Зря ты опубликовал ту фотографию, – кричит она. – Я могу тебя засудить! Это незаконно!

Я пытаюсь всем своим видом продемонстрировать, что я ни в чем не виноват. Я свожу брови вместе и одновременно распахиваю глаза. Не уверен, что получается в итоге, но я не знаю, как еще успокоить разбушевавшуюся женщину в моей гостиной.

– Мою страницу взломали, Кэрри! Возьми себя в руки!

Ее губы растягиваются, словно канцелярская резинка.

– Ты лжешь как дышишь, Адам.

Здесь она права. Не могу не признать. Легко лгать тому, кто тебя предал.

– Как ты мог так со мной поступить? – спрашивает она. – Я думала, мы друзья.

Поверить не могу.

– Из-за тебя я лишился работы, Кэрри. Ты положила конец моей карьере, – не давая ей вставить ни единого слова, я давлю на жалость. – Сразу после смерти моей жены! Ты добила меня, когда я и так потерял все. Спасибо, Кэрри. Ты всегда обращаешься так с друзьями?

– Я подам на тебя в суд, – говорит она.

Я пожимаю плечами:

– Ради бога, меня не волнует, что ты будешь делать.

На самом деле волнует, но лишь самую малость.

– Мой юрист с тобой свяжется.

Я провожаю ее к двери.

– Жду не дожусь. Думаю, нужно будет предоставить прокурору остальные фотографии и видео.

Она замирает как вкопанная:

– Какое видео?

Я подталкиваю ее к двери.

– То самое, где ты сосешь мой член на стоянке аэродрома. Логотип компании – прямо над твоей головой.

У Кэрри отвисает челюсть, лишний раз напоминая мне про видео.

Кэрри ничего не говорит. Она в шоке. Я наношу еще один удар.

– Тебе многое придется объяснять, – говорю я. – Ты была моей начальницей. Это не круто, Кэрри. И тебя наверняка уволят за то, что ты не надела защитные очки. Моей карьере конец, Кэрри. Так что видео будет моим ответом. Еще раз со мной свяжешься – и твоя карьера тоже накроется медным тазом.

Потом я захлопываю дверь. Бесподобное ощущение. Лучше, чем секс с Кэрри, это уж точно.

Я возвращаюсь в спальню и продолжаю разбирать старые вещи, откладывая в сторону все, что принадлежало моей покойной жене.

Марси снова опаздывает. Наверняка в очередной раз сошлется на трудности с ребенком, и я отвечу, что все в порядке, хотя это вовсе не так. У меня нет выбора. Я не собираюсь быть начальницей, которая заставит ее делать выбор между карьерой и семьей. Это нелегко. Я знаю. Интересно, смогу ли я найти баланс между работой и домом, когда у меня будет свой ребенок? А он у меня будет. Раньше я могла лишь надеяться на это. Теперь я уверена. Эта уверенность позволяет мне впервые за долгое время вздохнуть полной грудью.

Торопливо оправдываясь, Марси вбегает в кабинет в эффектном голубом костюме, который еще никогда не надевала на работу. Наверняка она ждет от меня комплимента, но я не стану ничего говорить.

– Простите, – говорит она в последний раз, но я не прислушивалась к ее объяснениям: меня не интересует, почему она пропустила первые двадцать минут рабочего дня. Я думаю о другом.

– Нам нужно поработать над делом Бэрринджера, – говорю я.

– Точно, – говорит Марси, переводя дыхание. Затем она берет несколько папок и садится на стул напротив моего стола: – Я слышала в новостях про того мерзавца, который вроде бы убил Софи Уорнер.

– Да, – говорю я. И ничего больше.

Мой краткий ответ, кажется, вызывает ее беспокойство. Я чувствую на себе ее взгляд, перебирая бумаги на столе. Молчание провоцирует ее.

Я знала, что так и будет.

– Вы думаете, он это сделал? – говорит она.

Я на мгновение отворачиваюсь, прежде чем посмотреть на нее в ответ.

Вздыхаю:

– Я на это надеюсь.

Слово *надеюсь* повисает в воздухе.

Марси совсем сбита с толку.

– Все в порядке? – спрашивает она спустя пару секунд, пододвигаясь ближе к столу.

Я тщательно взвешиваю свои мысли. Часть меня хочет поговорить с кем-то о Конноре и о том, что могло произойти в ту ночь у коттеджей. Изложить список улик: кровь, песок на ботинках, провал в памяти.

Марси видит, что я обеспокоена. Она понимает меня ровно настолько, насколько я ей позволяю.

– Вы не думаете, что это был он, – говорит она.

– Давай сосредоточимся на Бэрринджере, – говорю я.

– Почему вы не верите, что это был он? – спрашивает она.

– Марси, – говорю я, – достаточно. Прошу. Давай вернемся к работе.

Когда мы устраиваем обеденный перерыв, я думаю, не позвонить ли детективам, которые расследуют убийство Софи Уорнер. Но что я им скажу? Что Коннор совершил нечто ужасное, нечто настолько для него нехарактерное? Его судили за вождение в нетрезвом виде, а не за насильственное преступление.

Я пью кофе и читаю статью в «Сиэтл Таймс» о розыске Джима Койла по подозрению в убийстве Софи Уорнер. Интересно, есть ли у полиции доказательства его вины и какие. Потом я пролистываю страницу и вижу статью о мужчине, у которого по жене в Такоме, Спокане и Якиме.

Героев статьи эта ложь потрясла гораздо сильнее, чем меня.

Я знаю, каково это – быть одураченной.

Я читаю статью про бигамию, и имена лжецов летят мне в лицо, словно ураган. Пиноккио. Все подряд политики. Марта Стюарт. Лэнс Армстронг. Берни Мейдофф. Кеннет Лэй. Моя мать, сказавшая, что мне не стать юристом, как папа.

И первым пунктом в списке – мой муж.

Я напрягаюсь, костяшки моих пальцев белеют.

Он.

Длинная игла в животе – не худшее, что может случиться с тобой, хотя это довольно неприятно. Я смотрела множество видео про фертильность. Я видела женщин, которых тыкали иголками чаще, чем подушечку для иглолок. И ради чего? Иногда все это оказывается бесполезно. Но я всегда говорила себе, что это не худшее, что может случиться.

Узнать об измене мужа – гораздо хуже. Узнать, что это был не просто секс, а нечто более – меня так и тянет рассмеяться – *глубокое*, – почти смертельная рана.

Да, это хуже всего.

Оказалось, что любовь моей жизни – не более чем жеребец-производитель. А я – племенная кобыла. Мне совершенно плевать на него, но я по-прежнему не оставляю попыток забеременеть. Да, я могла бы найти донора спермы – просмотреть онлайн-каталоги, выбрать кандидата с докторской диссертацией и волевым подбородком. Но он был бы незнакомцем. А Коннора я знала. Мы жили вместе. Я любила его. По крайней мере до того воскресенья.

* * *

Я жарила гречневые блинчики, а Коннор мылся в душе. В субботу он работал допоздна и наверняка проголодался. Я положила в миску свежую чернику, налила меда и воды и установила температуру на

духовке. Компот пришелся бы очень кстати. И бекон. Я как раз доставала его из холодильника, когда телефон Коннора завибрировал.

Сообщение.

Я не обратила на это особого внимания и включила духовку. Коннор любит хорошо прожаренный бекон. Даже пережаренный. Повара называют такой бекон «ломким».

Забавное слово – ломаться. Я ощутила, как во мне что-то надломилось, когда пришло еще одно сообщение.

Я наклонилась, чтобы прочитать его. Незнакомый мне номер.

Первое сообщение: *«Ты уже проснулся?»*

Второе сообщение: *«Боже, как я устала. Спасибо за вчерашний вечер. Я по-прежнему тебя чувствую».*

Комната словно бы сжалась. Гречневые блинчики начали подгорать. Казалось, открытая дверца духовки вот-вот меня проглотит. Не знаю, зачем я это сделала. Может, просто хотела увидеть, что случится. Может, надеялась понять, что эти сообщения – всего лишь досадное недоразумение.

«Устала» и «вчерашний вечер» могли относиться к обслуживанию в ресторане.

Но вот слова о том, что она по-прежнему его «чувствует», объяснить было затруднительно. На мой взгляд, эта фраза могла значить лишь одно.

Так что я написала в ответ: *«Да. Отличный вечер».*

Я подняла взгляд и прислушалась к звуку воды. Душ все еще работал. Коннор стоял там под теплыми струями, а я была на кухне совершенно раздавленная. Нас всегда мало что объединяло. Разные заработки, разные друзья. Ничего общего. Ни единой мелочи.

Пришло новое сообщение: *«Хочу снова с тобой встретиться».*

Я словно сошла с ума. Я стояла посреди кухни, глядя на крохотный экран старого айфона Коннора. В ту минуту я поклялась, что ни за что не куплю ему новый. Никогда. Коннор выключил душ. Начал вытираться полотенцем.

Я написала: *«Ни за что. Никогда. Этому пришел конец».*

Но не стала отправлять сообщение. Вместо этого я включила измельчитель мусора и швырнула туда айфон.

– Блин! – вскрикнула я.

На кухню вбежал Коннор:

– Что случилось, малышка?

Ненавижу это прозвище. *Малышка*. Мне каждый раз вспоминался Малыш, синий бык Пола Баньяна, а у меня ведь прекрасная фигура.

– Коннор, я не знаю, как это вышло, – соврала я. – Кажется, я нечаянно смахнула твой телефон прямо в измельчитель.

– Быть такого не может, – сказал он, засовывая руку в глубины измельчителя. На мгновение я хотела было включить его, но не стала. Коннор изменился в лице, нащупав остатки телефона. Мое же лицо превратилось в непроницаемую маску. Я бы ни за что не рассказала мужу о том, что узнала. Как в суде, так и в обычной жизни, эффект неожиданности срабатывает лишь однажды.

– Прости, – сказала я, притворяясь, что всего лишь расстроена из-за своей оплошности, хотя в душе у меня бушевал настоящий ураган из сожаления и злости на человека, который предал меня, будто я ничего не значу.

Проклятый ты идиот, Коннор.

За что ты так со мной?

– Не страшно, – ответил он, накладывая себе на тарелку блинчиков, зачерпывая черничный компот и одновременно поглядывая на обломки телефона. Я бы добавила в еду крысиный яд, если бы успела – если бы это пришло мне в голову. Но увы. Коннор ничего не подозревал. Интересно, что это за шлюха, с которой он встречался? Наверняка Линнетт из «Синей двери». Ноги до ушей и слишком хорошенькая, чтобы ей доверять.

– Я собиралась пожарить бекон, – сказала я. – Но потеряла счет времени.

Коннор воткнул вилку в блинчик.

– Ерунда, – сказал он. – Мне бы не помешало скинуть пару кило.

Он ждал, что я сделаю ему комплимент. Или же он хотел похудеть для той, другой женщины? Я не стала ничего говорить.

– Я все равно собирался купить новый телефон, – добавил он, заталкивая блинчик в свою огромную прожорливую пасть.

Я любила его, но обрадовалась бы, если б он подавился и задохнулся.

Я посмотрела на обломки телефона. Он выглядел так, словно кто-то расстрелял его в упор.

– Сим-карте, наверное, конец, – сказала я.

– Подумаешь, – отмахнулся он со своим вечным оптимизмом. – Важных контактов у меня раз-два и обчелся. После завтрака, наверное, схожу за новым телефоном, а потом отправлюсь по делам. Тебе что-нибудь купить?

– Нет, – ответила я. – Не стоит.

«Нет, ты только что вонзил нож мне в спину», – вот что я хотела сказать.

– Я собиралась все-таки пожарить бекон, – добавила я.

– Не стоит, малышка. Я сыт. Плотно поужинал вчера.

– В «Синей двери»? – спросила я.

Он недоуменно глянул на меня в ответ.

– Ну да, естественно. Где же еще?

– Не знаю, – сказала я. – Я думала, может, ты зашел куда-то после работы. Ты часто делаешь так в последнее время.

– Это было всего один раз, – сказал он, словно оправдываясь.

Мне понравился его тон. Я как будто воткнула ржавый гвоздь в открытую рану.

– А, – сказала я. – Ну мне в любом случае нужно подготовиться сегодня к слушанию.

И я ушла, оставив своего мужа-жеребца на кухне в компании блинчиков и лжи. Будь я злым человеком, я бы убила его прямо там. Но я не такая. Я гораздо умнее.

* * *

Спустя два дня я порылась в карманах его рубашки и брюк. Пусто. Я вышла на тропу войны. В одиночестве. Я хотела знать, кто это и чем они занимаются вместе. Я дошла до «Синей двери» и увидела в окне, как Коннор обслуживал столик. Лампа освещала его обворожительное лицо. Он был прекрасен. Мне бы хотелось, чтобы это было не так. Я подходила к ресторану целых три раза. Этого оказалось недостаточно, и я послала Марси, чтобы она принесла оттуда ланч. Я отправляла Коннору сообщения в течение дня, чтобы проследить, сколько времени у него уйдет на ответ. И пусть мои методы были иными, я вела себя совсем как моя мать, когда она узнала, что мой отец изменял ей с женой своего партнера. Я помню,

как презирала ее. Говорила маме, что она выше этого. Что ей следует просто прогнать отца и поменять замки. Боже, как самонадеянна я была! Мама ничего мне не отвечала. Просто плакала. Сложно порвать все связи с человеком, которому верила. Как мама верила папе. Как я верила Коннору Моссу.

Когда я работала прокурором, то могла спросить обвиняемого о чем угодно.

Почему вы убили собственного ребенка?

Вы получили наслаждение, ударив жертву ножом?

Вы возбуждались, когда тушили сигареты о свою девушку?

Чужая боль доставляет вам удовольствие?

Почему вы растлили свою внучку?

Этот список можно продолжать до бесконечности. Я спрашивала. Они отвечали.

Но, когда дело дошло до моего собственного мужа, я стала Хелен Келлер. Слепой и безмолвной. Я не могла задать вопрос, потому что не хотела знать ответа. Не хотела услышать, что он нашел женщину лучше меня. Не хотела окончательно разрушить свои старые школьные мечты. Окончить университет. Пройти стажировку. Найти хорошую работу. Встретить классного парня. Выйти замуж. Родить ребенка. Стать партнером в фирме.

Я сглупила, пропустив самый важный пункт.

* * *

Спустя всего несколько часов я лежала на кровати, задрав ноги в ожидании семени, надеясь, что в этот раз оно выполнит свое предназначение. Семя мужчины, которому я больше не доверяла; мужчины, который отдавал то, что по праву принадлежало только мне, свою сперму, какой-то потаскушке из «Синей двери».

Коннор потерся о меня носом, и я вдохнула его аромат, пытаюсь разыскать в нем запах своей соперницы. Ее духи. Ее пот. Ее кондиционер для волос. Что угодно. Я смотрела в его глаза и гадала, о ком он думал – о ней или обо мне. Может, мне нужно больше ботокса? Или моя грудь начала обвисать? Мысли, крутившиеся у меня в голове, не имели никакого отношения к тому, чем мы занимались.

Секс был механическим. Я почти не прилагала усилий. Коннор справился и сам. Он никогда не отличался выносливостью. Еще один толчок – и на его лице появилось выражение, означающее близость оргазма. Одновременно блаженное и болезненное. Когда-то я любила видеть экстаз на его лице во время занятий любовью. Теперь же меня тошнило от одного его вида.

Так что я просто лежала, ни говоря ни слова. Жеребец сделал свое дело и отстранился. Кобыла переводила дыхание. Мне хотелось заплакать. Отчаянно. Значила ли я для него хоть что-то или была лишь постылой обязанностью? Сходить на работу. Трахнуть Кристен. Каждый день одно и то же. Я не хотела быть жертвой. Это не по мне. Но, черт побери, я чувствовала себя уязвленной. Униженной.

Коннор, покрасневшись от усердия, пошел на кухню за водой. Я смотрела, как исчезает в дверном проеме его голый зад. По крайней мере раньше он уходил, чтобы попить воды. Может, теперь он писал любовнице со своего нового телефона. Говорил ей, как соскучился. Как ему надоела жена.

Надоела я.

Я не собиралась с этим мириться. Ни за что. Я выше этого. Я лучше, чем он. Лучше, чем *она*.

Обри сидит у меня на коленях, и мы вместе листаем фотоальбом, который Софи составила для родителей за неделю до своей гибели. Обри пригласилась и то и дело клюет носом, но я обещал. Я пролистываю фотографии одну за другой. Всякий раз Обри улыбается, смеется или тыкает пальцем.

– Мой день рождения, – говорит она, указывая на снимок, где Софи зажигает три розовых свечи на шоколадном торте.

– Верно, – соглашаюсь я.

Не уверен, что Обри действительно понимает, что ее мамы больше нет. Она говорит про Софи так, будто та ушла в другую комнату.

– Я хочу показать маме, – говорит она про ночную рубашку, которую дала ей Хелен.

– Мама видит, – отвечаю я.

– Я хочу к маме, – говорит она.

– Я знаю. Она очень тебя любила, Обри. Больше всего на свете.

Она прижимается к моей груди, и мы листаем фотографии дальше. Сидя здесь вместе с дочерью, я невольно вспоминаю день, когда я сидел на этом же стуле, и вся жизнь рушилась у меня перед глазами.

* * *

Ничто не возбуждает любопытство сильнее, чем папка под названием «Личное» на компьютере. Вне всякого сомнения. Бьюсь об заклад, компьютерщики в сервис-центрах наверняка первым делом ищут всякое интересное, когда им приносят на ремонт сломанную технику.

По крайней мере я бы так делал.

В этой-то папке я и нашел переписку Софи с любовником. Она использовала наш компьютер для работы, когда не хотела оставаться в офисе допоздна, доделывая дизайн. Конечно, во время беременности и в первые месяцы после рождения Обри это случалось реже. Софи, такая рассеянная и ненадежная, внезапно преобразилась. Полностью сосредоточилась на семье. Тогда такое поведение показалось мне естественным. Ребенок. Семья. Новые приоритеты. Никаких долгих вечеров на работе. Никаких поездок.

Только мы трое.

Каким же глупцом я был! Я и сам неидеален, признаю. Когда Софи отвлекалась на что-то свое, я спал с Кэрри ЛаКруа просто потому, что мне хотелось внимания. Нытик. Идиот. Кэрри в итоге принесла мне лишь неприятности. Она нагнула меня во всех смыслах слова.

Я нашел секретную переписку Софи, пока искал годовой финансовый отчет для налоговой. Интересно, многие ли мечтают стереть себе память? Я бы хотел забыть этот момент. Даже сейчас, когда вспоминаю, как заметил открытую почту Софи и кликнул на папку «Личное».

У меня перехватило дыхание. В буквальном смысле. Да, я изменял Софи, но Кэрри ничего для меня не значила. А вот этот мужчина – мужчина, о котором я не знал ничего, кроме адреса почты, – был для моей жены не просто любовником. Слова, которыми они обменивались, ранили меня, словно шрапнель.

Родственная душа.

Любовь всей моей жизни.

Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Я люблю твоё тело, но твою душу я люблю ещё больше.

Мне так одиноко, когда тебя нет рядом.

Твоя близость пьянит меня.

Твои прикосновения исцеляют.

Я ощущаю тебя внутри себя, даже когда мы не вместе.

Боже, я не могу жить без тебя.

Это грешно – то, что мы любим друг друга?

На моей шее затянулась удавка, и я не мог дышать. Я не могу описать тот момент иначе. Я будто очутился в вакууме. Потом, когда я все-таки сумел сделать судорожный вдох, то тут же разрыдался. Как

младенец. По-моему, я еще никогда в жизни не плакал так горько, как тогда над этой перепиской. Меня словно ударили прямо в сердце. Не знаю, почему я так бурно отреагировал. Наверное, от осознания, что мир не таков, как я думал. Что все, во что я верил, оказалось ложью. Отчасти я мог понять, почему это произошло. Я так много работал, чтобы обеспечить Софи и Обри, что забыл обо всем остальном.

Может, отчасти я сам был виноват?

Я скопировал папку на флешку и засунул ее в кармашек сумки со своим рабочим ноутбуком. В офисе у нас работал парень, который мог бы отследить IP-адрес отправителя и, наверное, даже выяснить, кто он такой на самом деле, если бы мне хотелось закатить сцену. Но я решил этого не делать. Или, может быть, не решился. Но я сохранил флешку.

Я так и не рассказал Софи о том, что нашел. Не признался, что больше ей не доверяю. Что едва ли смогу оправиться от раны, которую она мне нанесла. В первые несколько дней я едва мог на нее смотреть. Одна лишь мысль о том, что она спала с другим мужчиной... Боже! Возможно, они делали это прямо здесь, в нашем доме. Интересно, сколько раз они были вместе и что она говорила обо мне? Может, смеялась надо мной, лежа в постели с ним? Страстно извивалась во время секса и говорила, что его член больше и толще?

После этого открытия я начал смотреть на Софи по-новому. Я наблюдал за ней, слово зоолог, изучающий неизвестное животное в дикой природе, пытаюсь понять, почему оно ведет себя подобным образом. Как она способна уживаться с этой ложью? Повторится ли это вновь? Но со временем я начал думать, что ее отношения с тем неизвестным мужчиной подошли к концу. Внезапно она вновь стала уделять мне внимание. Мы стали ближе.

В глубине души я больше не доверял Софи. Но все равно пытался любить ее так сильно, как только мог.

Когда я совершил второе ужасное открытие, дождь шел уже больше недели. Типичная погода для Сиэтла. Софи готовила презентацию для ежегодной встречи акционеров «Старбакса», поэтому, хоть я и зарабатывал вдвое больше нее и имел в десять раз больше обязанностей, в тот день я остался присматривать за Обри. Поймите меня правильно: я любил Обри. Быть ее отцом было почти так же прекрасно, как иметь угловой кабинет с видом на реку Давамиш в здании к югу от Сиэтла, где я работал, когда родилась Обри. Я готовился к родам не менее тщательно, чем Софи. Приложение на телефоне каждую неделю подсказывало мне, до каких размеров вырос наш будущий ребенок, и я охотно делился со всеми этой информацией.

– Размером с баклажан! – говорил я, будто это была моя заслуга.

– С дуриан!

– С кочан салата-латука!

Я был счастлив стать отцом. Отчасти дело было в работе: мне дали прибавку к зарплате, обойдя вниманием мою коллегу, потому что у нее не было ни мужа, ни детей, но не только. Став отцом, я почувствовал себя взрослым человеком. *Наконец-то.* Знаю, это глупо, но до рождения Обри мы с Софи жили, будто одиночки, хотя и были женаты. Путешествовали, не думая о тратах. За первые пару лет нашего брака мы побывали на Фиджи и Мауи, в Австралии, Канкуне и Бетлехеме, тот, который в Пенсильвании, – там живет тетя Софи. Мы все время ходили по ресторанам и трахались везде, где только могли. Да, иногда и в ресторанах.

Было весело. Софи казалась той женщиной, о которой я мечтал всю жизнь. А потом все это исчезло в одночасье, когда родилась Обри. Просто исчезло. Как и не было. И знаете, что самое странное? Я даже не скучал по ресторанам и поездкам. По сексу да. Но не более. Дочка стала для меня смыслом жизни.

Но все изменилось в тот дождливый понедельник, когда я присматривал за Обри.

Ей недавно исполнилось два года, и пришло время съездить к врачу. Конечно, она была совершенно здорова, но дежурные осмотры пропускать нельзя, какими бы поверхностными они ни были. Нормально ли она развивается? Насколько она умна? Насколько высокой будет во взрослом возрасте? В нашей семье ни у кого не было проблем с весом, она ведь не станет исключением? Вы уверены?

Она у нас такая красавица, не правда ли?

Доктор Мэри производила впечатление крайне серьезного специалиста – с волосами, собранными в тугий пучок, и в ботинках, которые словно сделали из резины и картона.

Наверняка в свободное от работы время она отрывалась по полной.

Она проводила осмотр, пока я сидел на маленьком стуле, а Обри лежала на кушетке.

– Все в порядке? – спросил я.

– Агасики, – ответила доктор Мэри.

Кто вообще говорит «агасики»? Наверное, она потрясающе хороша в постели. Должна же быть оборотная сторона.

Доктор озвучила все то, что я и рассчитывал услышать. Обри развивалась быстрее среднего. Само собой, я был доволен. Я сам незаурядный человек. Как и Софи. Странно было бы ожидать, что наша дочь будет самой обыкновенной.

– Она идеальна, Адам, – сказала доктор Мэри.

Я радостно улыбнулся Обри, которая разглядывала висевшее на стене изображение щенка.

Потом у доктора Мэри зазвонил пейджер, и она, извинившись, вышла из кабинета, оставив планшет с медкартой Софи на столе рядом со мной.

– Я сегодня обучаю новую медсестру, – объяснила доктор, закрывая за собой дверь.

Оставшись в кабинете наедине с Обри, я сделал то же самое, что сделал бы любой на моем месте.

Я взглянул на медкарту.

Все записи соответствовали тому, что сказала доктор. Я улыбнулся, увидев заметку: «отец обеспокоен, достаточно ли быстро она растет; я объяснила, что она на десять процентов выше ожидаемого».

Всего на десять? Не уверен, что она сказала именно это. Но не важно.

Я не дотрагивался до экрана. Прочел лишь то, что видел. Наверху были основные данные. Мое имя. Имя Софи. Дата рождения Обри. Ее группа крови.

Тут-то я и опешил.

В карте значилось, что у Обри четвертая группа крови.

Я сразу понял, что здесь что-то не так. Я сдаю кровь на работе не реже, чем раз в квартал, и каждый раз, когда случается какое-то бедствие. После шторма на Карибах я сдал столько крови, что вышел из кабинета белый как простыня. У меня первая группа крови, резус отрицательный. Я универсальный донор. Я сдаю кровь потому, что это улучшает мой имидж на работе; за эти годы я сдал не меньше десяти галлонов. Я знаю, что помогаю людям, но я бы солгал (а я стараюсь этого не делать!), если бы сказал, что дело в этом. У Софи вторая группа крови. Я это знал. Она тоже сдавала кровь, но не так часто: в «Старбаксе» необязательно строить из себя благородного человека.

В тот момент я понял, что либо произошло какое-то чудовищное недоразумение, либо... Кабинет начал сжиматься вокруг меня. Свет постепенно угас. Мне словно нацепили на голову полиэтиленовый пакет. Черный, толстый пакет из тех, что способны выдержать вес целого автомобиля и не порваться. Его затянули вокруг моей шеи. Я не мог дышать.

– Обри, – сказал я, чтобы привлечь ее внимание. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

Я увидел те черты ее лица, которые не принадлежали мне: нос, изгиб бровей... Я попытался представить, что Обри унаследовала их от кого-то другого.

Я еще раз посмотрел на медкарту.

Этого не могло быть. Я хотел потрясти головой. Мысли звенели в ней, как оружейная дробина. По отдельности ни одна из них не представляла большой опасности, но вместе они могли убить. Одной из этих мыслей была папка, которую я нашел на компьютере. Переписка Софи с любовником. Он был не просто любовником. Софи писала мужчине, от которого она забеременела. *Отцу Обри*. В тот момент я едва не заплакал. Это был очень жестокий удар.

Доктор Мэри вернулась в кабинет и тут же заметила, что со мной что-то неладно. Ее глаза наполнились беспокойством – надо полагать, искренним.

– Вы в порядке? – спросила она.

– Простите, – сказал я, притворившись, что смотрю в телефон, и затем положил его в карман. – С работы позвонили. Недавний проект постиг полный крах, а я здесь и поделать ничего не могу. Зря вообще взял трубку.

Она понимающе улыбнулась:

– А мое начальство зря взяло новую медсестру, когда ее некому обучить, кроме меня. Боже, терпеть не могу понедельники.

– Я их тоже ненавижу, – сказал я.

В особенности этот. Я привез дочку на медосмотр и узнал, что я не ее отец. Я ничем этого не заслужил. Черт возьми, Софи! Она не только изменила мне – она еще и нагуляла ребенка от другого. Я могу простить себя за то, что сделал, но не могу простить ее.

Она должна была быть лучше, чем я.

* * *

Я отвез Обри домой, почти не глядя на нее, сидевшую рядом в детском кресле. В ее лице я видел лишь предательство. Представлял, как ее мать трахается в номере отеля с другим мужчиной. Может, они и расстались, но последствия их связи разрушили мою жизнь. Я передал Обри нашей няне, Катрине, и поехал на работу. До этого я успел всем рассказать, что задержусь в пятницу из-за медосмотра дочери, поэтому каждый считал своим долгом спросить, все ли с ней хорошо.

– Все прекрасно, – отвечал я.

Она – чужой для меня человек, но с ней все прекрасно.

– Она совершенно здорова.

Ее настоящий отец был бы рад.

Работающего у нас миллениала зовут Брэд-Ли Митчелл. Нестандартно написанное имя призвано подчеркнуть его индивидуальность, а список предыдущих мест работы длиной со взлетную полосу намекает, что у нас он не задержится. Меня это мало волнует. Он сообразителен и весьма полезен. Я все-таки поддался любопытству и злости на Софи и вручил ему ту самую флешку.

– Это электронные письма. Все от одного отправителя. Не по работе, – предупредил я. – Я тебе заплачу.

Брэд-Ли по образованию бухгалтер, но ненавидит свою работу; он сказал, что деньги его не волнуют. Он готов был сделать это просто так.

– Не стоит, Адам, – сказал он. – Я гляну сегодня. Бесплатно. Мои родители свалили в Спокан на пару дней, так что я дома один.

В мое время эти слова предвещали вечеринку, после которой дом был бы полностью разгромлен.

А для Брэд-Ли это всего лишь шанс играть до утра, не беспокоясь, что мама начнет на него орать.

– Что конкретно тебя интересует? – спросил он.

– Ничего особенного, – сказал я. – Это для моего брата. Он хочет выяснить IP-адрес. Может, имя отправителя, если получится.

– Ясно, – ответил тот.

Я стер все письма, написанные Софи, как и ее имя. Брэд-Ли, наверное, все равно мог бы вычислить, кто она такая, если бы попытался. Но мне было все равно. Я просто хотел знать, с кем встречалась моя жена.

– Написать тебе, когда разберусь? – спросил он.

– Нет, – сказал я. – Просто принеси. И не забудь флешку.

На следующий день Брэд-Ли пришел на работу с флешкой и улыбкой на лице. Он выглядел довольным. По его меркам. По крайней мере не таким сонным, как обычно.

– Чувак, – сказал он, – жена твоего брата – та еще стерва.

Я кивнул:

– Верно.

– В общем, выяснить все оказалось парой пустяков. Письма присылали с IP-адреса «Синей двери». Тот парень заходил в свою почту с компьютера в ресторане.

– Ты знаешь, кто это?

Он помотал головой:

– Но ты и сам можешь узнать, если отправишься туда. Я там был как-то раз. Готовят вкусно. Людей немного. Вряд ли там каждый второй спит с женой твоего брата.

Он вернул мне флешку. Я сжал ее до боли.

Я знал, куда пойду на ланч.

Кристен

Рэндалл Хоузер – один из старших партнеров в нашей фирме. Ему за семьдесят, и он носит парик из густых черных волос. Быть не может, что это его настоящие волосы. Но, само собой, никто не собирается говорить об этом вслух. Он платит нам зарплату. Если он считает себя красавцем, я не собираюсь возражать. Готова даже осыпать его комплиментами.

Сегодня годовщина того дня, когда я впервые пришла в фирму и, несмотря на сложное дело и мое беспокойство из-за Коннора, вынуждена пойти с Рэндаллом на ланч.

– Только вы и я, – говорит он.

Меня это не смущает. Он безобиден.

А вот его желание пообедать в «Синей двери» не столь безобидно.

– Я обожаю этот ресторан, – говорит он.

Я предлагаю пойти в местечко с паназиатской кухней неподалеку, но он качает головой.

– Я очень люблю «Синюю дверь», – повторяет он. – Я не бронировал столик, но, думаю, вам не откажут.

Мне хочется возразить. Не то чтобы я стеснялась того, что Коннор работает там. Он настоящий профессионал. И «Синяя дверь» считается одним из лучших ресторанов Сиэтла. Серьезно. Мне просто неловко. Как-то странно сидеть в ресторане вместе с боссом, пока нас обслуживает мой муж.

Рэндалл обхаживает меня так, будто мы пришли на свидание. Он настаивает, чтобы нас обслуживал именно Коннор.

– Мы ведь одна семья, – говорит он.

Коннор старается его очаровать. Он обслуживает еще три столика, и его улыбка не угасает ни на мгновение. Но он не может скрыть от меня свои чувства. Наши взгляды на мгновение встречаются, когда он протягивает мне меню. Я вижу, как он унижен.

– Я большой поклонник шеф-повара Мики, – говорит Рэндалл, надевая очки для чтения и изучая первую страницу меню. – И ваш тоже, Коннор.

– Вы слишком добры, – отвечает Коннор.

Сидя за столиком, я невольно вспоминаю тот случай, когда из-за моего мужа и «Синей двери» в мой кабинет явился монстр.

* * *

– Пришел новый клиент, – сообщила Марси.

Я проверила расписание на сегодня.

Адам Уорнер, 14:00.

Спустя минуту мистер Уорнер уже сидел напротив меня. Привлекательный мужчина сорока с небольшим лет, одетый в дорогой костюм. Весьма дорогой для Сиэтла. Кажется, итальянский. О встрече договорилась Марси, и я не могла с ходу припомнить, зачем он пришел ко мне. Наша фирма занимается как гражданскими, так и уголовными делами.

– Вы меня не знаете, – сказал он.

Я разглядывала его лицо. Может, мы где-то встречались? На конференции? Или он работает в конкурирующей фирме?

А он в ответ посмотрел на меня, как на жестяного зайца в тире.

И выстрелил без предупреждения:

– Ваш муж трахал мою жену.

Еще не до конца осознав, что происходит, я бросилась защищать Коннора. Таков был мой первый инстинкт.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – сказала я, на мгновение отведя взгляд в сторону; любой присяжный тут же понял бы, что я лгу.

– Еще как знаете, – сказал он.

– Думаю, вам следует уйти, мистер Уорнер.

– Думайте что хотите, но вы должны меня выслушать. События скоро примут неприятный оборот. Вы с вашей профессией наверняка знаете, что правда бывает неприглядна.

– Я позову охрану, – сказала я.

– Нет, не позовете. Сначала вы меня выслушаете.

Я увидела, как Марси идет мимо окна к двери моего кабинета. Неторопливой походкой. Я встала и опустила жалюзи. И заметила, как дрожат мои руки. Я снова взглянула на мужчину, сидевшего на стуле в

моем кабинете с видом террориста-смертника, намеревающегося убить нас обоих.

– Как вы меня нашли? – спросила я.

– После того как я вышел на Коннора Мосса в «Синей двери», понадобилась всего пара кликов мышью, чтобы обнаружить вас. Вы весьма известны в интернете, миссис Мосс. Но, серьезно, выйти за официанта?

Мои руки по-прежнему дрожали, и я спрятала их под столом.

– Он – главный официант, – сказала я, вновь защищая Коннора.

Адам закатил глаза.

– Я знаю, что муж мне изменял, – продолжила я. – Но это дело прошлого. Все кончено. Сожалею, что пришли ради этого ко мне. И сожалею, что из-за Коннора у вас возникли проблемы в браке, но между ними все кончено.

Он молча встал и подошел к окну.

– Ее зовут Обри, – сказал он, не глядя на меня.

– Очень мило, но мне нечего делить с миссис Уорнер. Надеюсь, вы с ней сможете помириться и жить дальше.

Он повернулся.

– Дочь вашего мужа зовут Обри.

Вот оно. Вот конец всего, во что я верила: насчет мира и насчет своей жизни с Коннором.

Дочь Коннора звали Обри.

В час ночи в последний день июня мой телефон вибрирует на прикроватном столике. Я тянусь через Миллисент, которая, как всегда, уснула прямо рядом с моим лицом. Имя абонента будит меня не хуже, чем ударный заряд кофеина. Мгновение я размышляю, отвечать или нет.

– Адам? – говорю я шепотом.

Молчание.

Я повторяю его имя.

Он наконец отвечает.

– Плохое время для звонка, – говорит он.

– Тебе не следовало мне звонить, – говорю я, ставя ноги на пол.

– Да, наверное, – соглашается он.

Я жду продолжения, но в трубке повисает молчание. *Он что, пьян?*

– Ведется расследование, – говорю я, чтобы заполнить тишину. – Все, что ты скажешь, может быть приобщено к делу.

– Ага, – говорит он наконец. – Понимаю.

– Ты пил, Адам?

– Немного.

Он говорит невнятно, и его «понимаю» звучит скорее как «пнимаю». Кажется, он выпил больше, чем немного.

– Думаю, тебе стоит повесить трубку, – говорю я.

– Я звоню не из-за Софи, – говорит он.

Не знаю, к чему он ведет, но эти слова звучат как предупреждение.

– Тогда из-за чего ты звонишь? – спрашиваю я. – С тобой все в порядке? С Обри?

Я слышу, как звенят кубики льда в стакане.

– Ага, – говорит он. – Все хорошо. Мы в норме.

Мне следует положить трубку, но я этого не делаю.

– Тогда в чем дело? – спрашиваю я.

– Я думал о Ходже, о том, что он сделал.

Я ненавижу имя своего насильника. Всякий раз оно ударяет меня, как разряд тока. На письме, в рапорте, в чьей-то речи.

Как в речи Адама Уорнера. Прямо сейчас.

– Я не хочу об этом говорить, Адам. И не собираюсь.

– То, что случилось, затронуло не только тебя, – говорит он. Снова звон льда. – Не тебе решать, как другим переживать свой опыт.

– Я тебя не понимаю, Адам. Разговор окончен.

– Стой! – взволнованно восклицает он, повышая голос. – Тот день изменил не только тебя. Знаешь, что стало со мной?

Ты стал героем, вот что, думаю я. Но эти слова звучат слишком грубо.

– И что же? – спрашиваю я. – Что и после чего с тобой стало?

– После того, как я тебя нашел, – говорит он тише.

Затем я слышу, как кубики соскальзывают с металлического подноса, и звук льющейся жидкости. Он продолжает пить.

– Я очень за это благодарна, – говорю я.

– Я сейчас не о тебе, – отвечает он. – Я говорю о себе. Я хочу, чтобы ты знала: я всегда буду вспоминать тот день как величайший в моей жизни. Никакого притворства. Никаких игр. Хочу, чтобы ты знала: мне никогда не удастся совершить ничего лучше.

Его слова смягчают меня. Он прав. Я никогда раньше не думала о том, что принес ему тот день, кроме награды и фотографии в газете. Благодаря ему я, возможно, смогла избежать смерти. Ему не удастся превзойти тот момент. У него не было никаких скрытых мотивов. Он не пытался выбить себе повышение на работе. Никем не манипулировал. Он просто нашел меня. Это был чистый и бескорыстный поступок.

– Есть еще кое-что, – говорит он.

Что-то в его голосе вызывает во мне желание сбежать. Но я его подавляю. Это умение и делает меня хорошим детективом. Я умею слушать.

– Я всегда испытывал к тебе чувства, Ли. Понимаешь? Я хотел тебе сказать, потому что все выходит из-под контроля и ты заслуживаешь знать правду.

Я этого не ожидала. И не хотела. У меня кружится голова.

– Нам пора заканчивать разговор, – сообщаю я.

И мы его заканчиваем.

Телефон в моей руке кажется пузырьком яда. Я не должна была этого слышать. Я *не хотела* этого слышать. Лучше не говорить о том, что Адам Уорнер думает обо мне или о том дне, когда он меня нашел. Я кладу телефон на место. Миллисент мурлычет, забравшись мне на колени, и вонзает когти мне в бедро. Я не вздрагиваю. Я слишком сосредоточена на телефонном разговоре. На глаза у меня наворачиваются слезы. Я всегда хотела сказать Адаму Уорнеру, что считала его героем, словно сошедшим со страниц книги. Что тоже испытывала к нему чувства, и не только потому, что он спас меня.

Дни складываются в недели, а в деле Уорнер не намечается ни малейшего прогресса. И вовсе не из-за того, что мы не прикладываем усилий. Монтроуз и я перепробовали все, что могли. Допросили не меньше дюжины человек. Расследовали каждую зацепку.

Похищения и убийства случаются нечасто, а вот висяки сплошь и рядом.

Никто не видел ни Койла, ни его красного пикапа. Его сестра сообщила, что он ходил к врачу из-за серьезного заболевания, про которое не хотел рассказывать на работе. Налипший на пикап тростник? Такой растет повсюду. Это ничего не доказывает.

Все упирается в то, что нам нужны результаты анализа ДНК. Звонки в лабораторию Такомы не помогают. Порой мне кажется, что криминалисты скорее отодвинут твой запрос в самый конце очереди, если слишком надоедать им напоминаниями. Все результаты нужны как можно скорее. Несрочных запросов попросту не существует.

* * *

Это похоже на игру, но лишь на первый взгляд. На самом деле это борьба за выживание. Чайки кружат над Окленд-бэй и роняют на камни внизу моллюсков и устриц. Парят в воздухе, выбирают подходящее место и бросают. Ракушка разбивается о камни, и чайка моментально приземляется рядом, словно йо-йо, пока ее не опередили вороны или другие ленивые птицы. И так раз за разом. Весь день. Не понимаю, почему птиц считают глупыми. Эти чайки невероятно умны. Они прекрасно наловчились вскрывать раковины.

Монтроуз протягивает мне кофе.

— Спасибо, — говорю я. Он садится рядом, и мы вместе смотрим на воду.

— Ты хочешь об этом поговорить? — спрашивает он.

Кто знает, что он подразумевает под *этим*. Но я не хочу обсуждать ни один из возможных вариантов.

– Не особенно, – говорю я.

– Тебе это нужно, – возражает он. – Ты ведь все время об этом думаешь. Ли, ты не можешь избежать последствий – и плохих, и хороших.

– Чего же тут хорошего?

– Из-за того, что случилось, ты решила стать копом. Ты сопереживаешь жертвам и благодаря этому отлично справляешься с работой.

Я обдумываю его слова. Аргумент притянут за уши, но это все равно милый жест.

– А что насчет плохих последствий?

– Я не психолог, – говорит Монтроуз. – Я им вообще не доверяю. Но могу высказать собственное мнение.

– И каково же твое мнение? – спрашиваю я, делая глоток кофе и чувствуя, как сжимается горло. – Что ты думаешь?

– Что какая-то часть тебя осталась там, в тупике на Тамарак-Лейн, – говорит он. – Что ты выжила, но не смогла забыть. Тот день не отпускает тебя, и это плохо.

Я продолжаю глядеть на воду:

– Ты же не психолог, Монтроуз.

– Ну да, не психолог. Ходил к ним пару раз. Не помогло. Мы же просто разговариваем, верно?

– Просто разговариваем, – повторяю я. – Хорошо.

Я наблюдаю, как чайка роняет на камни прямо перед нами очередную ракушку. Белые осколки летят во все стороны, и чайка приземляется, чтобы съесть устрицу.

Выдержав крайне долгую паузу, я наконец подаю голос.

– Возможно, ты прав, – признаю я с неохотой. – Какая-то часть меня действительно осталась там, под этими ветвями. Я вспоминаю себя, ту двенадцатилетнюю девочку, и пытаюсь понять, почему она была так глупа? Как я могла не понять, чего добивался Ходж, когда заговорил со мной?

– Ты была ребенком, – говорит Монтроуз.

– Да, – соглашаюсь я, на этот раз глядя прямо на него. – А Кэти Райнхарт была девушкой, но она все равно ошиблась. Как и Софи

Уорнер. Было мгновение, когда они поняли, что выхода нет. Совсем как я, когда наклонилась, чтобы посмотреть на котят в машине.

Туалет – удивительно полезное помещение. У него есть и другие применения, помимо самых очевидных. Но сейчас, сидя здесь с тестом на беременность в руке, я думаю, что этот туалет своего рода концлагерь, где я месяц за месяцем жду вердикта. Это пытка, нет никаких сомнений. Мне никто не поможет. Меня никто не спасет. Я сама обрекла себя на эти муки, и я полна сожалений.

Эта палочка вовсе не волшебная. Она подводила меня раз за разом. Я даже не хочу смотреть на маленький индикатор, где высвечивается результат. Один взгляд – и я ослепну, словно посмотрев на солнце. Я не смею. На ум приходят дешевые эффекты из паршивых фильмов в 3D, где меч или пика нацеливается прямо в глаза зрителям. Ты невольно вздрагиваешь. Отворачиваешься. Не хочешь смотреть на это снова.

Я перепробовала все, что могла. Я была у экстрасенса. Принимала гормоны. Пила травяные чаи, словно умирающий от жажды в пустыне. Молилась Богу так часто, что перестала в него верить. Я пуста. Я отчаялась.

Я не мать.

И, возможно, никогда ею не стану.

Я думаю о сериалах, где женщины сходили с ума, изображали беременность с помощью подушек и набивались в подруги будущим матерям. Я почти могу понять, как безумие подталкивало их к тому, чтобы вырвать младенца из чужой матки.

Не думаю, что я смогла бы зайти так далеко.

Ни одну из этих женщин не ждал счастливый конец.

Еще я думаю о новостях про женщин, которые пытались похитить чужого ребенка в парке, на школьном дворе, в роддоме.

Нас всех объединяет невыносимое отчаяние: мы не можем забеременеть и не можем перестать думать об этом. Не понимаю, что провоцирует эту одержимость? Биология? Надеюсь, что так. Мне хочется думать, что я сижу здесь, охваченная бессмысленной надеждой, из-за биологии, а не из-за душевного расстройства.

Я наконец-то смотрю вниз. На глаза у меня наворачиваются слезы, а по венам растекаются ярость и огорчение. Я еще никогда не видела на тесте две заветные полоски, и сегодняшний день не стал исключением. Но я сделала все, что могла. Мне пора сдать. Действительно пора. Это единственное разумное решение. А я всегда руководствуюсь логикой. В зале суда. И в жизни.

Но не здесь.

Здесь я могу лишь пытаться снова и снова, пока у меня не останется ни проблеска надежды.

Одна китаянка родила здорового сына в шестьдесят пять.

У меня в запасе еще несколько десятилетий.

Пожизненное заключение в концлагере.

Она сидит в туалете целую вечность. Я знаю почему. Этот ритуал, через который Кристен проходит каждый раз после того, как мы занимаемся сексом, точнее – пытаемся зачать ребенка. Попытки забеременеть подчинили себе всю нашу жизнь, и я не знаю, как это изменить. Я начал больше пить, но это не помогает. Кристен будто застряла на крохотном плоту посреди Тихого океана, и я не могу дотянуться и вытащить ее обратно на корабль. Она все равно не взялась бы за мою руку. Она хочет переложить часть вины или даже всю вину на меня, будто это из-за меня у нас нет сына или дочери.

Я прекрасно знаю, что дело не во мне. Со мной все в полном порядке. Но я не могу сказать ей об этом. Это ее раздавило бы.

Поэтому я безропотно принимаю удары, которые она посылает в мою сторону. Как-то раз она заявила, что я ношу слишком тесное нижнее белье. Дескать это вредно. Яйца не опускаются до конца. С моей мошонкой все в порядке, но я не стал возражать. Я никогда не возражаю. Как выяснилось, Кристен – любовь всей моей жизни. Так что я делаю, что она говорит. И когда она говорит. Если она хочет, чтобы я кончил в пробирку, которой обычно пользуются мужчины, желающие сберечь свою сперму перед химиотерапией, я готов. Я посмотрю порнуху и сделаю свое дело.

Она выходит из туалета, и я вижу ее заплаканное лицо.

– Ох, малышка, – говорю я, хоть и знаю, что это неудачное слово. – Мне тоже казалось, что сегодня все получится.

Кристен падает мне в объятия. Она редко теряет над собой контроль. Но в этот раз все иначе. Она рыдает, не в силах сдержаться, и я обнимаю ее так крепко, как только могу. Я говорю, что у нас все будет хорошо. Я напоминаю уже в который раз, что, если у нас не получится завести своего ребенка, мы всегда можем усыновить.

– Я хочу, чтобы этот ребенок был частью нас, – говорит она. – Знаю, звучит ужасно, но это правда, Коннор. Я не хочу воспитывать чужого ребенка, зная, что в нем нет ни единой частички нас. Мы

пронянчимся с ним восемнадцать лет, а потом окажемся не нужны, когда он найдет настоящих родителей.

– Такого не случится, – говорю я.

Ее голубые глаза покраснели:

– Я видела это много раз. На работе, по телевизору – всюду. Приемные дети всегда стремятся воссоединиться с биологической семьей.

– Не всегда, – возражаю я.

Она отстраняется:

– Чаще всего. Не просто так говорят, что кровь не водица.

– Не всегда, – повторяю я.

Она перестает плакать, и я думаю, что моя жена прекрасна всегда, даже после рыданий.

– Может быть, ты прав, – уступает она.

Это не согласие как таковое, но Кристен впервые признала, что мы действительно можем усыновить. Начало положено.

* * *

Ночью, пока Кристен спит и видит, что мы наконец-то смогли зачать ребенка, я беру бутылку текилы и иду в ее кабинет. Мои пальцы зависают над клавиатурой компьютера, прежде чем я наконец нажимаю пробел, и экран озаряет меня голубым светом. Мне не следует этого делать. Это не кончится ничем хорошим, я знаю. Но не могу сдержать порыв. Я просматриваю новости об убийстве Уорнер. С того дня прошло уже шесть недель. Я ничего не помню. Но не могу перестать об этом думать. Я рассматриваю фотографии Софи, ее мужа Адама, их дочери Обри. На меня снова, совсем как в «Синей двери», накатывает волна тошноты. Неужели это был я? Неужели я похитил ее? Убил? Выбросил тело в Худ-Канал?

Я не спрашиваю себя зачем. Это бессмысленный вопрос. Я бы никому не стал причинять вреда. Ни Софи Уорнер. Ни кому-то еще. Я сижу за компьютером, смотрю на фотографии, и к глазам у меня подступают слезы.

Провал в памяти.

Кровь.

Песок на ботинках.

Я сижу и думаю, что мне делать. Обратиться в полицию? Прислать наводку через интернет? Я даже не знаю, что сказать.

«Здрасьте, я насчет убийства в Лилливаане. Не думаю, что это был я, но, может быть, и я».

Не думаю, что я смог бы внятно изложить улики, указывающие на меня. Я ничего не помню. Только сомнение в глазах Кристен. Я представляю, как больно ей было бы. Как унизили бы ее слухи, мгновенно разлетевшиеся по всему району.

По всему Сиэтлу.

Она хочет в меня верить. Я это вижу. Это не плод моего воображения. Я знаю ее лучше, чем кто бы то ни было. Кристен пойдет на все, чтобы помочь мне. Я знаю это каждой частичкой своего тела.

Я знаю, но все равно гадаю.

Встала бы она на мою сторону, если бы знала, что я был знаком с Софи Уорнер?

Встал бы хоть кто-нибудь на мою сторону?

– Почему ты не спишь?

Я поворачиваюсь и вижу прямо за спиной Кристен, и мое сердцебиение резко ускоряется.

– Просто думаю о том, что случилось, – говорю я наконец.

Моя жена замечает текилу, но ничего не говорит. Не делает замечания насчет того, как часто я стал пить. Только грозит пальцем и качает головой. Больше ничего.

– Давай вернемся в постель, – говорит она. – Все хорошо, Коннор. Ты хороший человек. Я хочу, чтобы ты перестал об этом думать. Ладно?

Она протягивает руку и выключает компьютер.

Я поднимаю взгляд и впитываю сияние, которое всегда исходит от Кристен.

– Хорошо, – говорю я. – Ладно, как скажешь.

Она всегда на моей стороне, хотя я этого не заслуживаю. Я это знаю.

Я не узнаю номер, с которого на мой рабочий телефон поступает звонок.

– Я знаю, что вам насрать, – говорит звонящий, стоит мне поднять трубку, – но я ничего не делал с Софи Уорнер.

Качество связи оставляет желать лучшего. Звук прерывается и пропадает. Но это не важно. Я все равно узнаю голос.

– Мистер Койл? Это вы?

Он отвечает не сразу.

– Это я, и с меня хватит, – говорит он. – Не собираюсь больше быть козлом отпущения для слишком ретивых копов. Я не был виноват в том происшествии, и я ничего не делал с Софи Уорнер.

Меня цепляет слово «происшествие».

– Вам следует приехать в участок, – говорю я, пытаюсь расслышать, что происходит на заднем плане, в надежде определить, где сейчас Джим Койл. Он едет в своем пикапе. Это я слышу отчетливо.

– Без толку, – говорит он. – Конец все равно не за горами. Вы всего лишь его приблизили.

– Прошу вас, – настаиваю я. – Вы должны приехать, чтобы дать показания. Очистить свое имя.

– Слушайте, детектив. Я уже никому ничего не должен. Моя жизнь покатила к чертям в тот день, когда я попал в тюрьму. Я умираю, дамочка. Мне осталось недолго.

– Умираете? О чем вы?

Долгая пауза.

– Рак, – говорит он, выплевывая слово с таким трудом, словно оно вобрало в себя всю его жизнь. – Если вам так необходимо это знать. Это из-за вас и всего того дерьма, через которое я прошел.

В трубке трещат помехи, голос Койла периодически пропадает, но он называет имя своего врача, рассказывает, что прибег к альтернативной медицине, потому что фирма, на которую он работал, не предоставляла страховку. Не знаю, как такое возможно, но я

записываю каждое его слово. Он говорит, что никому не рассказывал, потому что боялся потерять работу.

– Они бы вышвырнули меня, как только узнали.

– Это незаконно, – говорю я.

Он мрачно смеется.

– Незаконно? Да вы что? Я просто хотел сказать, что вы с напарником ошибаетесь насчет меня. Надо было сразу вам объяснить, но я не стал. Я лечился, когда пропала та женщина. Вернулся только утром, а тут заявили вы.

– Вам действительно следовало все объяснить.

– Ага. Ну я говорю вам сейчас, хотя это не важно. У меня нет работы. Нет репутации, а скоро вообще ничего не останется.

– Вам нужно приехать в участок, – говорю я.

Молчание.

– Позаботьтесь о моей собаке.

И с этими словами Джим Койл вешает трубку. В ушах у меня продолжает звучать слово «происшествие». Хорошо знакомый мне и моей семье эвфемизм.

Меня часто спрашивали о том, что случилось со мной в подростковом возрасте, и я всякий раз отвечала, что плохо помню «происшествие» – слово, позаимствованное у матери. Я намекала на потерю памяти из-за душевной травмы. Как правило, людей устраивал такой ответ. Хотелось бы мне, чтобы все действительно было так просто.

На самом деле я помню почти каждую минуту, проведенную с Альбертом Ходжем.

То утро засело у меня в голове, словно графическая новелла; черно-белые картинки с редкими проблесками цвета. В одном кадре я вижу, как Ходж расстегнул штаны и вошел в меня. Потом ракурс смещается, и я вижу себя саму, такой, какой видел меня он. Мое лицо искажено страхом. Я поднимаюсь и наблюдаю за сценой со стороны.

Это происходит с кем-то другим.

Но это была я.

Вспоминать и видеть сны о том, что случилось, – совсем не то, что рассказывать об этом. Когда ты говоришь с кем-то, то начинаешь плакать. Дрожать. Тебя тошнит. Ты ищешь поддержки. Когда ты ничего не говоришь, а просто думаешь, тебе проще держать себя в руках.

Я никому не признавалась. Даже в ответ на прямой вопрос. Я скрытный человек. На самом деле я ходила к психотерапевту. Много с ним говорила. Верю, что другим это помогает, но все исцеляются по-разному. Я предпочитаю молчать и делать вид, что все забыла. Я имею на это право. Каждый сам решает, что делать с пережитой травмой. Я решила замкнуться. Спрятать зло. Жить дальше. Я стыжусь своей глупой ошибки. Моему психотерапевту нравилось то и дело повторять, что я была всего лишь ребенком. Что я не контролировала происходящее. Что в случившемся виноват Альберт Ходж, а не я.

Некоторым эти слова помогают. Успокаивают. Но я ни на кого не злюсь.

Только на себя саму.

В то утро я поругалась с мамой перед уходом в школу. Я чуть-чуть подкрасила ресницы тушью, а веки – тенями (как мне казалось, самую малость). Я просто развлекалась. Дело было не в том, что я хотела привлечь внимание или выглядеть старше, честное слово. Я просто экспериментировала с косметикой.

– Немедленно в ванную, пока тебя не увидел отец, – сказала мама.

Я покраснела:

– Прости, мам.

– Извиняться будешь, если отец увидит тебя в таком виде. Никакой косметики, пока тебе не исполнится шестнадцать.

– И никаких проколотых ушей, пока не исполнится восемнадцать, – продолжила я. Теперь я думаю, что мой тон звучал крайне дерзко.

Мама недовольно посмотрела на меня, и я поняла, что спорить нет смысла. Честно говоря, это была сущая мелочь. Я смыла косметику, и папа ничего не узнал. Да, мне было неловко.

По пути в школу я злилась, но лишь самую малость. Не до такой степени, чтобы сбежать из дома. Это был всего лишь повод пожаловаться. Я планировала начать с Шарлин, но она была у стоматолога.

В общем, я поссорилась с мамой из-за косметики. Может, это вывело меня из равновесия. Может, я слишком сильно себя жалела. Я много думала об этом за прошедшие годы, но так и не поняла до конца. Иногда узнать правду попросту невозможно.

Я так люблю маму, что не стала ничего ей говорить. Я знаю, ее убила бы мысль о том, что наша ничего не значащая ссора повлияла на дальнейшие события.

На самом деле Альберт Ходж не стал рассказывать мне про котят, не затащил в машину силой. Я села внутрь сама. Дура. Дура. Я была невообразимой дурой.

– Я заблудился, – сказал он, тыча пальцем в газету.

– Да, – сказала я, – это на другом конце города.

– Блин! – сказал он. – Прости мне мой французский.

– Ничего, – ответила я.

– Меня зовут Ал.

– А меня – Ли.

Он снова посмотрел в газету:

– На другом конце города, говоришь? Угораздило же меня так заплутать.

Он был ненамного старше моего брата. Слишком молод для такой дорогой машины.

И потом я это сказала. Не знаю почему.

– Я могу показать вам нужный поворот. Это по дороге в школу.

И я села в машину.

* * *

Вот в общем-то и все. Двери закрылись. Ходж протянул ко мне руку с тряпкой, смоченной, как потом сказали в полиции, хлороформом, хотя тогда запах напомнил мне тетушку Мартину, от которой всегда пахло водкой.

В графическом романе моей памяти тетушка Мартина держит стакан с мартини и грозит мне пальцем.

Дальнейшее я помню урывками. Небольшие провалы в памяти. Но я помню, как он сорвал с меня одежду на заброшенном участке. Как прижал меня к земле и вошел в меня. Я была в шоке. Помню, как смотрела на пролетавшую над нами бабочку-адмирала и думала, что тоже хотела бы улететь. Он насиловал меня. Сжимал мое горло. Шептал мне на ухо слова, которые я помню по сей день.

– Ты такая хорошая девочка, – говорил он раз за разом. – Тебе ведь нравится, правда?

Мне, конечно, не нравилось. Его лицо становилось все краснее и краснее. Я думала, что его вот-вот хватит сердечный приступ. Надеялась на это. Молилась Богу, чтобы тот убил Ходжа. Но я никогда не винила Бога за то, что он не внял моим молитвам. Я знала, что меня там не было бы, если б я не села в чужую машину.

Доверие и глупость – близкие друзья. Но все слишком поздно это понимают.

Через два часа после звонка Койла Монтроуз подтверждает, что наш подозреваемый действительно ходил к какому-то сомнительному врачу в Сентрейлии – городке, примечательном разве что торговыми центрами.

И, по-видимому, целителями.

– Шарлатан, – говорит Монтроуз, – но вежливый шарлатан. Подтвердил, что Койл ночью перед похищением Софи Уорнер приехал к нему на какую-то травяную процедуру. И вот еще что, Ли. Он обычно проводит эти процедуры в «Супер Эйт», но туда не пускают с животными, поэтому Койл со своей мерзкой шавкой остановился в мотеле «Беллфлауэр». Шарлатан записывает все процедуры на камеру и готов показать нам видео с Койлом. Не хочет, чтобы мы натравливали на него проверку. Я согласился, скоро он пришлет видео. Говорит, что Койл уехал только в полдень субботы. Если видео окажется настоящим, то, похоже, Койл – не тот, кто нам нужен.

Мне хочется спросить про здоровье Монтроуза. Возможно, он согласился бы поговорить. Но я не решаюсь. Монтроуз не любит говорить о себе. Как и я. В этом мы похожи.

– Его нужно найти, – говорю я. – Он хочет совершить самоубийство.

– Всех не спасешь, Ли.

Уж мне ли не знать.

В приемной юридической фирмы «Белдинг и сын» пусто – только несколько журналов для родителей и небольшая детская площадка, усыпанная игрушками. И я само собой. Я тихо играю в Candy Crush на телефоне и жду, пока Дэн Белдинг-младший сможет меня принять. Я пришел рано. У меня нет работы. Я вдовец. Но я по-прежнему остаюсь собой. По крайней мере я на это надеюсь.

Мы с Дэном учились вместе. Его отец, Дэн Белдинг-старший, был тренером школьной команды по баскетболу. Очень милый мужчина с неправильным прикусом и кофейным дыханием. И первый настоящий профессионал, с которым я познакомился. Он работал юристом. В Шелтоне это был вершина карьеры. Дэн-младший не мог играть в баскетбол – не вышел ростом, но все равно пошел по стопам отца, получив юридическое образование.

– Соболезную твоей потере, – говорю я, когда Дэн выходит поприветствовать меня рукопожатием. Он точная копия своего отца. Похоже, кофейное дыхание передается по наследству.

– Он не мучился, – говорит Дэн. – Это благословение.

Дэн-старший умер от рака – рака яичек. Худший кошмар любого мужчины.

– Рад это слышать, – говорю я.

Я иду за ним в кабинет – на диво современный, учитывая, что его владелец родился в Шелтоне.

Сам не знаю, почему я так удивляюсь каждый раз, когда сталкиваюсь с кем-то из старых знакомых? В моей памяти Шелтон навсегда остался чем-то средним между Аппалачи и Хутервиллем^[3]. Хотя на самом деле это не так. Не совсем так. Почти весь городок состоял из рабочего класса, и владельцы лесопилки тоже были рабочим классом – по крайней мере по духу и по образу жизни. Да, встречались и бедняки, но редко. К тому же, стоя перед зеркалом, я уже не вижу никаких следов того, что я и сам родился в глухомани на северо-западном побережье.

– Отец тобой гордился бы, – говорю я, указывая на название фирмы, выведенное на стеклянной двери позолоченными буквами.

Дэн смущенно улыбается:

– Ага, папа думал, что ни за что не сможет заманить меня обратно, но это ведь мой дом.

Я прикусываю язык и ничего не говорю. Я не стыжусь того, что родился в Шелтоне. Не особенно. Но это дело прошлого. Далекого прошлого.

– Значит, вы с женой хотите усыновить ребенка? – Дэн переходит к делу.

Он явно не читал новости или не вчитывался достаточно внимательно, чтобы увидеть мое имя.

– Нет, – говорю я, – я здесь по другой причине.

Он снимает очки и внимательно меня разглядывает:

– По какой причине?

– Моя жена погибла, – говорю я. – И, боюсь, я не смогу воспитывать нашу дочь один.

Я прекрасно знаю, что эти слова – двойной удар. Я молчу, давая Дэну возможность осмыслить сказанное.

– Прости, – говорит он. – Я не знал про твою жену.

Я делаю глубокий вдох. Он мне действительно нужен. Полные легкие воздуха. Это тяжелее, чем я предполагал. Мои эмоции словно водоворот, и я завис на грани чего-то, что никогда не смогу объяснить до конца.

– Софи убили на праздничных выходных. На Худ-Канале, – я вижу, как он наконец-то понимает, о чем идет речь. Опускает взгляд. Он знает про убийство. Все в округе про него знают. Линда Ландан смогла неплохо укрепить свою шаткую карьеру, порывшись в грязном белье нашей семьи.

– Боже, – говорит он наконец. – Это ужасно. Я видел в новостях. Но не понял, что это ты, Адам. Соболезную.

– Спасибо, – говорю я, – я ценю это. Мне сейчас тяжело. Тяжелее, чем когда-либо. Поэтому я и здесь.

Он кладет очки на стол:

– И почему же? Чем я могу тебе помочь?

– Я не смогу воспитывать нашу дочь в одиночку, – повторяю я.

– Эй, – говорит он. – У тебя в жизни сложный период. Но ты справишься. Расскажи про свою малышку.

– Не думаю, что справлюсь. Ей три года. Она настоящая умница. Красавица, вся в маму. Ее зовут Обри. Она замечательная, но я не могу ее воспитывать.

– Не совершай ошибку, – настаивает Дэн. – Да, тебе сейчас нелегко. Наверняка кто-то сможет помочь. Попроси родственников или найми няню.

Он пытается помочь. Как и всегда. Я помню, как он стал заниматься инвентарем, когда не смог попасть в баскетбольную команду. Всюду ходил с папкой-планшетом и участливым выражением лица.

– У меня уже есть няня. Дело не в том, что я не смогу о ней позаботиться. Как я и сказал, она замечательная дочь. Дело в том – пожалуйста, не думай обо мне плохо из-за моей откровенности, – что я не хочу жить всю жизнь ради нее. Не хочу быть отцом-одиночкой. Дэн, мы с тобой выросли в Шелтоне, где семьи почти всегда оставались вместе, и, если честно, это к лучшему. Мама и папа. Традиционная семья, понимаешь? Ничего лучше не придумали.

– Что насчет родственников? – спрашивает Дэн. – Бабушка с дедушкой?

Я качаю головой:

– Боже, нет. Я ни за что не отдам Обри родителям Софи. Ее отец насиловал ее, когда она была ребенком.

Еще одно подобное заявление, и Дэн начнет пригибаться, как только я открою рот.

– Господи, – говорит он растерянно. – Конечно, нет. Нельзя допустить, чтобы твоя дочь росла с педофилом.

– Софи ненавидела своих родителей, – добавляю я. – Отца – за то, что трахал ее, а мать – за то, что закрывала на это глаза.

– Понимаю, – говорит Дэн. – Его привлекали к ответственности?

– Нет, – говорю я. – Это было больше тридцати лет назад, в то время никто не говорил об ублюдках вроде Фрэнка Флинна и о том, что они делают со своими дочерьми.

– Вы обвиняли его в лицо? – спрашивает Дэн. – Ты или твоя жена?

Я киваю:

– Да. Софи поговорила с ним несколько лет назад. Сделала вид, что простила его. Он иногда приходил к нам в гости, а мы приезжали к ним на Рождество. Не знаю, почему она это сделала. Но это ее право.

Дэн снова надевает очки, берет блокнот и начинает записывать.

– А что насчет миссис Флинн?

– Она просто тряпка, – говорю я. – Размазня, бесхребетный человек. Никогда не противоречит мужу.

Дэн опускает ручку.

– Они постараются получить опеку, – говорит он. – Такие уроды часто так делают. Пытаются добиться своего.

– Я бы не удивился, – соглашаюсь я. – Он уже грозился забрать Обри себе. Но не думаю, что у него хватит смелости, если я пообещаю раскрыть всем правду.

Я рассказываю про Фрэнка. Все, что знаю. И про Хелен. Называю дату рождения Обри. Дэн выпрашивает подробности, и я излагаю свои надежды. Я хочу, чтобы у Обри были хорошо образованные и обеспеченные родители. Я передаю ее в хорошую семью, а не выкидываю на обочину. Это не ее вина. Дэн записывает каждое слово.

– Передать своего ребенка в другую семью – важное решение, – говорит он наконец, обращаясь ко мне, как к залетевшей девочке-подростку. Спокойным и заботливым тоном, словно надеясь меня отговорить.

– Я хочу, чтобы ты подумал еще несколько дней, а потом мы встретимся и обсудим все детали, – продолжает он. – Потом встретимся с потенциальными родителями. Ты ведь по-прежнему хочешь принимать участие в жизни Обри, верно?

– Нет, – говорю я. – Я хочу, чтобы ее воспитанием занималась ее новая семья. Если через два десятка лет Обри захочет меня найти, это ее право. Пусть делает, что хочет. Но я не хочу запутывать ее и быть паршивым отцом, который приходит по выходным.

– Но Обри не младенец, – замечает Дэн. – Ей три года. Она знает, что ты ее отец.

– Так будет лучше.

Он понимающе кивает, но я знаю, что это притворство. Я точно так же кивал на встречах в «СкайАэро», когда мечтал, чтобы эта бессмысленная болтовня поскорее закончилась. У меня всегда были дела поважнее, чем слушать свою начальницу-шлюху.

– Я просто хочу, чтобы ты все обдумал, – говорит он.
– Я уже это сделал, – говорю я. – Я думал долго и тщательно.
– Хорошо, – он убирает блокнот. – Почему бы тебе не зайти через неделю? Я буду крепче спать и смогу лучше защитить тебя от Флиннов, если ты согласишься взять еще некоторое время на раздумья. Это важное решение. Тебе через многое пришлось пройти. Не совершай ошибку.

* * *

Слушайте, я понимаю, что мир возненавидит меня за то, о чем я думаю, возвращаясь к машине. Но это правда. Я не хочу растить Обри один. Софи была прекрасной матерью. Признаю, в этом нет никаких сомнений.

Я копаю чуть глубже. До правды добраться нелегко, но я это сделаю. Эта мысль не оставляет меня ни на минуту, хотя рассказать об этом я не смог бы никому – ни близкому другу, ни адвокату.

Каждый раз, глядя на Обри, я вспоминаю о страшном предательстве своей жены.

И о самом ужасном своем поступке.

К тому же, я не пытаюсь сбавить ребенка с каким-то редким неизлечимым заболеванием или что-то в этом духе. Обри – настоящая очаровашка. Я буду очень по ней скучать. Но я знаю, что так будет лучше. Мне не следует ее воспитывать. Это неприятно, это горько, но такова истина. Ей будет лучше в другой семье.

Когда я возвращаюсь, Катрина берет с вешалки пальто, а Обри, как всегда, радостно бежит мне навстречу. Я подхватываю ее и поднимаю к самому потолку. Интересно, сколько еще раз мне доведется это сделать?

Интересно, будет ли она меня вспоминать?

Софи едет рядом со мной на пассажирском сидении. Я не стал ее пристегивать. Нет нужды. Владелец коттеджа сообщил мне об отмене брони, и я решил, что пришло время отвезти Софи туда, где все началось. Да, теперь она лежит в погребальной урне, но это последнее место, которое она видела, будучи живой. Я хочу развеять ее прах именно там, на пляже, с которого ее похитили. Прощальная вечеринка для одного. Обри для этого слишком мала, так что я оставил ее с Катриной. Флиннов я бы никуда не стал приглашать, тем более на празднование жизни их дочери. Я даже не стал им писать.

Софи всегда любила сюрпризы.

– Только ты и я, детка, – говорю я самой дешевой урне, которую смог отыскать для меня своими влажными ладошками директор похоронного бюро. Мы проезжаем мимо покрытого черепицей отеля «Альдербрук» и спрятанного поместья, принадлежащего Биллу и Мелинде Гейтс. Сюда были вбуханы немалые деньги, думаю я. Деньги – больная для меня тема. Накоплений хватит только до конца года. Страхование жизни Софи уйдет на выплату ипотеки. Мне нужны деньги. Новая работа. Нужно начать жизнь заново.

Я паркуюсь под старым рододендромом, напоминающим скорее дерево, нежели куст, рядом с гаражом «Глицинии». Там уже стоит автомобиль, принадлежащий постояльцу из другого коттеджа, так что я знаю, что буду не один. Ничего, я не собираюсь разыгрывать представление. Софи такое не любила.

Урна, сделанная из дешевого алюминия цвета олова, на ощупь совсем холодная – из-за кондиционера в машине. Софи ненавидела холодную погоду. Я улыбаюсь. Несу урну по заросшей папоротником тропинке к двери коттеджа. Ставлю ее на скамью и отпираю замок на двери.

Последний раз я был здесь в те выходные, когда Софи погибла. Я ставлю урну с ее прахом на столешницу на кухне и озираюсь вокруг. Коттедж ничуть не изменился. Как будто застрял во времени. Я вспоминаю тот день и ту ночь, бродя из комнаты в комнату. Понятия не

имею, сколько людей успели пожить здесь за минувшие полтора месяца. Наверное, десятки. Но я все равно ощущаю присутствие Софи, как будто она только что вышла из комнаты. Я чувствую ее запах. Он меня нервирует, и я возвращаюсь к машине, чтобы забрать самое необходимое.

Виски, конечно же. Как говорится, где-то вечер уже настал.

Я пью сносный, но не самый дорогой виски; не люблю переплачивать. Я снимаю красный воск с горлышка бутылки. Наливаю, кидаю лед и делаю первый глоток.

Софи, думаю я, я вернулся сюда вместе с тобой, потому что не мог придумать лучшего места для прощания.

Виски обжигает горло. Мне это нравится. Я делаю еще глоток.

Я возьму ту же самую лодчонку, на которой плыли мы с Обри, когда Софи похитили. Я не планирую говорить ничего особенного, высыпая ее прах в воду, но на случай, если за мной кто-то наблюдает, я задержусь на какое-то время, глядя, как прах оседает на воду. Возможно, прошепчу что-то. Или заплачу, если наблюдатель окажется поблизости.

Звук хорошо разносится по воде.

Я сажусь на диван и смотрю на Худ-Канал через промежутки в жалюзи. Старое волнистое стекло разбивает свет на тысячи осколков, вонзающихся мне в глаза. Я не обращаю на это внимания. Продолжаю смотреть. Необходимо принять случившееся, чтобы с ним смириться.

* * *

Взяв телефон, я тщательно обдумываю, стоит ли писать Ли. Она скверно обошлась со мной на том проклятом допросе. Но она – мой единственный источник информации по делу Софи. Не могу поверить, что после визита к Джиму Койлу полиция сидела сложа руки. Но я по крайней мере ничего больше не слышал. Глядя на воду, я думаю, что ее прохладное отношение отчасти можно списать на влияние ее напарника. Но, боже мой, не может же она всерьез верить, что я действительно убил Софи?! Неужели она забыла вообще все, что знала про меня?

Я выпиваю еще немного и все-таки отправляю сообщение: *«Я знаю, что ты просто делала свою работу».*

Она отвечает мгновенно: *«Так и есть».*

Я делаю еще глоток: *«Ты знаешь меня до мозга костей, Ли».*

«Да, Адам».

«Есть что-то новое по делу?»

«Я работаю над этим, Адам. И никогда не остановлюсь».

Я ей верю. Я знаю, что она не может забыть о деле, которое почти положило конец ее карьере. Во второй раз она не допустит промашки. Я хочу, чтобы она поймала убийцу Софи, чтобы мы все смогли просто жить дальше. Мысль о том, что он на свободе, не отпускает меня. Не отпускает остальных. Я тщательно обдумываю свое следующее сообщение. Я не хочу, чтобы она неправильно меня поняла. Не хочу ее отпугнуть. Просто хочу, чтобы она знала: я по-прежнему тот самый подросток, который нашел ее на свалке, только повзрослевший. Что за годы, прошедшие после ее встречи с Альбертом Ходжем, я не превратился в какое-то безобразное чудовище. Что, может быть, мы не просто так встретились спустя все это время.

Я начинаю печатать: *«Я сейчас в коттедже. Приехал развеять прах Софи. Не уверен, что хочу делать это один».*

Она печатает что-то в ответ. Я смотрю, как подпрыгивают точки на экране телефона.

Приходит ответ.

— *«Не знаю»*, — читаю я.

Я моментально набираю новое сообщение: *«Не волнуйся. Я справлюсь».*

Я хорошо знаю Ли. Я знаю, зачем она пошла работать в полицию. Она хочет помогать людям. Ее ведет вовсе не жажда мести. Ли никогда не забудет, что я для нее значу, и я всегда могу рассчитывать на это, что бы ни говорили обо мне Фрэнк Флинн, Кэрри ЛаКруа, Зак Монтроуз и другие.

Спустя мгновение приходит ответ, на который я надеялся: *«Я приеду. Жди меня завтра, во второй половине дня».*

Я отвечаю: *«Отлично».*

Едва я заканчиваю разговор с Адамом, как мне приходит сообщение от Сары Леонард из лаборатории штата Вашингтон с просьбой перезвонить.

Наконец-то, нашли что-то по делу Уорнер!

Мы с Сарой вместе работали над делом Райнхарт, обернувшимся катастрофой. Мы обе были новичками, и большая часть вины легла на наши плечи, хотя Сара уж точно не была ни в чем виновата. Полицейские, первыми прибыв на место преступления, не оградили его должным образом, что стало для убийцы настоящим подарком: его ДНК оказалась загрязнена еще до прибытия в лабораторию, так что Сара ничего не могла поделать. А вот я допустила несколько ошибок. Не могу этого отрицать.

Конечно, СМИ пришли в восторг. Мы, две молодые женщины в традиционно мужской профессии, стали мишенью для тех, кто предпочел бы, чтобы мы разносили кофе, а не расследовали преступления.

– Надеюсь, ты сейчас сидишь, – говорит Сара, когда я перезваниваю.

– Я надела на редкость неудобные туфли, так что да, сижу. Что ты выяснила?

– Нашла совпадение в базе данных, и это не Джеймс Койл.

– Ты серьезно?

– Серьезно, как сердечный приступ.

Любимая присказка Сары. У нее все серьезно, как сердечный приступ.

Она продолжает.

– ДНК, которую доктор Кольер нашла в теле жертвы, принадлежит Коннору Джастину Моссу.

Я в шоке:

– Коннору Моссу?

– Ага. Полиция Хантингтон-Бич взяла у него образец ДНК, когда он пьяным сел за руль лет в двадцать.

– Образец ДНК при вождении в нетрезвом виде? Кому взбредет такое в голову?

– Калифорнийским копам, – говорит она. – По крайней мере так было раньше. Может, сейчас все иначе.

Сара углубляется в технические подробности и начинает объяснять, какие именно маркеры позволили ей безошибочно определить, что сперма в теле Софи принадлежала Коннору, а я думаю про супругов Мосс. На тех выходных они остановились в «Лилии». Коннор болел и смог дать показания только на следующий день, приехав в участок вместе с Кристен, своей женой-юристом. Я помню, что он работает официантом и произвел на меня приятное впечатление.

– Мы пробили всех свидетелей по базе, и там не было ничего про Мосса, – говорю я.

– Еще бы, – отвечает Сара. – Данные о его аресте были утеряны десять лет назад, когда в Калифорнии обновляли систему и нечаянно все стерли. К счастью, данные ДНК хранились в другой базе данных.

– Вот тебе и технологический прогресс.

– Технологии тут ни при чем, Ли. Все дело в людях.

Тут она права.

Я сразу же отправляю сообщение Монтроузу: *«Приходи как можно скорее»*.

Больше я ничего не добавляю, потому что содержимое моего телефона может быть приобщено к делу.

На самом деле мне хочется написать: *«Черт побери! Это Коннор Мосс!»*.

Спустя мгновение Монтроуз отвечает, что придет через пять минут.

Чтобы скоротать ожидание, я захожу на «Фейсбук». Конечно, вряд ли я найду что-то интересное. Монтроуз уже проверил соцсети в первый же день расследования и ничего не обнаружил.

Я пролистываю страницу. Несколько лет назад я добавила Адама в друзья. Целых три дня ждала, как нервная школьница, думая, что он меня забыл, прежде чем он все-таки принял мой запрос. Я написала что-то невинное у себя на странице, и он поставил мне лайк. Вот и все наше общение. У него больше тысячи друзей в «Фейсбуке» – по моим

меркам это невероятно много. У меня их меньше сотни. Я не самый популярный человек.

Я смотрю на страницу Адама. С тех пор как я заходила на нее в последний раз, он успел загрузить прекрасную фотографию Обри, снятую, похоже, в тот самый день, когда ее мать похитили. Обри стоит перед входом в «Глицинию» со своим маленьким розовым чемоданчиком и улыбкой до ушей. Когда она подрастет, эта фотография наверняка станет для нее неприятным напоминанием о том, что случилось позднее.

Я читаю слова поддержки, сопровождающиеся в кои-то веки уместно употребленным смайликом-сердечком.

Потом я захожу в профиль Софи. Она вела публичную страницу, которая теперь навсегда застыла во времени. Накануне поездки Софи опубликовала запись, сказав, что надеется найти на Худ-Канале свое новое «счастливое место».

— Нам всем нужно счастливое место, разве *не так*? — написала она.

Так, но Софи свое не нашла.

Я пролистываю посты, где ее отметили. Некоторые из них были сделаны ее друзьями из «Старбакса». Еще она выкладывала фотографии Обри и Адама. Мне тяжело на них смотреть. Целая жизнь, от которой остались лишь следы в интернете.

Я замечаю рекламу «исторических коттеджей на берегу Худ-Канала — снимите один или все три». На фотографии видны «Глициния», «Хризантема» и «Лилия» во время отлива. Бетонная дамба покрыта раковинами и морскими желудями. У Софи было 640 друзей в «Фейсбуке». Я пролистываю их список и узнаю некоторые фотографии: Жанна Фонг, Хелен Флинн...

И еще одна.

Коннор Мосс

Работает в: «Синяя дверь»

Учится в:

Живет в: Сиэтл, Вашингтон

— Что случилось? Видео с твоей кошкой наконец-то набрало десять лайков?

Монтроуз пришел и застал меня за пролистыванием страницы «Фейсбука». В своих модных ботинках и голубой рубашке с длинными рукавами он похож на профессионального парковщика. От него пахнет сигаретным дымом, и я надеюсь, что он взял в собой леденцы.

Я передаю ему свой телефон.

– Позвонили из лаборатории. ДНК в теле Уорнер принадлежит Коннору Моссу.

Его глаза расширяются:

– Такого я не ожидал.

Его нелегко удивить. Но в этот раз он потрясен не меньше, чем я.

– Да, я только что говорила с Сарой. И вот еще что, Монтроуз. Я зашла на «Фейсбук», пока ждала тебя, и Коннор есть у Софи в друзьях. И она писала на странице, куда поедет на выходные.

Он наклоняет голову, глядя на маленький, покрытый трещинами экран моего телефона.

– Они были знакомы? Как мы это упустили?

Не мы, а он, но я его не виню. Он ненавидит соцсети, потому что плохо в них разбирается.

– Не обратили внимания, бывает, – говорю я. – Но он знал, куда она отправилась. Не знаю, что между ними было, но что-то здесь явно не так.

Монтроуз кладет мой телефон на стол и пододвигает ко мне:

– Отличная работа, Ли.

Я улыбаюсь и встаю.

– Слушай, – говорит Монтроуз, пока мы идем по коридору к кабинету шерифа, чтобы ввести его в курс дела, – я был готов поклясться, что это Джим Койл.

– Я тоже. Надо поговорить с прокурором, чтобы получить ордер на арест.

Стоит мне выйти на пробежку, как кто-то зовет меня по имени. Это детективы из округа Мейсон Ли Хуземан и Зак Монтроуз. Я поворачиваюсь к ним и спустя долю секунды понимаю, что ничего хорошего меня не ждет. Мрачные лица. Пронзительные взгляды. Плотные сжатые губы.

На меня накатывает тошнота.

– Коннор Мосс, – говорит детектив Монтроуз, – поднимите руки над головой.

Я подчиняюсь.

– В чем дело? – спрашиваю я, хотя это и так очевидно.

Кристен, как раз собиравшаяся на работу, распахивает дверь.

– Что происходит? – восклицает она.

Детектив Монтроуз велит мне сложить руки за спиной, и я так и делаю, дрожа от волнения.

– Я адвокат, – говорит Кристен.

– Мы в курсе, – отзывается детектив Хуземан, бросая взгляд на своего напарника.

Кристен не отступает:

– Что вы здесь делаете?

Они не обращают на нее внимания.

– Коннор Мосс, – говорит детектив Хуземан, – вы арестованы по подозрению в убийстве.

Они зачитывают мои права. Я вспоминаю прошлый раз, когда слышал эти слова: после той аварии в Южной Калифорнии. С тех пор я ни разу в жизни даже скорость не превышал. Я никогда не утаиваю чаевые. Плачу даже больше налогов, чем следовало бы. Я соблюдаю дух и букву закона, потому что раскаиваюсь в том, что натворил. Я не злюсь, что судимость изменила всю мою жизнь. Я сам в этом виноват. Я никогда, ни разу в жизни, не пытался отрицать свою вину.

Когда на моих запястьях защелкиваются наручники, я чувствую, как кровь отливает от моего лица. Я бегаю почти каждый день. Два раза в неделю тягаю грузы в спортзале. Я работаю в ресторане и

прекрасно разбираюсь в здоровой пище. Но сейчас, стоя в шортах и футболке со скованными руками, я думаю, что вот-вот потеряю сознание прямо перед детективами и моей женой.

– Я ни в чем не виноват, – говорю я.

– Ни говори не слова. Я возьму сумку и поеду следом.

Это Кристен. Она стоит прямо за детективами. Говорит спокойным и размеренным тоном, и ее голос меня успокаивает. Она меня знает. Она знает, что я ни за что не стал бы причинять кому-то вред.

Они называют ее имя.

Софи Уорнер.

Мои глаза наполняются слезами, и происходящее затягивает меня, как водоворот. Как ни странно, я не стыжусь своих эмоций. Я позволяю себе заплакать. Я погружаюсь все глубже. Я беспомощен. Я не контролирую происходящее. Мое зрение затуманивается, но я по-прежнему вижу Кристен. Ее губы движутся, она говорит, что все будет в порядке. Почему-то ее эмоции не совпадают со словами, которые она произносит, как в старом японском фильме с английским дубляжом. Что-то не так. Может быть, она вспоминает выходные на Худ-Канале. Может быть, она увидела меня в новом свете.

Когда мы впервые встретились, она думала, что в душе я хороший человек, пусть и надломленный.

– Вы ошибаетесь, – говорит Кристен детективам. – Это не Коннор. Он ведь и мухи не обидит.

Они сажают меня на заднее сиденье машины, и я снова мельком вижу лицо Кристен.

Я пытаюсь понять, считает ли она, что я виноват.

Я пытаюсь понять, виноват ли я.

* * *

Перед следующей встречей с Кристен проходит несколько часов. У меня сняли отпечатки пальцев, а потом меня раздела, обыскала и сфотографировала пара помощников, глядевших на меня, как на насекомое. Мужчина в изоляторе предложил отсосать мне, когда охранник отойдет. Я отказался. Теперь я неподвижно сижу на лавке,

пока надо мной кружит фруктовая мошка. Я не отгоняю ее, потому что знаю, что она лучше меня. Я старался быть хорошим человеком, но на самом деле я всего лишь обманщик. Я лгал жене. Спал с Софи Уорнер. Это была сознательная измена. Я не могу утверждать иначе. Можно было бы придумать оправдание, но Бог знает, что я совершил. Бог знает, что я предал женщину, которая любит меня всем сердцем, которая отчаянно хочет завести со мной семью.

Я спал с Софи. Но дело не только в этом. Я влюбился. Мы любили друг друга.

Они приводят меня в комнату для свиданий, где сидит Кристен. Похоже, она не поехала за мной сразу, а задержалась, чтобы переодеться. Она не накрутила волосы – обычно она делает так, когда ей лень мыть их и укладывать. По субботам. Но сейчас не суббота. Не знаю, почему я думал, что она все это время простояла у дверей тюрьмы, убеждая полицейских, что я невиновен.

Я сажусь напротив нее. Охранник закрывает дверь.

– Мне очень жаль, – говорю я.

Она не отрывает глаз от стола между нами.

– Я здесь не как твоя жена, – говорит она.

Я думаю, что ослышался:

– Я не понимаю.

– И твоим адвокатом я тоже быть не могу.

– Кристен, что происходит?

Она смотрит на меня. Нет, *сквозь* меня. Я вижу, как покраснели ее глаза. Она трет руки, и я слышу, как тяжело она дышит. Меня это тревожит.

Мое сердце начинает биться сильнее:

– Ты в порядке?

Она качает головой:

– Ты всерьез спрашиваешь меня об этом?

Ее взгляд становится острым, как копье, которое она направляет прямо на меня.

– Я не понимаю, – говорю я, озираясь по сторонам, будто кто-то здесь сможет мне помочь.

На лице Кристен нет ни тени эмоций.

– Ты изнасиловал и убил ту женщину, – говорит она ледяным тоном. – Полиция нашла ДНК. *Твою* ДНК.

– Они ошибаются, – я пытаюсь найти слова, чтобы ее разубедить. – У них не может быть моей ДНК.

– Коннор, – говорит она, – хватит. Просто хватит. Перестань лгать, довольно. Они не могут заставить меня давать против тебя показания: мы женаты. Это играет тебе на руку. Я не стану говорить им про кровь на постели. Но прекрати мне лгать. Ты изнасиловал ее.

– Я не делал этого, – говорю я. – Я бы никогда этого не сделал. Ты же меня знаешь, Кристен.

– Думала, что знаю, Коннор. Я действительно в это верила, – она замолкает и делает глубокий вдох. – Но я совершенно тебя не знаю.

Я встаю и наклоняюсь над столом. Мне хотелось бы верить, что все это не вправду. Но я чувствую, как тяжело бьется сердце у меня в груди.

Я жив. Это не сон.

– Почему ты это говоришь? – спрашиваю я.

– Сядь, Коннор, а не то придет охранник.

Я сажусь и начинаю умолять:

– Ты должна мне поверить.

Кристен поднимает руку, приказывая мне замолчать.

– Я верю доказательствам, Коннор, – говорит она. Ноль эмоций. – В теле жертвы нашли твою сперму. Это факт. Этого достаточно, чтобы вынести обвинительный приговор. Может быть, ты действительно ничего не помнишь. Не знаю, возможен ли такой провал в памяти. И, честно говоря, я просто не могу в него поверить.

– Ты же меня знаешь, Кристен.

– Ты мне лгал. Ты всем лгал. Разве не так?

– Нет, не так, – говорю я, словно играя в какую-то нелепую детскую игру.

– Ты знал Софи Уорнер, верно? Разве это не так?

Услышать это из ее уст – настоящий шок, словно удар отбойным молотком по груди.

– Я ее не убивал.

– Улики говорят обратное.

– Я любил ее, – говорю я. – Я бы не стал ее убивать.

Не стоило этого говорить. Я моментально осознаю свою ошибку. Мои мысли путаются.

Кристен начинает терять над собой контроль. Я вижу это по глазам. По сжатым рукам. Ей больно, и она злится.

– Заткнись, Коннор, – говорит она. – Не смей говорить мне этого. Никогда. Не помню, когда я впервые узнала о твоей измене, но это было давно. Эта мысль и сейчас преследует меня. Я думаю, почему мы вообще поехали в тот коттедж. Ты, должно быть, выслеживал ее.

– Неправда, – говорю я. – Это была твоя идея.

Она отмахивается от моих слов:

– Я такого не помню. Зато прекрасно помню кровь на простыне. И все твои нелепые оправдания, когда ты пытался скрыть, что делаешь на самом деле. И с кем. Потом что-то пошло не так, Коннор. Она тебя бросила. Ты разозлился. Отомстил ей. Но я не позволю утянуть себя за тобой.

Мой голос надламывается:

– Я бы ни за что этого не сделал.

– Послушай, – говорит Кристен наконец. – Я буду на твоей стороне. Буду тебя поддерживать. Найду лучшего адвоката в Сиэтле. Сделаю все, что смогу, чтобы спасти твою жизнь. Но ты должен поступить правильно. Прекрати вести себя как сопливый мальчишка. Возьми яйца в кулак.

Спаси мою жизнь? Я не понимаю, о чем она говорит.

– Я тебя не узнаю, – говорю я. Это правда. Она стала жесткой, как камень. Ее холодный взгляд пронзает меня насквозь.

– Прокурор округа Мейсон сказала мне, что будет настаивать на смертной казни, Коннор. Мы ведь этого не хотим, так?

Я ничего не говорю, потому что не могу даже вдохнуть.

– Ты признаешь вину. Вот что ты сделаешь.

– Я никого не убивал.

– Они нашли твою ДНК, и у тебя нет алиби, Коннор. Тебе грозит игла в вене.

– Но мое алиби – это ты.

Она резко опускает голову либо потому, что я не слушаю ее, либо потому, что не понимаю.

– Разве? Я не знаю наверняка, где ты был, Коннор. И в отличие от тебя, я не могу лгать в зале суда.

После нескольких неудачных попыток дозвониться до Адама я оставляю ему голосовое сообщение. Я могла бы рассказать все позже, приехав в коттедж, но мне показалось неправильным оставлять его в неведении. Я хотела сказать, что никогда не верила в его вину, с самого момента, как увидела его у бетонной дамбы на берегу Худ-Канала.

Я рассказываю про ДНК Коннора Мосса и про его арест. Я тщательно слежу за тоном. Конечно, в душе меня переполняет ликование. Но человек, которому я звоню, успел сильно настрадаться за это время. Радость и облегчение – не одно и то же.

«Мне очень жаль, что тебе пришлось через столько пройти, Адам. Мне действительно очень жаль. Я надеюсь, у вас с Обри все хорошо. Скоро увидимся».

Я смотрю в окно. Снаружи зеленеет сливовое дерево. От жары листья побурели по краям. *То самое дерево.* Те самые ветви. В тот день, когда Адам меня нашел, мы с ним оказались навсегда связаны. Теперь я понимаю, что мои чувства к нему были ошибкой. Я – всего лишь девочка из Шелтона. А мальчик из Шелтона начал новую жизнь в Сиэтле.

Я протягиваю руку к чашке с кофе.

– Проголодалась?

Это Монтроуз.

– Ага, – говорю я. – Ты поведешь.

Он кивает, и мы едем в мексиканский ресторанчик на четвертой улице, в котором я хотела побывать с самого его открытия в выходные на День поминовения.

Я замечаю, как Монтроуз сжимает руль.

– Руки стали меньше дрожать, – говорю я.

Он улыбается в ответ:

– Ага, новые таблетки. Вылечиться полностью невозможно, но можно замедлить прогрессирование. Давно ты знаешь?

– Довольно давно, – отвечаю я.

Он не просит, чтобы я сохранила его болезнь в тайне.

Он знает, что может мне доверять.
Доверие в жизни превыше всего.

Сама не знаю почему, но я надела новое платье, которое купила онлайн прямо перед убийством Софи. Модницей меня не назовешь. В Шелтоне это и не нужно. Платье сшито из хлопка и украшено милым цветочным принтом. Совсем не старушечье. В «Инстаграме» я видела Крисси Тейген в похожем платье. Я стараюсь не думать о том, что оделась сексуально, потому что я имела в виду вовсе не это. Честно говоря, я вообще редко чувствую себя сексуальной. Я не уродлива, но и не сногшибательна. Стараюсь следить за собой. Занимаюсь спортом. Правильно питаюсь. Неброско, аккуратно крашусь по будням. В выходные не крашусь совсем.

Но сегодня я делаю исключение. Это не праздник. Коннору Моссу еще не вынесли приговор. Но мне все-таки кажется, что его арест – первый шаг к тому, чтобы Адам смог исцелиться.

Он добьется того, чего не добилась я с Альбертом Ходжем, – справедливости.

Заводя мотор, смотрю на свое отражение в зеркале заднего вида. Я выгляжу весьма неплохо. Хотя сама не знаю почему. По дороге я слушаю кантри: любовь, утраты и грузовики на пыльных дорогах. Солнце отражается от поверхности Худ-Канала, и я надеваю солнечные очки. Я знаю, что Адам Уорнер никого не убивал. ДНК в теле Софи это доказывает. Мы с Монтроузом были вынуждены допросить его по долгу службы, но теперь я понимаю, что ценой нашего усердия могли стать важные для меня отношения.

Прибыв к месту назначения, я вижу Адама в лодке. Он уплыл примерно на пятьдесят ярдов от берега, к белым буйкам. Я подхожу к бетонной дамбе, на которой сидела Софи в последние минуты своей жизни, и думаю, что она видела своего мужа с того же ракурса, с которого сейчас вижу его я. Кажется, он меня еще не заметил, так что я сажусь и наблюдаю.

Похоже, он решил не ждать: он высыпает ее прах за борт. Я не возражаю. Ветерок развеивает часть праха по зеркальной поверхности, но большая часть падает прямо в воду. У меня на глаза наворачиваются

слезы. Представить себе не могу ничего более личного, более одинокого, чем это прощание. Кажется, будто я подглядываю за тем, чего не должна была видеть. Он поднимает голову и смотрит на меня; я машу в ответ.

Проведя последнее, священное мгновение со своей женой, Адам начинает грести к берегу.

– Привет, – говорит он, выходя из лодки на мелководье.

– Прости, – говорю я. – Кажется, будто мне не следует здесь быть.

Он грустно улыбается. Пытается меня успокоить, но я знаю, что его улыбка неискренна. Он горюет всем сердцем. Его глаза не лгут.

– Все в порядке, – говорит он, ставя на песок пустую алюминиевую урну. – Я хотел, чтобы ты приехала. У меня сейчас никого больше нет. Ни одного друга, который мог бы понять.

– У тебя есть дочь, – напоминаю я.

Он вытаскивает лодку на берег и поднимает опустевшую урну.

– Да, – говорит он, – есть.

– Мы поймали его, Адам. Он за все поплатится.

– Ее убийца был прямо здесь, – говорит он. – Не какой-то случайный маньяк, не кто-то, кто проследил за ней от супермаркета. Он был здесь, через коттедж.

– Да. ДНК не может лгать.

– Я хочу увидеть этого ублюдка. Мне бы хотелось его убить.

– Его отправят в тюрьму. Так положено.

Адам слегка пожимает плечами, и я следую за ним к коттеджу. Он предлагает мне холодного чая или пива.

– Может, потом, – говорю я.

Мы долго смотрим на воду. Не поднимаем никаких тяжелых тем. Не обсуждаем Коннора. Это слишком мерзко. Вместо этого мы просто смотрим на птиц. По бухте плавают каякеры. Безмятежный момент нарушает смех детей из соседнего коттеджа, раскачивающихся на свисающем с дерева канате. Но это хороший, жизнеутверждающий звук. Стоит прекрасная солнечная погода. Это место кажется мне лучшим в мире, хотя я бы не отказалась изменить обстоятельства, которые привели меня сюда.

– Ты не голодна? – спрашивает он.

Я не завтракала и не обедала, так что практически умираю с голода.

– Не отказалась бы перекусить, – говорю я.

Он встает:

– Давай съездим в “Хама-Хама”.

– Хорошая идея, – соглашаюсь я. – Сто лет там не была.

Мы садимся в его машину, и пустое детское кресло напоминает мне о его дочери.

– Обри осталась с родителями Софи?

Адам бросает на меня беглый взгляд и качает головой:

– Ни за что. Она с няней. Сегодня я не вынес бы общения с Фрэнком и Хелен.

* * *

Ресторан «Хама-Хама», специализирующийся на устрицах, открылся несколько десятков лет назад. Он подкупает своей аутентичностью. Сюда ходят и местные, возжаждавшие полакомиться устрицами, и туристы, считающие это заведение одной из главных достопримечательностей Худ-Канала. Мы с Адамом заказываем устриц двух видов: жареных и в раковинах. Я не то чтобы без ума от устриц, но они неплохо сочетаются с холодным пивом.

Мы сидим напротив друг друга за столом для пикника. Мы не обсуждаем дело. Мы словно о нем забыли. Вместо этого мы говорим про его семью. Про мою семью. Смеемся над детскими воспоминаниями.

– Трудно поверить, что мы действительно играли в футбол жестяной банкой, – говорит он.

– Да уж, – соглашаюсь я. – Шли девяностые, но Шелтон будто застрял в сороковых.

Он спрашивает, встречаюсь ли я с кем-то. Меня этот вопрос не смущает. Мы просто пытаемся восполнить пробелы, возникшие с тех пор, как он уехал из Шелтона.

– Уже нет, – говорю я. – Встречалась с парнем, которого встретила в полицейской академии в Бериене. Мы расстались, когда он нашел работу в Месе. Я не переношу жару.

– Настоящая северянка.

Я делаю еще глоток пива.

– Так и есть.

Он рассказывает про свои карьерные планы, про то, что он опубликовал свое резюме, но пока не получил достойного предложения.

– Боюсь, что деньги скоро кончатся, – говорит он. – Не хотелось бы тратить пенсионные накопления, но, похоже, другого выхода не будет.

Я знаю, что жизнь Софи была застрахована, но деньги наверняка кончатся быстро, когда ты живешь в большом городе и воспитываешь ребенка.

– Наверное, найти руководящую должность нелегко, – говорю я.

Он кивает:

– Нелегко найти подходящую.

Когда мы возвращаемся к машине, солнце уже клонится к горизонту. Я чувствую легкое опьянение. Сесть за руль я смогу не скоро.

– Я рада, что приехала повидать тебя, – говорю я, когда мы пересекаем мост Лилливаап.

– Я тоже, Ли. Встреча с тобой – единственный положительный момент в этом безумии.

– Мне жаль, что вам с Обри пришлось через столько пройти.

– Спасибо, – отвечает он.

– Действительно жаль.

– Я знаю, Ли.

Когда мы возвращаемся в «Глицинию», то садимся в те же самые деревянные кресла на террасе. Атмосфера изменилась. Ветерок утих. Ушли дети из соседнего коттеджа. Повисла тишина. Мы с Адамом одни.

– Думаю, мне не стоит садиться за руль, – говорю я.

– Не страшно. Давай просто посидим.

Ли слишком много выпила; я не могу отпустить ее в Шелтон в таком состоянии. Я чувствую, будто должен оберегать ее даже спустя все эти годы. Связь между нами дает о себе знать.

Я приношу из кухни еще пару бутылок пива.

– Боже, – говорит Ли, – да я уже наполовину пьяна.

– От силы на четверть.

Она весело смеется, но все равно отказывается от пива.

– Ли, тебе лучше остаться на ночь, – говорю я, садясь рядом. – С твоей кошкой ничего не случится.

– Я что, так много говорю о своей кошке?

Я широко улыбаюсь:

– Все время.

Она корчит гримасу и наконец берет пиво.

– Извини, – говорит она. – Никогда не думала, что стану сумасшедшей кошатницей.

– И не стала, – говорю я. – Ты классная.

Она выпивает еще немного, и мы вместе сидим на террасе, наблюдая, как проплывает мимо пара каякеров. Где-то плещется морской котик. Я думаю о прахе, который высыпал из урны; может быть, течение унесло его далеко в океан, а может быть, частички Софи уже вынесло на берег у коттеджей.

Не знаю, о чем думает Ли. Но, надеюсь, теперь она видит настоящего меня.

Когда начинает смеркаться, я ставлю в духовку замороженную пиццу, и мы съедаем ее снаружи, где понемногу холодает. Мой телефон вибрирует, и я читаю сообщение.

– Катрина пишет, что Обри уснула без проблем, – говорю я.

– Отлично, – говорит Ли. – Я думала, здесь плохая связь.

– Тебе же я смог написать, верно? Но связь действительно так себе. Без вайфая было бы вообще невозможно связаться с внешним миром.

Она допивает пиво, и я спрашиваю, не хочет ли она попариться в сауне.

Ли колеблется:

– У меня нет купальника.

– Я тоже ничего не взял, – говорю я, – но владелец оставил большие полотенца. Ну же, тебе это пойдет на пользу. Выведешь токсины из организма.

– Думаешь, во мне так много токсинов? – спрашивает она с улыбкой.

Я качаю головой.

– Нет. Ты выглядишь прекрасно.

Я включаю сауну, чтобы дать ей время прогреться. Потом даю Ли полотенце и провожаю в маленькую комнатку у кухни, чтобы она могла переодеться. А сам переодеваюсь в спальне. Спустя несколько минут мы уже сидим на кедровых скамейках, наслаждаясь исходящим из топки жаром.

Я рассказываю Ли про нелегальную торговлю спиртным на Худ-Канале во времена сухого закона. Про то, что в этом коттедже даже была тайная пивнушка.

Ли замечает маленькую дверцу в стене возле топки:

– А это для чего?

– Ничего особенного, – говорю я. – В таких старых домишках много проходов.

Ли слегка пинает дверцу ногой и улыбается. На мгновение атмосфера будто меняется. Я не ожидал такого развития событий, но я вижу, как Ли на меня смотрит.

Вокруг царит непроглядная темнота. Где-то тикают незнакомые мне часы. На мгновение я не могу вспомнить, где нахожусь, и пытаюсь нашарить рядом Миллисент. Но ее нигде нет.

В соседней комнате спит Адам Уорнер.

Я раздета и лежу под пуховым одеялом.

Он спит. А я – нет.

Я напрягаюсь, и мое сердце начинает биться быстрее. Я в коттедже на Худ-Канале. Я приехала, чтобы поддержать Адама. По крайней мере, я так думаю. Я вспоминаю вчерашний день. Прах. Устрицы. Пиво. Я не помню, что произошло после сауны.

Я не помню, как оказалась на диване голой. Адам похрапывает в соседней комнате. Я слишком много выпила, но не настолько, чтобы отрубиться. В ресторане у меня слегка закружилась голова, а потом, после ужина, закружилась еще сильнее. Может, все дело в сауне? Я потеряла сознание от жара, и Адам отнес меня сюда?

Стараясь не шуметь, я одеваюсь и выхожу через заднюю дверь. Сейчас для этого не время. Я завожу мотор и тихо, как только могу, отъезжаю от темных вод канала.

Все будет в порядке. Это не худшее, что могло произойти. Хотя я даже не знаю, что произошло.

Мой телефон мигает.

Мои вены наполняет адреналин. Адам прислал мне сообщение: *«Привет. Ты уехала. Надеюсь, все в порядке. Кстати, между нами ничего не было. Я вел себя как настоящий джентльмен».*

Я облегченно вздыхаю.

Я знаю, что это правда.

Солнечным субботним утром через месяц после ареста Коннора я отправляюсь в ресторан «Сестра» на Рэйлроуд-авеню, куда всегда хожу по субботам. Конечно, сестры у меня нет. Но у меня есть кошка, которая считает себя человеком; думаю, это адекватная замена. Как бы то ни было, я, как и всегда, заказываю омлет со швейцарским сыром и грибами и цельнозерновой тост с малиновым джемом. В ожидании, пока Диана, моя официантка, принесет еду, я пью кофе и размышляю о прошлом. Раз за разом проигрываю в голове одни и те же ситуации. Удивительно, что мне вообще удастся двигаться вперед, когда столь многое привязывает меня к прошлому. Я как муха, прилипшая к клейкой ленте. Мне удалось выжить там, где Кэти Райнхарт и Софи Уорнер погибли. Я живу полной жизнью – по крайней мере относительно полной, – в то время как от них остались только прах и воспоминания. Я редко думаю об убийцах; вместо этого я представляю, что сейчас делали бы их жертвы.

Кэти, наверное, пошла бы прогуляться. Может, у нее уже была бы своя семья. Софи читала бы Обри вслух и рассказывала бы ей смешные истории про папу. Моя мама так делала. Дразнила отца, а он ей подыгрывал, когда она говорила, что папа убил медведя на Аляске, а он помог мне отрыть во дворе медвежий клык. Однажды мама сказала, что папа летал на Луну, и он вывел меня во двор и показал следы, которые оставил на лунной поверхности. Я довольно быстро поняла, что это просто игра, но все равно любила ее.

Когда Диана уходит, я замечаю за одним из соседних столиков Дэна Белдинга-младшего. Дэн на два года старше меня. Я помню, как Кип и Адам дразнили его мальчиком на побегушках. Теперь, конечно, подобное считается травлей. Тогда все просто смеялись.

По крайней мере мой брат и Адам смеялись.

Не уверена, что Дэну было смешно.

– Привет, – говорит он. – Ты здесь одна?

Я улыбаюсь:

– Как и всегда.

– Не против, если я присоединюсь?

Не думаю, что он ко мне подкатывает, так что я жестом приглашаю его за свой стол. Дэн – хороший парень. Действительно смог добиться чего-то в жизни.

– Прости, что не заглянула, когда ты вернулся в Шелтон, – говорю я.

Дэн слегка поводит плечами:

– Я не мог не вернуться. В венах – опилки вместо крови, сама понимаешь.

– Как и у меня, – соглашаюсь я. – В общем, с возвращением тебя.

Диана замечает, что Дэн пересел, и приносит его заказ. И подмигивает мне. Она неправильно все поняла, но я ее не поправляю. Затем она приносит и мой омлет.

– Должно быть, ты рада, что дело Софи Уорнер благополучно разрешилось, – говорит Дэн.

Я не могу понять, пытается ли он подколоть меня насчет убийства Райнхарт или говорит искренне. Я выбираю второй вариант, поскольку это больше похоже на мальчика, которого я помню.

Я съедаю кусочек омлета и разглядываю малиновый джем.

– Я всегда рада, когда удастся поймать преступника, – говорю я.

Он смотрит на меня, потом оглядывается по сторонам.

– В чем дело, Дэн?

Я замечаю, что на лбу у него выступил пот. Возможно, все дело – в остром соусе, которым он полил свою яичницу, но, с другой стороны, он давно должен был привыкнуть к вкусу.

– Адвокатская тайна, – говорит он. – Ненавижу это правило.

Я намазываю джем на тост и даю Дэну подумать о том, что он хочет мне рассказать. Я вне себя от волнения, но не показываю этого. Дэн что-то скрывает, но отчаянно желает со мной поделиться.

Прямо сейчас.

– Да уж, – говорю я. – Я тоже от него не в восторге. Я понимаю, зачем нужна адвокатская тайна. Но от нее случается немало вреда.

– Верно, – говорит он, разглядывая яичницу в своей тарелке.

Я слегка давлю:

– Да ладно тебе, Дэн! Мы же знаем друг друга с детства.

Это правда, пусть и с натяжкой. Я относилась к Дэну Белдингу-младшему так же, как мой брат. Я не издевалась над ним. Я бы никогда

ни с кем так не поступила. Но, должна признать, я смеялась над шутками про мальчика на побегушках.

В уголках рта у Дэна скопился яичный желток, но я ничего не говорю. Стараюсь не смотреть.

– Ладно, – говорит он, опуская вилку. – Не думаю, что это такое уж большое нарушение.

– Хорошо, – говорю я.

Он смотрит на меня в упор. Пронзительно, не мигая.

– Один из наших одноклассников пришел ко мне после смерти жены, – говорит он.

Мне нет нужды уточнять, о ком идет речь. Я подыгрываю Дэну.

– Как интересно, – говорю я.

– Я не могу сказать, кто именно, – добавляет он.

– Да, понимаю. Это было бы нарушением адвокатской тайны.

– Пожалуй, – говорит он. – Да. Хотя на самом деле он меня не нанимал.

– Значит, адвокатская тайна на него не распространяется?

– Как я и сказал, это довольно неловкая ситуация, – говорит Дэн. – Все-таки он пришел за юридической консультацией.

Диана приносит нам еще кофе. Двадцать пять лет на этой работе, но она всегда приходит невовремя. Мы молчим, пока она разливает кофе по чашкам.

Мое сердце сжимается, и я сама не знаю почему. Дэн по-прежнему молчит, и я спрашиваю:

– Будем играть в “Горячо-холодно”, Дэн?

Я не злюсь на него. Просто пытаюсь понять, куда заведет наш разговор. Дэн явно хочет рассказать мне что-то важное. Это не просто сплетни об общем знакомом.

Он опускает вилку:

– Адам пришел ко мне по поводу удочерения.

Я чуть было не говорю «мой Адам».

Но сдерживаюсь:

– Адам Уорнер?

– Ага.

– Я не знала, что они с Софи хотели вторую дочь, – говорю я шепотом, потому что знаю, что у старика за соседним столиком

невероятно острый слух. В Шелтоне сарафанное радио работает быстрее, чем беспроводная связь.

На лице у Дэна застыло абсолютно непроницаемое выражение. Понятия не имею, о чем он думает, сидя напротив и обдумывая мой вопрос.

– Как я и сказал, это были не мистер и миссис, – говорит он, – а один Адам. После того, как его жену убили.

Я не понимаю. То, что он говорит, не укладывается в голове.

– Он объяснил свое решение?

– Да. Сказал, что для него это слишком большая ответственность.

Какая-то бессмыслица.

– Тогда с какой стати он захотел взять второго ребенка? – спрашиваю я.

Дэн опускает взгляд и трет лоб:

– Ты хочешь, чтобы я сказал прямо?

Я дожидаюсь, пока он посмотрит мне в глаза:

– Потому что ты ничего мне не говоришь. По крайней мере ничего внятного. Ну же, Дэн!

– Он хотел отдать свою девочку на удочерение.

Я потрясена:

– Обри?

– Да.

– Флиннам? – уточняю я.

Он качает головой:

– Нет. Он хотел передать ее для частного удочерения и не Флиннам. Я сказал ему, что они наверняка подадут в суд и добьются как минимум прав на посещение, а может, и опеки.

Я не говорю этого вслух, но в голове у меня вертится одна мысль: *и это Адам Уорнер, которого я знаю?*

– Что случилось?

Дэн отодвигает тарелку и, к моему облегчению, вытирает губы.

– Он так и не вернулся. Я решил, что он успокоился и передумал. Может, не решился довести дело до конца. Горе и потрясение заставляют людей творить странные вещи.

Диана приносит каждому из нас счет. Я молча достаю из сумки кошелек, пока Дэн ищет свою кредитку.

– Я просто подумал, что это странно, – говорит Дэн, когда мы встаем, чтобы расплатиться.

– Не то слово, – говорю я.

– Увидимся, – говорит он, когда мы направляемся к выходу.

– Добро пожаловать домой, Дэн. И спасибо. Наверное.

Он на пару секунд заключает меня в объятия.

– Ты мне всегда нравилась, Ли, – говорит Дэн. – Может, еще увидимся.

– Мы живем в маленьком городе, – удивленно говорю я, делая шаг назад. – Наверняка увидимся.

* * *

Всю первую половину дня я пытаюсь разобраться со своим нехитрым списком дел. Растения у меня в саду преждевременно зацвели из-за жары, так что я решаю высадить на их месте маргаритки и васильки, лучше приспособляющиеся к летней погоде. Моя мама всегда любила сочетать белые и синие цветы, и я переняла у нее эту привычку. Я покупаю в цветочном магазине два ящика с рассадой и возвращаюсь домой. В саду я начинаю выкапывать старые растения и сажать новые. Машу рукой новым соседям напротив – их дети резвятся под брызгами из оросителя. Я так занята своими мыслями, что даже не улыбаюсь в знак приветствия. Детский смех мне досаждал.

Я все время думаю о том, что сказал мне Дэн в ресторане. Никак не возьму в толк, с какой стати Адаму отдавать Обри в приемную семью? Он казался мне таким заботливым отцом. Так яростно защищал Обри от Флиннов.

Когда я захожу в дом, письмо от Коннора Мосса притягивает меня, словно магнит. Я открыла его и отложила в сторону: собиралась принести на работу, чтобы приобщить к расследованию, которое теперь закрыто. Налив себе стакан воды, я сажусь за стол. Миллисент тут же запрыгивает мне на колени, выпрашивая поглаживания. Письмо было отправлено через несколько недель после того, как Коннора отправили за решетку, вынеся приговор. Весь процесс занял гораздо меньше времени, чем обычно, словно системе не терпелось проглотить

его. Письмо написано подрагивающей рукой. Я гадаю, что это значит. Коннор нервничал? Боялся? Терзался отчаянием? Наверное, и то, и другое, и третье.

*«Детектив Хуземан,
я хотел сказать вам, что, хотя я и сознался в
этом ужасном преступлении, я не верю, что
действительно его совершил. Я не такой человек. Я
знаю, что скоро все вернется на круги своя, и меня
забудут. Я стану еще одним убийцей и
насильником, понесшим заслуженное наказание. Я
не знаю, откуда взялись доказательства моей вины,
но я никогда не стал бы убивать Софи. Я любил ее!
Она родила мне дочь. Я хочу, чтобы вы это знали.
Следовало сказать это на суде перед вынесением
приговора, но я по-прежнему был в шоке. До
свидания.*

Искренне ваш,

Коннор Мосс».

Я почесываю Миллисент под подбородком и кладу письмо обратно в конверт. Она мурлычет, как бензопила.

— Прости, Милли, — говорю я, осторожно опуская ее на пол, — но тебе придется какое-то время обойтись без меня. Я отправляюсь в тюрьму.

Многие думают, что хорошо знакомы с неволей.

Школа была для меня тюрьмой.

Начальник приковал меня к рабочему месту.

Этот брак стал для меня ловушкой.

Я как будто пленник.

На самом деле ничто не похоже на тюрьму. Ничто не похоже на тот звук, который издает тяжелая дверь, когда охранник нажимает на кнопку. Хотя это учреждение и обеспечивает значительную часть рабочих мест Шелтона, на меня тяжело давит мысль о месте, из которого невозможно сбежать.

Коннор Мосс сидит в комнате, которую адвокаты и представители закона используют для встреч с заключенными. Он похудел фунтов на десять. Может, на пятнадцать. Он осунулся, но, когда охранник пускает меня внутрь и я подхожу к столу, за которым он сидит, что-то загорается у него в глазах. Он истощен, но чувствует облегчение.

– Я не думал, что кто-то ко мне придет, – говорит он.

– После вашего письма я не могла не прийти, – говорю я.

– Я вам признателен.

Он сложил руки, и, когда он вздыхает, цепи, пристегивающие его наручники к поясу, со звоном ударяются о металлическую поверхность стола.

– Я не уверена, зачем я здесь, – говорю я.

Он кивает.

– Ваше присутствие, – говорит он, – дарит мне надежду. Я невиновен. Я ее не убивал. У меня нет доказательств, но я не мог ее убить.

– Это вы уже говорили, – соглашаюсь я. – Продолжайте. Я слушаю.

Он вздыхает.

– Думаете, если бы мне было, что добавить, я стал бы от вас скрывать? Я был в отключке. Я не помню, чтобы я нападал на Софи, и уж тем более чтобы я насиловал ее и прятал тело.

– Но вы это сделали, – говорю я.

Он мотает головой:

– Нет, я не мог этого сделать.

– Ладно. Хорошо. Давайте поговорим о том, что произошло. Вы помните хоть что-нибудь про те выходные, до гибели Софи?

– Я ее не убивал и знаю только то, что говорили в новостях.

– Ладно, – говорю я. – Расскажите, что вы делали.

Коннор наклоняется так близко, как только может.

– Во-первых, – говорит он, – я вообще не хотел туда ехать. Как бы мне хотелось, чтобы я туда не поехал. Но Кристен любит это местечко. Ее семья много лет останавливалась в «Лилии». Кристен нравится, что у этих коттеджей такая богатая история. А я бы предпочел на выходные съездить куда-нибудь, где нормально готовят и подают хорошее вино. В Уолла-Уолла, например.

– Да, там неплохо, – говорю я. – Но вы поехали к «осьминожьей дыре».

– Верно, – говорит Коннор. – Кристен настаивала. Она зарабатывает деньги в семье, так что последнее слово остается за ней.

– Вас это раздражает?

– Нет, – говорит он. – Просто так сложилось. Я люблю Кристен. Она много работает. Я тоже много работал. Но она зарабатывала в десять раз больше меня.

– Вернемся к вашей поездке, Коннор, – говорю я. – Вы уехали из Сиэтла вечером в пятницу.

– Да.

– Останавливались где-нибудь по дороге?

– Да, – отвечает он. – Мы заехали за едой и выпивкой. В мексиканский бар. Я выпил слишком много. Признаю, у меня проблемы с алкоголем. Все это знают. Я это и раньше понимал и уж тем более понимаю сейчас, оказавшись здесь.

– Это хорошо, – говорю я. – Что было потом?

– Мы остановились, чтобы зайти в магазин за текилой. Я не выходил из машины. Кристен сказала, что мы устроим вечеринку, будем пить шоты, что-то в этом духе. Говорю вам, мне не следовало больше пить. Меня тошнило и было не по себе.

– Значит, вы больше не пили?

– Кристен наполнила мою фляжку. Я пил всю дорогу.

– А что потом?

Коннор смотрит в потолок. По щеке у него стекает слеза, и он неловко пытается стереть ее скованными руками.

– Ничего, детектив. Совершенно ничего. Я был пьян. Я отрубился.

Я слышала, что иногда убийства совершают во сне, и мне всегда было жаль таких преступников. Но убийство спьяну – другое дело. В таких случаях меня не тянет прощать. Да, возможно, убийца действительно не осознавал, что делал; а может, он выпил для храбрости и совершил то, о чем всегда мечтал.

Я до сих пор не понимаю отношения между Коннором, Адамом и Софи. Я спрашиваю, знал ли он Адама.

Он отвечает отрицательно.

– Мы с ним никогда не встречались, – говорит он. – Однажды, когда родилась Обри, мы с Софи встретились в кафе «Сиррус», и она показала мне Обри. Я спросил Софи, не кажется ли ей, что Обри похожа на меня. Она согласилась, но потом начала утверждать, что на Адама она похожа не меньше. Мне было трудно в это поверить, так что Софи показала мне фото Адама на телефоне. Я не увидел никакого сходства. По-моему, Софи просто пыталась убедить в этом себя саму, чтобы спасти свой брак.

– Вы продолжили видеться? – спрашиваю я.

– Нет. Это была наша последняя встреча, – говорит он. – Единственный раз, когда я видел свою дочь. Софи была твердо намерена наладить отношения с мужем и сказала, что мне следует сделать то же самое с Кристен.

В комнату заглядывает охранник, и я жестом показываю, что у нас все в порядке.

– Что насчет ДНК? – спрашиваю я. – В ее теле нашли вашу сперму.

– В самом деле? – спрашивает он. – Мы с Софи уже очень давно не были вместе. Я бы не забыл что-то подобное, детектив.

– В самом деле, – говорю я. – Вы знаете, что это так.

– Вы уверены, что здесь нет никакой ошибки? Может, сперму подменили в лаборатории?

– В нашей лаборатории такого не делают, Коннор.

– А в других делают.

Я игнорирую это замечание и напоминаю Коннору о том, чего он уже не сможет изменить:

– Вы признали свою вину.

– Чтобы избежать смертной казни.

– Ну да, – говорю я. – Это было верное решение. Учитывая ваши отношения с Софи и вашу ДНК в ее теле, присяжные едва ли вас оправдали бы.

– Верное решение? – спрашивает он. – Я застрял здесь навсегда. Пожизненное заключение без права на освобождение. Я этого не вынесу. Я просто хотел все исправить. Хотел помогать людям. И посмотрите, к чему это меня привело.

– Вы же и здесь можете помогать людям, – говорю я.

Неудачная формулировка: прозвучало так, будто я пытаюсь его поддеть.

– Давайте не будем об этом, – говорит он. – Если здесь и есть люди, которым можно помочь, я их не встречал. Я работал официантом. У меня была жена. Я не торговал наркотой и никому не причинял вреда.

– Но вы убили Софи Уорнер.

– Серьезно? – говорит он. – С какой стати мне ее убивать?

– Не знаю, Коннор, – говорю я. – Может, она вас бросила? Вы хотели отомстить или что-то в этом духе?

Он смотрит на меня, не отрываясь.

– Она не бросала меня, – настаивает он. – Мы решили расстаться. Так было лучше для всех. Когда она сказала, что забеременела и хочет наладить отношения с мужем, я согласился.

Я не отступаю:

– Вы разозлились.

Цепи снова звенят о край стола.

– Мне было больно, – говорит Коннор. – Но я не злился. Просто расстроился. Я хотел стать отцом. Мы с Кристен так давно пытались завести ребенка.

– Но вы ей изменили.

– Да, вам это прекрасно известно, – говорит он. – Я этого не отрицаю. Я влюбился, хотя и пытался этому сопротивляться.

– Вы лгали своей жене, Коннор. Кристен умна. Но она поверила тому, что вы наговорили, чтобы скрыть свои отношения с Софи.

– Да, я лгал ей. Все лгут так или иначе.

Его голос дрожит. Я вижу, какого труда ему стоит сохранять самообладание.

– Все лгут, – повторяю я, чтобы заполнить паузу, пока Коннор Мосс пытается взять себя в руки.

– Я лгал Кристен. Софи лгала Адаму. Адам лгал Софи. Наверняка и вы кому-то лгали.

Я редко беру смены во время обеденной суеты, но тот день, когда в «Синюю дверь» пришла Софи Уорнер со своими коллегами, стал исключением. Шел дождь, и все четверо промокли до нитки. Софи смеялась и говорила, что такова цена жизни в Сиэтле.

– Сезон дождей, – сказала она.

Я взял у нее пальто.

– Который длится круглый год, – добавил я.

Она тепло улыбнулась в ответ, и между нами проскочила искра. Я это ощутил. Не знаю насчет Софи. Разве не у всех в жизни бывает такой момент, когда чувствуешь, как накаляется воздух между тобой и другим человеком?

Надеюсь, что у всех.

Вот в общем-то и все. Конечно, я подумал, что Софи очень красива. Когда я обслуживал их столик, она была приветлива и все время шутила, чтобы окружающим было более комфортно, в том числе обслуживающему персоналу. В Сиэтле это редкость. Софи расплатилась бизнес-картой «Старбакс». Она поблагодарила меня, когда я подал ей пальто, и ушла.

Через некоторое время ко мне подошел уборщик посуды.

– Компания за столиком у окна кое-что оставила, – сказал он, протягивая мне темно-зеленую папку с бумагами. Открыв ее, я увидел знакомый логотип с русалкой.

– Похоже, что-то важное, – сказал я. – Я позвоню.

Ее номер телефона нашелся на визитной карточке в папке. Софи была вне себя от облегчения, когда я рассказал про свою находку.

– Наверное, я положила ее на соседний стул, – сказала она. – Там целый месяц работы. Черт! Как я могла забыть?

Я сказал, чтобы она не волновалась. Папка в целости и сохранности.

– Хотите, я ее привезу? Моя смена кончается через час.

Она поблагодарила меня, но сказала, что пришлет кого-нибудь.

– Да не стоит, – сказал я. – Мне по дороге.

Я почувствовал, как она расслабляется.

– Вы уверены?

– Абсолютно, – сказал я. – Не волнуйтесь. Мне несложно. Я привезу.

Через час за приемной стойкой «Старбакса» мне сказали, что Софи занята. Я оставил для нее папку, мой рабочий телефон и записку. *Мне нравится второй вариант*, написал я про дизайны рекламной акции, которые увидел внутри. И нарисовал смайлик.

Я оставил номер телефона только ради того, чтобы она могла убедиться, что я позаботился о ее документах.

Я думал, что больше мы не встретимся. И меня это вполне устраивало. Но на следующий день Софи мне позвонила.

– Вы меня спасли, – сказала она. – Без шуток. В этой папке были замечания от моего директора по дизайну. Не знаю, как я смогла бы объяснить, что потеряла их.

– Понимаю, – согласился я. – Начальство лучше не злить.

– Вы же с ней не знакомы, – сказала Софи со смешком.

– Я знаю таких людей, – ответил я.

Я сказал, что рад был помочь, и Софи настояла на том, чтобы в благодарность угостить меня выпивкой на Пайонир-сквер. Я пытался бросить пить, но все равно согласился. Софи была так рада, и я действительно чувствовал, что между нами что-то есть.

Мика устанавливал в ресторане новую холодильную камеру, так что у меня выдался внеплановый выходной. Мы с Софи встретились без четверти семь и проговорили два часа. Она рассказала про свою работу. Я рассказал, что именно посетители иногда забывают в ресторане: подарки, телефоны и презервативы.

– Презервативы? – переспросила она. – Что у вас за ресторан такой?

– Это был особый случай, – сказал я с улыбкой.

И так далее. Мы не говорили про своих супругов, хотя обручальные кольца явно свидетельствовали об их наличии. Наша встреча не была похожа на первое свидание. Два часа пролетели как пять минут; мы болтали словно лучшие друзья, которые не виделись много лет.

Вот в чем дело: встретив Софи, я не перестал любить Кристен. Я любил ее всем сердцем. Мы хотели создать семью. И, несмотря на все

неурядицы и печали, я никогда не сомневался, что мы справимся. Кристен нуждалась в том, чтобы стать матерью. Я это понимал. Я плакал вместе с ней после каждой неудачи. Я обнимал ее по ночам, чтобы облегчить ее страдания. Я никогда не говорил, что мне тоже тяжело. Я не мог так с ней поступить. Не хотел говорить о собственных чувствах, когда она так тосковала.

Затем появилась Софи Уорнер. Прекрасная и веселая. На ее плечах не лежал тяжкий груз разочарований. Она всегда радовалась жизни. Она понимала меня с полуслова. Ее не волновало, что я всего лишь официант. Она видела настоящего меня. Не мою работу. Не мое прошлое. Только меня.

Когда мы впервые переспали, я вернулся домой, чувствуя себя ничтожеством. Кристен ждала меня, и я знал, что она, пусть и неосознанно, что-то подозревает. Мое предательство стало отравой. Я пытался понять, что будет лучше для Софи, для Адама, ее мужа из «СкайАэро», и для меня. Если мы с Софи – родственные души, то мы должны быть вместе, верно? Я даже просил Бога показать мне верный путь.

Бог не ответил. Это сделала Софи.

Мы встретились на нашем обычном месте на Пайонир-сквер.

Она начала плакать еще до того, как мы сели за наш обычный столик, где наверняка сидели и другие неверные супруги.

– Что такое? Ты в порядке?

Я подумал, что ее уволили с работы или ее муж обо всем узнал, или у нее нашли рак.

– Нет, – ответила она. – Не в порядке.

Она долго молчала. Когда к нам подошла официантка и Софи заказала содовую с лаймом, я догадался, в чем дело.

– Ты беременна? – спросил я.

Она уставилась на стол:

– Я узнала только сегодня утром.

Я был шокирован. Нет, серьезно.

Мы сидели в тишине.

– От меня? – спросил я наконец.

Она заправила прядь волос за ухо и отпила глоток содовой. Повертела в пальцах ломтик лайма.

– Я не знаю, – сказала она.

Как ни странно, ее ответ меня поразил. Она утверждала, что они с Адамом почти перестали спать в одной постели. Что он наверняка изменяет ей с кем-то с работы и ей на это плевать. Она говорила, что не хочет, чтобы до нее дотрагивался кто-то, кроме меня. Мы же были родственными душами! Да, я спал с Кристен. Но это был мой долг. Кристен хотела ребенка. Я пытался ей помочь.

А теперь...

Я заказал еще текилы.

– Что мы будем делать? – спросил я.

Я знал ответ еще до того, как она взяла меня за руку.

– Мы должны попрощаться, Коннор, – сказала она. – Пора положить этому конец.

У меня перехватило горло. Я едва мог говорить.

– Но я люблю тебя, – сказал я.

Она кивнула:

– Я знаю. Я тоже тебя люблю.

Все это казалось мне неправильным. Кошмарно неправильным.

– Это мой ребенок, – сказал я.

Как бы сильно я ни любил Софи, в тот момент я понял, что остался один.

– Я точно не знаю, – сказала она. – Но я не могу балансировать между нашими отношениями, моим мужем и ребенком. Мне этого не вынести, Коннор. Я приняла решение. Нам нужно расстаться.

Я понял, что вот-вот заплачу:

– Я не хочу тебя терять.

Но Софи была полна решимости. Не важно, чего я хотел и что я думал. Она намеревалась поступить так, как будет лучше для нее и ребенка.

Она наклонилась и поцеловала меня.

А потом встала и ушла.

Я не чувствую ни намека на притворство в рассказе Коннора про то, как они с Софи познакомились и сблизились. Он действительно ее любил. В этом не может быть сомнений. Я верю ему. Он не знает, что произошло с Софи, и не помнит, что делал, приехав в коттедж. Я повидала немало отменных и ужасных лжецов. Меня почти невозможно обмануть.

Но тайная ревность вполне может обернуться бушующим потоком. А когда в дело вступает алкоголь, последствия становятся непредсказуемы.

– Вы виделись с Обри лишь однажды? – уточняю я.

– Когда она была маленькой, – говорит он. – Да, всего один раз.

– И больше вы не общались с Софи?

– Ни разу. Ни звонков, ни писем, ни сообщений.

– Вы за ней следили? – спрашиваю я.

Он отодвигается от стола.

– Серьезно? Нет. Не следил. Она сказала, что между нами все кончено, и я смирился. Когда она сказала, что хочет показать мне дочку, я не стал возражать. Я не пытался с ней связаться.

– Коннор, – говорю я, – я не знаю, как вам помочь, и не знаю, следует ли вам помогать. Я верю, что вы ничего не помните.

– Слабое утешение, но спасибо вам, детектив. Приятно, что кто-то мне верит.

– Вы не одиноки, – напоминаю я. – У вас есть Кристен.

– Больше нет, – отвечает он. – Мы разводимся. Так будет лучше. Я признал свою вину, так что на освобождение можно не надеяться.

– Мне жаль, – говорю я. Это правда. Мне действительно жаль.

Он по-прежнему смотрит вниз:

– Мне тоже. Я разрушил собственную жизнь и ее утащил за собой. Может, теперь она будет счастлива. Я на это надеюсь. Она хороший человек.

Я вспоминаю, как потрясена была Кристен, когда мы приехали за ее мужем. Она выглядела прекрасной и сильной. Я ее пожалела. Она

юрист – и все время напоминает об этом, – а в этой профессии нужно сохранять самообладание в любых обстоятельствах.

– Этого не может быть, – говорила Кристен, пока мы арестовывали Коннора по подозрению в убийстве. – Он бы никогда этого не сделал. Мой Коннор и мухи не обидит.

Она поддерживала его все это время, хотя быть супругой осужденного убийцы наверняка было для нее крайне унижительно. СМИ неустанно обсасывали историю со всех сторон. Позднее Кристен подлила масла в огонь, рассказав, что подозревала об измене мужа.

– Я понятия не имела, что он встречается с Софи Уорнер, – рассказала она Линде Ландан в интервью перед тем, как Коннор признал свою вину, – но теперь это кажется настолько очевидным. Потому он и хотел поехать в тот коттедж. Я предпочла бы съездить куда-нибудь еще, но он настаивал. Наверное, планировал с ней встретиться.

Сидя напротив Коннора в этой холодной комнате, я не знаю, что ему сказать.

– Аксель Беккер видел вас, Коннор. Нельзя отмахнуться от свидетельских показаний. Он видел, как женщину похитили среди бела дня, пока ее муж и дочь ловили крабов.

– Знаю, – говорит Коннор, – но он не видел *меня*. Я спал в коттедже. Это мы собирались отправиться за крабами. Даже взяли с собой ловушки. Но я все испортил.

Он печально качает головой:

– Хотя с крабами все равно ничего не вышло бы.

– Почему?

– Мы узнали об этом только в воскресенье. Ловлю крабов запретили до июня. Развесили объявления рядом с лодками.

– Но Адам Уорнер с дочерью все равно отправился за крабами, – говорю я.

Он пожимает плечами:

– Решили нарушить закон. Так и на штраф можно нарваться. В Пьюджет-саунд к этому относятся серьезно.

Я киваю, потому что знаю, что это правда. Пытаюсь представить, как Адам игнорирует объявление, сажает в лодку Обри, складывает ловушки...

– Мне нужно идти, – говорю я Коннору.

– Так вы мне поможете? – спрашивает он.

– Не уверена, что это возможно, – говорю я, вставая и стуча по стеклу, чтобы привлечь внимание охранника.

– Спасибо, – говорит Коннор. – Спасибо, что пришли ко мне. Знайте, если я когда-нибудь выберусь отсюда, то постараюсь получить опеку над Обри или хотя бы добиться права на посещение. Она моя дочь.

– Вы не знаете этого наверняка, – говорю я.

– Знаю, – говорит он. – Я знал Софи лучше, чем кто бы то ни было. Она солгала, сказав, что Обри может быть дочерью Адама. Я уверен. Посмотрев Обри в глаза, я увидел себя самого.

Я стою на бетонной дамбе, смотрю на три лодчонки, которыми пользуются постояльцы коттеджей к югу от «осьминожьей дыры», и пытаюсь понять, зачем я приехала сюда в такой спешке. Что-то насчет крабов, лодок, привязанных цепями к доку, и объявления о запрете на ловлю.

Но Адам и Обри решили нарушить правила и отправились за крабами. Адам, увидев, что на его жену напали, начал изо всех сил грести к берегу. Вытащил лодку на берег, помог дочери вылезти, побежал искать Софи и звать на помощь, оставив Обри с милой пожилой женщиной по соседству.

Лодка по-прежнему была здесь, когда приехали мы с Монтроузом, – лежала на песке, завалившись на бок, прямо там, где оставил ее Адам.

Маленькая, пустая лодка. Внутри не было ни единой ловушки на крабов.

Может быть, дело в этом? Может, потому я спешно вернулась сюда? На тех выходных ловля крабов была запрещена и в лодке Адама не было ловушек. Возможно, он просто бросил их в воде, увидев, что Софи в беде.

Как идиотка, я гляжу на воду в надежде разглядеть ловушки, будто они могли пробыть на одном месте три месяца.

Я вздыхаю и отворачиваюсь. Смотрю на большой серый коттедж, где Софи Уорнер провела последнюю ночь своей жизни. От дамбы к «Глицинии» ведет тропинка, скрытая стволом старого кедра. Я гляжу на коттедж в середине, где ночевала Тереза Дибли со своими внуками, и думаю о том, что мальчик услышал что-то, проснувшись посреди ночи. Наконец я смотрю в сторону «Лилии». Моссы приехали поздно вечером накануне похищения.

Пользуясь отливом, я отхожу подальше, чтобы окинуть взглядом все сразу.

Поначалу я сама не знаю, что ищу, а потом вдруг замечаю.

На лужайке между коттеджами заметно небольшое углубление – оно проходит от «Глицинии» к «Хризантеме» и от «Хризантемы» к «Лилии». Водопровод? Нет, у каждого коттеджа есть своя скважина. Электричество подведено через шоссе наверху. Для канализации это неподходящее место. Участки ярко-зеленой травы обозначают места, где проходят дренажные трубы.

Я помню код на замке «Глицинии» – простое «1234», которое ввел на моих глазах Адам, когда мы вернулись из ресторана.

На пляже я вижу отца с двумя детьми, разыскивающими крабов под камнями. Я будто занята тем же самым.

Пусть вокруг и не видно машин, я все равно стучу, прежде чем повернуть ключ в замке. Тишина. Зайдя, я понимаю, что коттедж только что убрали. Пол на кухне еще не успел высохнуть. На обеденном столе красуется огромный букет космей. Они напоминают мне о маме, совсем как дельфиниумы и маргаритки. Она любила голубые и белые цветы.

Я думаю о том, как Уорнеры и Моссы оказались здесь, у «осьминожьей дыры», на этих долгих и трагичных выходных. Разумеется, это не было случайностью. До этого мы полагали, что Коннор мониторил страницу Софи в «Фейсбуке», где она написала про свои планы на выходные: «Едем с Адамом к «осьминожьей дыре. #Длинныевыходные». Кристен заявила, что ее муж настаивал на том, чтобы провести выходные именно там.

Но на самом деле этого хотела она.

Она много раз приезжала сюда со своей семьей.

Она знала историю коттеджей. Как и Адам.

Я вспоминаю ту ночь, которую провела здесь. Дура. Напилась и стала предаваться фантазиям о мальчике, который когда-то меня спас. Он рассказал мне про нелегальную торговлю спиртным, про питейное заведение в большом коттедже.

– Когда сюда приходили с проверкой, – сказал он, – владельцы передвигали шкаф, так, чтобы спрятать крепкий алкоголь и оставить на виду безобидные напитки. В то время здесь жило немало людей, которым было, что скрывать.

– На Худ-Канале было легко затеряться, – ответила я. – В школе нам про это не рассказывали.

Я помню, как мы с Адамом сидели в сауне, наевшись устриц и выпив чересчур много пива. Что-то показалось мне подозрительным. Я вспоминаю про это, когда снова захожу в маленькую сауну; все дело – в дверце у топки. Адам отмахнулся, когда я спросила его про нее. Тогда это не показалось мне странным, но теперь я невольно задумываюсь. Не такая уж эта дверца и маленькая. Обшита кедром, как и остальная сауна. Когда я толкаю ее, дверца легко поддается. За кедром скрывается пихта, из которой построен сам коттедж. Потертые петли крепятся на место новенькими болтами.

Открыв дверцу, я просовываю голову внутрь. Там темно, так что я достаю телефон и включаю фонарик. Луч света озаряет старые, сбитые ступени.

Я начинаю спуск.

Внутри немного места – где-то с небольшую спальню. Земляной пол и бетонные стены. Я вожу лучом фонарика из стороны в сторону, и кое-что попадает мне на глаза.

Соломенная шляпа.

Я вздрагиваю и вспоминаю Акселя Беккера. Он сказал, что на Софи была соломенная шляпа, когда ее похитили. Рядом со шляпой я замечаю темное пятно на земле. Наклонившись, я понимаю, что это почти наверняка засохшая кровь. Она была пролита довольно давно, но не почернела. Сохранила темно-красный оттенок. В лаборатории наверняка могут определить, когда она была пролита. Но для меня важнее, кому она принадлежала.

Я думаю о том, что здесь произошло. Какая связь между убийством Софи и этим потайным ходом?

Связь.

Коттеджи связаны друг с другом подземным туннелем.

Я иду дальше и выхожу к небольшому коридору. Несмотря на затхлость, паутины в нем нет. Где-то капает вода. Глядя вверх, на щели между потолочными досками, я понимаю, что оказалась под самым маленьким коттеджем. Мне приходит в голову мысль, что Кларк Дибли, наверное, действительно услышал что-то посреди ночи. И это был не звук захлопывающейся двери. Это было тело. Коттеджи стоят на расстоянии всего лишь двадцати ярдов друг от друга. Спустя минуту я оказываюсь под «Лилией» – коттеджем, в котором останавливались Кристен и Коннор. Туннель ведет дальше, и я

продолжаю свой путь. Мне больше не нужен фонарик. Снаружи дует легкий ветерок.

Прямо передо мной открывается выход к водам Худ-Канала, частично скрытый тростником и корягами.

Связь.

Коннор и Кристен приехал на Худ-Канал потому, что этого хотела *она* и не ради того, чтобы насладиться длинными выходными вместе со своим мужем-официантом. Она знала, что скрывается под коттеджами. Она хотела устранить свою соперницу.

Кусочки мозаики наконец-то начинают собираться воедино. Я сажусь в машину и еду обратно в Сиэтл.

Мне нужно поговорить с Адамом.

Адам удивлен моему появлению. Я знаю, что выгляжу ужасно, но меня это не волнует. Утром я копалась в саду, а днем ползала по туннелю между коттеджами. Он одет с иголочки.

– Привет, – говорит он, притворяясь, что не обратил внимания на мой внешний вид. – Я не знал, что ты приедешь. Жаль, поменял бы планы.

– Не важно, – говорю я. – Я не готова никуда идти.

– В чем дело? – спрашивает он, провожая меня в гостиную. Обстановка словно сошла с обложки журнала. И не того журнала, на который я подписана. Тут все модно. Роскошно. Современно.

На Адаме голубая льняная рубашка и до блеска начищенные ботинки. Я замечаю новые очки в оправе от «Прада». Странно, что он готов так много на себя тратить.

– Должно быть, ты нашел работу? – спрашиваю я.

Он усаживает меня и предлагает налить чего-нибудь. Я отказываюсь.

– Не-а, – отвечает он. – Но получил пару предложений.

– Понятно, – говорю я.

Он делает себе виски со льдом:

– Вряд ли ты приехала только ради того, чтобы сделать мне комплимент.

Конечно, он прав.

– Верно, – говорю я, пытаюсь подобрать слова, чтобы объяснить, что Кристен Мосс была замешана в убийстве Софи. Коннор солгал. Они сделали это вместе, иначе и быть не может. Кристен – женщина хрупкого телосложения; она не смогла бы в одиночку скрутить Софи и утащить ее в туннель под коттеджами. Кроме того, не будем забывать про ДНК Коннора. Вероятно, он изнасиловал Софи перед тем, как они с Кристен убили ее. Он явно хотел рассказать мне что-то еще, но не желал признавать собственную вину. Когда Кристен прислала ему бумаги о разводе, он захотел отомстить.

Есть лишь один путь.

– Кажется, я знаю, что случилось с Софи, – говорю я.

Адам делает глоток:

– Мы и так знаем, что с ней случилось.

Я вглядываюсь в его лицо. Изучаю выражение его глаз за стеклами модных очков. Я хочу увидеть, как он отреагирует на мои слова.

– Да, – говорю я. – И нет.

– Станный ответ, – говорит он, звеня кубиками льда в стакане. – Уверена, что не хочешь выпить?

– Хочу, – признаю я. – Но это плохая идея. Я за рулем.

– Да, – говорит он, снова глядя в стакан. – Верно. Так что ты имела в виду под «нет»?

– Я думаю, в убийстве была замешана Кристен, – говорю я.

Его глаза округляются:

– Черт! Быть такого не может. Кристен никогда такого не сделала бы.

Мир вокруг будто замирает. Адам защищает Кристен. Это странно и неожиданно.

– Похоже, ты с ней знаком, – говорю я.

Он слегка пожимает плечами.

– Не особенно, – говорит он. – Но, само собой, судебный процесс нас объединил. Моя жена. Ее муж. Никто, кроме нас, не может по-настоящему понять.

Я обдумываю его слова. Такое случается. Я слышала истории о дружбе между родственниками жертвы и семьей убийцы.

– Значит, вы подружились?

– Что-то вроде того, – говорит он, глядя на свои наручные часы – огромный блестящий хронограф. – Кстати, мы как раз собирались встретиться сегодня. У нее проблемы на работе. Трудное дело.

Он старается говорить непринужденно. Я не настаиваю. Но тревожная сирена в моей голове звучит все громче. Я пытаюсь ее заглушить. Честно.

Адам меня спас.

– Как бы ты отреагировал, если бы она оказалась в этом замешана? – спрашиваю я. – Что бы ты сказал?

Адам моргает:

– Думаю, я бы сказал: “Посадите ее за решетку и приставьте охрану”. Но она здесь ни при чем. Она не такая. Она очень умная. Добрая. Щедрая.

– Похоже, она тебе нравится.

– Ну на самом деле, Ли, – говорит он, – мы едва знакомы.

Его слова звучат лживо, но это Адам Уорнер. Он не лжец. Он бы не смог никому солгать, даже если его этому научили бы.

Я уверена.

Я впервые встретил Кристен Мосс, когда она постучала к нам в дверь днем в воскресенье. Я смотрел футбол по телевизору, и «Сихокс» проигрывали. Всухую. Софи дома не было: она часто пропадала в последнее время. Мне хотелось отвлечься. Ненавижу, когда моя команда проигрывает. В очередной раз. Я привык быть победителем. И потому ожидаю, что «Сихокс» тоже будут победителями.

Я бы не стал открывать дверь, если бы не посмотрел на Кристен через глазок. Она выглядела привлекательно. Такая хорошенькая. Это факт. Если бы она оказалась коммивояжером, то я даже, наверное, что-нибудь купил бы.

Задним числом я понимаю, что все вышло бы совсем иначе, если бы за дверью действительно оказался ребенок, продающий шоколад, или даже парочка свидетелей Иеговы.

– Адам Уорнер? – спросила она таким тоном, каким говорят люди, прекрасно вас знающие и полагающие, что вы тоже должны их знать. Я посмотрел на нее внимательнее, но так и не смог ее вспомнить. Может, мы встретились на конференции? Она была слишком симпатична, чтобы быть бухгалтершей в «СкайАэро». Там я бы ее точно заметил.

– Простите. Мы знакомы?

– Нет, – сказала она, – но я знаю вашу жену. Она дома?

Я открываю дверь чуть шире:

– Нет. Софи ушла по делам вместе с дочерью. Вернется где-то через час. Вы хотите подождать?

Я делаю паузу, надеясь, что она представится.

– Кристен, – говорит она. – Кристен Мосс. Возможно, вы знаете моего мужа, Коннора.

Это имя мне знакомо. Я много что знаю про Коннора Мосса. После того как парень с работы помог мне его разыскать, я мониторил «Фейсбук» Коннора. Приходил в ресторан, где он работает, в надежде увидеть его своими глазами. Даже ужинал там, но мы разминулись. Я

так и не увидел Коннора. Позлившись несколько дней, я смирился. Я спал с Кэрри. Было бы лицемерно обвинять Софи. А потом все наладилось.

– Чего вы хотите? – спрашиваю я.

– Хочу, чтобы ваша жена больше не трахала моего мужа.

Я даже не вздрогнул. Я читал переписку Софи с любовником. Я знал, что у нас с ней не все было ладно. Но я решил переждать. А женщина напротив меня взяла быка за рога.

– Это работает в обе стороны, Кристен.

Она сцепила руки перед собой, словно пытаюсь успокоиться. Измена потрясла ее – она не смогла смириться, как сделал я. Наверное, потому, что Кристен Мосс гораздо лучше меня.

– В моем случае все не так просто, – сказала она. – На данный момент мне по-прежнему необходим Коннор.

– Звучит зловеще.

– Это личное, – сказала она.

Супружеская измена – вот это действительно личное, подумал я.

– Но их встречи необходимо прекратить, – продолжила она с яростью в глазах. – Вы с ней говорили?

Я не хотел устраивать сцену на пороге дома, но и приглашать неприятности домой тоже не собирался.

Как сделала Софи, переспав с мужем этой женщины.

Я покачал головой:

– Я и сам не вполне чист на руку.

Она протяжно выдыхает. Я рад, что она не закричала. Могла бы, судя по выражению ее лица.

– Отлично, – сказала она наконец. – Да что со всеми вами не так, Господи?! Я этого не вынесу. Вдобавок ко всему остальному.

Я не стал уточнять, потому что мне было абсолютно все равно. Я знал, что в ответ на обвинение Софи спросила бы про мою интрижку с Кэрри ЛаКруа и мне пришлось бы солгать. Мы не говорили об этом, потому что не любили лгать друг другу. Разве можно нас за это судить?

– Хотелось бы мне, чтобы они разбились насмерть. Оба, – сказала Кристен, словно испытывая меня. – Бьюсь об заклад, вы бы мгновенно о ней позабыли.

Я начинаю закрывать дверь.

– Я не желаю это выслушивать, – сказал я. – Уходите, Кристен. Делайте со своим мужем что хотите, но мою жену оставьте в покое.

И с этими словами я захлопнул дверь. Мы с Кристен не виделись еще довольно долго. Вплоть до того дня, когда я узнал, что Обри – не моя дочь.

Я не говорю Адаму про соломенную шляпу. Ту, которую нашла под «Глицинией», пока осматривала подземный ход между коттеджами. Я не говорю ему, так стильно одетому, что распознала его ложь. Я ничего не говорю, потому что, когда он опускает телефон, чтобы налить себе еще виски, я замечаю кулон, который до этого видела во время разговора с Кристен и Коннором.

Стиль ар-деко. Платина. Сапфиры.

Он змеей свернулся на столике рядом со стаканом Адама. Меня будто поглотила черная дыра, раскрывшаяся внезапно в середине дорогого дивана. Я упала через водосток прямиком в канализацию.

Все лгут.

Коннор здесь ни при чем.

Это были Адам и Кристен.

Я стараюсь замедлить сердцебиение и сохранить спокойное выражение лица.

– Пожалуй, я все-таки выпью, – говорю я Адаму. – Если предложение еще в силе.

Он совсем не замечает, как переменялось мое настроение. Или я просто научилась прятать свои чувства.

Он снова улыбается. Раньше я сравнивала его улыбку с улыбкой Тома Круза или Джорджа Клуни. Теперь мне мерещится акулья пасть.

– Без проблем, – говорит он. – Выпьем, а потом мне нужно будет уйти.

Он отворачивается, наливает виски и протягивает мне стакан. Я делаю крохотный глоточек. Гадаю, не подсыпал ли он мне что-то в пиво в ту ночь в коттедже. Мне приходит на ум мысль, что мальчик, который спас меня когда-то, теперь стал еще более страшным монстром, чем Альберт Ходж.

Почему моя проницательность подвела меня, когда дело дошло до Адама? Которого, как мне казалось, я так хорошо знала.

– Как поживает Обри? – спрашиваю я, стараясь поддержать разговор. – Должно быть, тебе с ней нелегко.

Он протирает стекла очков платком.

– Катрина мне помогает, – говорит он.

– Точно. Должно быть, она незаменима.

Он смотрит на меня как-то иначе. Я это чувствую.

– Где они сейчас?

– По субботам Катрина забирает Обри с собой, чтобы я мог спокойно позаниматься делами дома. Одному с ребенком не справиться.

У тебя даже работы нет, думаю я.

– Понимаю.

Я отвожу взгляд.

– Что-то не так? – говорит он. – В чем дело? Ты в порядке?

Я думаю, какую карту разыграть. Адам хорошо меня знает. Я легко могу себя выдать.

Я решаю начать с Обри.

– Я столкнулась с Дэном Белдингом сегодня в «Сестре».

Адам качает головой.

– Она все еще не закрылась?

Мое сердце пытается вырваться из груди:

– Да, и Диана по-прежнему там работает. Но самое интересное не в этом.

– А в чем же?

Атмосфера в помещении изменилась. На виске у Адама бьется жилка, словно сердце у лягушки. Быстро бьется. Наверняка он это чувствует.

Да, определенно чувствует. Проводит тыльной стороной ладони по этому самому месту.

– Он сказал, ты приходил к нему за консультацией, Адам.

Я внимательно за ним слежу.

Адам не пытается прикинуться дурачком. Для этого он слишком умен. Нет, скорее *коварен*. Брат когда-то говорил, что Адаму следовало бы бросить баскетбол и пойти в драмкружок.

– Я был в отчаянии, Ли, – говорит он. – Не знал, что делать. Не знал, справлюсь ли я.

– Ты же говорил, у тебя есть Катрина, – напоминаю я. – Говорил, как она незаменима.

Он наигранно улыбается. Это явное притворство, но я улыбаюсь в ответ.

– Да, – говорит он. – Без нее я был бы обречен.

Ты и так обречен, думаю я.

Я взвешиваю разные варианты. Я не боюсь Адама. Можно обвинить его прямо, а можно попытаться выведать подробности. Но я не глупа. Я знаю, чем это чревато.

– Мне нужно в туалет, – говорю я.

Он показывает пальцем в коридор.

– Первая дверь налево.

Я пересекаю коридор. Опускаю сиденье туалета так, будто намереваюсь им воспользоваться. Включаю воду. Смотрю на свое отражение в зеркале. Без макияжа я напоминаю чистый холст. Мой нос усыпан веснушками. Глаза полны печали – я едва не начинаю плакать. Я похожа на человека, который из-за пережитой травмы не смог разглядеть, что было у него прямо под носом. Но теперь я все понимаю. Я знаю, как мне следует поступить, и я не позволю этому ублюдку сбежать.

Адам услышит, если я позвоню, поэтому я отправляю Монтроузу сообщение: *«Я у Адама. Он убил Софи. Позвони в полицию Сиэтла, пусть приезжают немедленно»*.

Я нажимаю «отправить» и смываю воду. Потом гляжу в телефон, не отрываясь, пока на экране не появляются прыгающие точки.

Монтроуз: *«Понял. Будь осторожна»*.

Вернувшись в гостиную, я замечаю, что Адам переложил свой телефон. Наверняка тоже отправил сообщение. Я решаю пойти на прямоту.

– Обри – не твоя дочь, верно? – спрашиваю я.

Он очень долго смотрит на меня в ответ. Должно быть, тоже взвешивает разные варианты.

– Я навестила Коннора в тюрьме, – продолжаю я. – Он много чего мне рассказал.

Каждое мое слово – горящее бревно. Я хочу разжечь костер. Самый огромный костер, который я когда-либо видела.

– Коннор – убийца, – говорит Адам. – И лжец.

– Я так не думаю.

Чуть раньше я могла бы добавить: «Я хорошо умею распознавать ложь».

– Я знаю, что ты убил Софи, – говорю я.

Он смотрит на меня как на сумасшедшую. Но я знаю, что это не так.

– Я был в лодке, – говорит он. – Аксель Беккер меня видел. Ты же знаешь, Ли.

Снова ссылается на свидетеля. Какой же душой я была. Да, мистер Беккер что-то видел. Но не то, что сказал Адам.

– Ты на это рассчитывал, – говорю я. – Но я знаю правду, Адам. Я нашла под коттеджем кровь и соломенную шляпку. Я знаю, что тебе было известно про подземный ход: ты сам рассказал мне в ту ночь, когда я осталась в коттедже.

– Ох, Ли, – говорит он, придвигаясь ближе. – Ты была пьяна.

Теперь мне ясно, что я совершенно не знаю этого человека.

– Должно быть, ты подсыпал мне что-то в пиво, – говорю я, выставляя перед собой руку, чтобы он не вздумал приблизиться. Я чувствую у ребер рукоятку пистолета. Мне редко доводилось им пользоваться, но сегодня, возможно, придется. – Я права?

Он качает головой.

– Я бы никогда не сделал ничего подобного, Ли. Хватит. Ты же меня знаешь.

Увы.

– Не знаю, Адам, – говорю я наконец. – И никогда не знала. Я ценю то, что ты сделал для меня, но ты совершенно не похож на человека, которым я тебя считала.

На его лице нет ни тени эмоций. Он просто молча смотрит на меня.

– Кристен разводится, – говорю я.

– А это здесь при чем?

– Ты знаешь, Адам. И я знаю.

– Не имею ни малейшего представления, – отвечает он. – Просвети меня.

Я решаюсь на блеф.

– Я знаю, что вы встречаетесь, – говорю я.

– Ну, мы немного сблизились.

Я втягиваю в себя воздух. Ненавижу лжецов. Таких, как Адам.

Мой Адам.

– Все это время вы с ней были любовниками, – говорю я. – Разве не так?

Он подавляет смех и лишь натянуто ухмыляется.

Но я все вижу. Я вижу.

– Ты даже не представляешь, как заблуждаешься, – говорит Адам.

Боже, как же мне не везет с мужчинами. Я в очередной раз вспоминаю об этом, увидев сообщение от Адама. К нему приехала Ли. Он слаб. Сломается, как сухой осенний лист. Должно быть, он уже рассказал ей, что мы собираемся пожениться. Что я удочерю Обри. Он так жалок, что наверняка все моментально ей выболтал. Я сажусь в свой «Лексус» и трогаюсь с места. Я могу позаботиться о Ли.

Точно так же, как позаботилась о Софи и Конноре.

Даже сейчас, по пути к дому Адама, я невольно начинаю плакать, вспоминая предательство, которое стало всему началом. Я хороший человек. Я делала все, что могла, чтобы повысить свою продуктивность. Жертвовала деньги Обществу защиты животных. Спонсировала трех детей через World Vision. Выбивалась из сил на работе. Я хотела лишь одного – родить ребенка. Боже, почему ты отверг меня, когда столько детей не получают должного ухода или вообще оказываются на улице? Иисусе, помоги мне. Я действительно не понимаю. Я делала все, что говорили мне врачи. Иногда мне казалось, что я иду по улице голой с надписью «бесплодна» на спине. Вот как унижительно это было.

А потом ко мне на работу заявился Адам Уорнер с новостями.

Эта шлюха Софи родила ребенка от Коннора.

Когда Адам ушел, я сказала Марси, что мне нездоровится, и поехала к озеру Грин-Лейк. Там я села на скамейку и долго размышляла, глядя на уток. Мои мысли стремительно сменяли одна другую, и я знала, что думаю нерационально. Мной руководили эмоции. Я никогда не принимаю решений под влиянием эмоций.

Но тот день стал исключением. Я знала, что хочу избавиться от своего мужа-предателя. И от его подружки-суки. Они трахали друг друга, но униженной оказывалась я. Они поставили меня на колени.

И это была моя вина. Я это прекрасно знала. И знала, как все исправить. Я сидела на скамейке в окружении вонючих уток и представляла, каково было бы схватить одну из них за горло и задушить. Я прикрыла глаза.

Это было бы приятно.

Вернувшись домой, я подошла к календарю, висевшему на кухне рядом с кофемашиной. Пролистнула несколько страниц, чтобы найти подходящий момент. Решить, сколько еще мне предстоит делать вид, что все в порядке.

Выходные на День поминовения выглядели перспективно. Ждать оставалось не так уж долго. Я могла вынести рутину нашей совместной жизни, зная, что скоро ей придет конец. И в празднике была определенная ирония. Мне это понравилось. Этот день навсегда должен был стать напоминанием о том, что и почему я сделала. Еще многие годы спустя, пока все вокруг будут уминать клубничный торт, я буду наслаждаться воспоминаниями. Они будут слаще любой клубники.

Месть сладка. Я улыбнулась собственной шутке.

Я справлюсь.

Но мне понадобится помощь.

Я обвела выходные фломастером.

На следующий день Коннор стоял на кухне в одних трусах, наливая себе кофе. Глядя на него, я размышляла о кастрации как о возможном решении проблемы. Я могла бы схватить его блудливый член и разрезать его на кусочки на разделочной доске. А пока Коннор корчился бы в агонии, я бы бросила пенис в измельчитель мусора и нажала на кнопку.

– Привет, малыш, – сказала я. – Планы на выходные изменились.

– Черт, – сказал он, глядя на меня.

Я сидела за угловым столом, который мы сделали вместе.

– Тебе придется работать? Я уже взял себе отпуск.

– Нет, – сказала я. – Я просто хочу поехать куда-нибудь поближе.

На его лице написано разочарование. Интересно, что бы он почувствовал, если бы я отрезала его мошонку и швырнула в дверцу буфета?

Шмяк!

– А как же Уолла-Уолла?

– Увы, – говорю я. – Но я подыщу что-нибудь другое. Не хочу половину выходных провести в дороге. Я так устала от дорог в Сиэтле. Скоро возненавижу свою машину.

Он делает глоток кофе:

– Понимаю, малышка.

Ненавижу, когда он так меня называет.

– Я тебя люблю, – сказала я, когда он пошел обратно в спальню.

Я тебя ненавижу, подумала я.

* * *

Убить кого-то можно миллионом различных способов. Я знаю это из своей практики. Большинство людей видели убийства лишь по телевизору. Но представители профессий, связанных с преступностью, – по обе стороны закона – знают, как все спланировать. Нужно быть крайне осторожной. Никому не доверять. Не оставлять незаконченные дела. И никогда не попадаться.

Ни за что. Никогда не попадаться.

Спустя несколько дней я подстроила случайную встречу с Адамом Уорнером. Чтобы выяснить их распорядок дня, мне понадобилось провести всего лишь две минуты в «Фейсбуке» и устроить засаду в машине неподалеку от их дома. Софи вышла первой. При виде ее меня начало мутить. Она выглядела прекрасно. Неудивительно, что Коннор на нее запал. И она была моложе меня. Наверное, интереснее меня. Я не хотела об этом думать, но не могла себя остановить. Я гадала, что они говорили обо мне. Как смеялись над моим бесплодием. Я так билась над тем, что им досталось случайно и без усилий.

Но меня замутило не из-за этого. А из-за маленькой девочки в компании Софи – девочки, которая, как мне казалось, наполовину принадлежит мне. Или должна принадлежать мне. Это *мой* муж помог ее зачать! Обри была идеальна. Та самая дочь, о которой я мечтала, засыпая в слезах, когда доктор Я или продавщица в травяной лавке говорили мне, что я не смогу забеременеть.

Что мне следует просто усыновить!

Идиоты.

Через двадцать минут Адам поехал на работу. Какое-то время я ехала за ним, прежде чем начать сигналить и лихорадочно махать рукой. Он остановился на обочине и вышел из машины, подумав, что случилась какая-то авария.

– Что вам нужно? – спросил он, увидев меня.

— То же, что и вам, — ответила я.

Он изобразил сопротивление, но я умею убеждать. Это у меня получается отменно.

— Не знаю, о чем вы говорите.

— Прекрасно знаете, — сказала я. — Давайте встретимся в баре отеля «Фор Сизонс» в семь часов.

— Я не собираюсь с вами встречаться, — сказал он.

— У нас общие интересы, Адам. Наши супруги нас предали. Ваш брак будет разрушен, вы это знаете. И вам придется платить алименты за чужого ребенка. Следующие пятнадцать лет станут для вас адом. Обри будет напоминанием того, как Софи вас предала. Вонзила нож в спину. Вы это знаете. И я знаю. У меня есть решение. Встретьтесь со мной в баре.

Он глядел на меня так, будто я выстрелила в него из пневматической пушки. Оглушила. Я не знала, придет ли он все-таки на встречу или нет.

Конечно, он пришел.

Мужчинами так легко управлять.

* * *

Я вижу у дома Адама паршивый автомобиль детективши и паркуюсь прямо за ним. Достаю из бардачка пистолет и иду к двери. Коннор купил мне пушку после того, как на нашего соседа напали.

У Коннора были свои плюсы.

Ладно. Один плюс.

Я слышу стук в дверь. Должно быть, приехала полиция Сиэтла. Я мысленно возношу хвалу Монтроузу и Господу. Именно в таком порядке.

– Тебе лучше открыть, – говорю я Адаму.

Он бросает на меня нервный взгляд и идет в прихожую.

Но за дверью оказывается не полиция. Это Кристен Мосс. Она разодета, словно собралась на вечеринку, но вид у нее вовсе не праздничный. Он суровый и ввергает меня в растерянность. На лице у нее застыло жесткое, неприступное выражение.

– Что вы здесь делаете? – спрашивает она меня.

– Вы знаете, зачем я здесь, Кристен, – говорю я.

Она переводит взгляд на Адама. В глазах у нее сверкают искры:

– Не мог удержать рот на замке?

– Я ничего не сказал, – говорит Адам.

Потом он смотрит на меня:

– Допивай свой виски. Мы с Кристен собираемся поужинать.

Я определенно не собираюсь ничего пить.

Я смотрю на кулон, и Кристен молча его забирает.

– Не знаю, как вам это удалось, – говорю я, глядя, как ее каблук погружается в толстый черно-белый ковер, – но вы убили Софи, верно?

Кристен замирает неподвижно, словно статуя. Будто обдумывает мои слова. Ее поведение кажется мне таким странным. С ней что-то явно не так.

– Я никого не убивала, – говорит она.

Я тыкаю в осиное гнездо палкой.

– Вы так разозлились, узнав, что Софи родила от Коннора ребенка.

Она сверлит меня взглядом.

– Лгать не буду, – говорит она наконец. – Да, я разозлилась. Если ваш муж когда-нибудь поступит так с вами, вы тоже разозлитесь. Это нормально, Ли. Но это не мотив для убийства.

Она пытается меня поддеть. Теперь я это понимаю. Она хочет поговорить. *Где же полиция?*

– И потому вы ее убили, – произношу я.

– Я только что сказала, что не делала этого, – она хмурится, глядя на Адама. – Это был он.

Я резко выдыхаю.

– Он не мог этого сделать, – говорю я. – Он был в лодке.

Лицо Адама – застывшая маска. Это мгновение кажется мне нереальным. Может быть, это все неправда. Очередной ночной кошмар. Часть меня надеется, что так и есть. Пусть Адам – лжец, но я не хочу, чтобы он провел остаток жизни за решеткой.

– Адам, – говорю я, – мистер Беккер видел тебя.

Комнату наполняет молчание. Я словно чувствую жар, исходящий от тела Кристен. Она вот-вот взорвется. Но Адам сидит, словно в ступоре.

– У меня с самого начала, – произносит он наконец, – было плохое предчувствие.

Мы сели за самый дальний столик в таверне «Голдфинч» в «Фор Сизонс». Кристен только что закончила работать. Мне не пришлось выдумывать отговорку. Софи задержалась, чтобы закончить проект – по крайней мере, так я думал, – и я успел зайти в магазин перед встречей.

Кристен заметила мой пакет из Saks.

– У вас хороший вкус, – сказала она.

– Да, и скромный бюджет, – ответил я. – Давайте перейдем к делу. Что вам нужно?

– Как я и сказала, у нас общие интересы. Я хочу, чтобы Коннор исчез. Вы хотите, чтобы исчезла Софи.

– Вы шутите.

– Я что, похожа на клоуна? – спросила Кристен.

Официант принес наши напитки. Я, разумеется, заказал виски, Кристен – дорогое мерло. У нее явно был неплохой вкус и гораздо больше денег, чем у меня. Я делал вид, будто мне совершенно не интересно, что она хочет сказать, хотя это было вовсе не так. Я сделал глоток виски и попросил ее рассказать подробнее.

– Что, если Коннор и Софи исчезнут? – спросила она.

– То есть умрут? – уточнил я. От этой мысли меня охватило странное воодушевление. Мы будто играли в какую-то глупую и опасную игру.

– Да, – подтвердила она. – Умрут. Посмотрите, до чего они нас довели, Адам. Они разрушили наши жизни. Скорее всего, у меня уже никогда не будет ребенка. Мне остается лишь сказать Коннору спасибо за то, что лишил меня возможности завести семью. Ну а вам предстоит всю жизнь обеспечивать чужую дочь.

Правда в том, что мое отношение к Обри изменилось с того дня, как я узнал, что ее отец – не я. Я бы никогда не признался в этом вслух, чтобы не показаться жалким и бессердечным. Но каждый раз, глядя на нее, я видел Софи и Коннора. И больше ничего. Меня переполняли

злость и отчаяние. Я думал о кукушке, которая выкидывает из гнезда чужие яйца. Я ее понимал.

Тем не менее вопреки всему я бросился защищать Обри.

– Она же не обуза, Кристен. Она очаровательная маленькая девочка.

Кристен приподняла безупречную бровь и повертела бокал с вином.

– Во всяком случае она не *ваша* обуза. Обри – дочь Коннора. Знаю, вам невыносима эта мысль. Я вас понимаю. Отец однажды сказал мне, что ни один мужчина не захочет воспитывать чужого ребенка.

Я проигнорировал ее замечание. Вместо этого я зачем-то решил ее поддеть и негромко сказал:

– Я не смогу убить Софи.

– Не беспокойтесь об этом. Я смогу.

Ее глаза превратились в осколки льда. Она была совершенно серьезна. Меня это поразило.

– А мне, значит, придется убить Коннора, – сказал я, – так, что ли?

Она покачала головой, и отблески от ее сверкающих бриллиантовых сережек рассыпались по всему помещению. Я огляделся по сторонам – хотел убедиться, что на нас никто не смотрит. Это была невольная реакция. Кристен строила планы. Я прислушивался.

Наш разговор зашел слишком далеко.

– Нет, – сказала она. – Вам никого не придется убивать. Это сделаю я. Вы поможете в другом.

Чем больше она говорила, тем безумнее казалась. У нее все было идеально распланировано. Она даже выбрала место и время – какие-то коттеджи на Худ-Канале в выходные на День поминовения. Она собиралась подставить Коннора и на всю жизнь посадить его за решетку, а для меня организовать алиби. Она знала, что по пляжу каждое утро ровно в десять сорок пять гуляет старик, живущий по соседству. Он делал так уже много лет. Кристен даже съездила на разведку, чтобы во всем убедиться.

Аксель Беккер был ключевой частью плана.

– Вашу неверную жену похитят прямо средь бела дня, – сказала Кристен.

– Кто ее похитит, если я буду в лодке?

Кристен уставилась мне прямо в глаза. Даже не моргала.

– Я убью ее накануне ночью, – сказала она. – У вас будет травма. Вы все приберете. Это нетрудно. Я оставлю в ее теле ДНК Коннора. Его поймают. Мы будем свободны. Вы ведь хотите освободиться, Адам?

Я признал, что она права.

– Только подумайте, развод вас не освободит, – сказала она, по-прежнему холодная и собранная. – Вам по-прежнему придется содержать Обри. Я знаю таких женщин, как Софи. Она высосет из вас все соки, Адам, как пиявка. Мы оба это знаем. Неверные супруги всегда стремятся отомстить.

Я сделал глубокий вдох, пытаясь сообразить, что именно она задумала. Я действительно не понимал.

– Каким образом смерть Софи освободит меня от ответственности за Обри? – эти слова жгли мое горло, словно желчь, но я все-таки их произнес.

– Вы отдадите ее мне, – сказала Кристен.

Я больше часа выслушивал, как Кристен излагала свой план убийства, и с легкостью заглушал свои сомнения. Но предложение продать ей мою дочь стало последней каплей.

– Вы не в своем уме, – сказал я. – Я не собираюсь продавать вам Обри.

Кристен накрыла мою руку своей. Жест, призванный успокоить и подчинить меня.

– Я говорю не о продаже, – сказала она с абсолютной убежденностью. – Позвольте мне ее *удочерить*.

Я вижу дуло пистолета в руке Кристен. Она направляет его на меня, но смотрит на Адама. Я вижу, как подрагивает ее рука. Едва ли Кристен привыкла стрелять в людей. С другой стороны, я совершенно ее не знаю. Как, подозреваю, не знает ее и Адам. Такие люди, как Кристен, каждый день носят маску. Не макияж. Не латекс или что-то вроде того. Они скрывают свои настоящие чувства, притворяясь нормальными.

Или счастливыми.

Хотя это совершенно не так.

– Ты подсыпал ей бутират? – спрашивает Кристен.

Адам нервно кивает и указывает на мой стакан.

– Да, но она его не выпила.

Кристен тычет пистолетом в моем направлении:

– Пей.

– Нет, – говорю я. – Не буду.

Адам смотрит на меня с сочувствием.

– Так будет проще, – говорит он.

Я невольно вспоминаю Альберта Ходжа, когда он прижал тряпку к моему лицу и велел вдохнуть. «Так будет гораздо проще».

Я не стала сопротивляться. Я подчинилась, потому что мне было страшно. Теперь все иначе.

– Вам придется меня убить, – говорю я. – Я вызвала полицию. Они скоро будут здесь. Ты за все заплатишься, Кристен. И ты, Адам.

– Она блефует, – говорит Кристен, взвешивая мои слова. – Когда ты успела позвонить?

– Пока была в туалете.

Кристен кидает на Адама злобный взгляд.

– Это было глупо, Адам. Не следовало ее отпускать.

– Я никого не убивал, – говорит Адам. – Это все Кристен. Я даже не знал, что она будет в том коттедже. Она следила за Софи. И она, и Коннор. Они оба следили за ней по разным причинам.

– Какой же ты лгун, Адам, – говорит Кристен.

Адам переводит взгляд на меня:

– Ты меня знаешь, Ли.

Я *думала*, что знаю его. Теперь же я понимаю, что это была лишь фантазия о том, кого я хотела видеть на месте своего спасителя и лучшего друга моего брата.

Дуло пистолета приближается.

Мне нужно привлечь одного из них на свою сторону. Мне нужно, чтобы, наконец-то, приехала полиция.

Где же они?

– Я знаю, что ты этого не делал, Адам, – говорю я.

Кристен не отступает:

– Мы выбрали это место, потому что Адам рассказал мне про свою подругу детства, которая перед ним в долгу и которая работает там детективом. Тебе не показалось странным, что жену твоего старого приятеля похитили именно возле твоего захудалого городка?

Я молчу. Мне это показалось очень удачным совпадением. Я подумала, что наконец-то смогу отплатить Адаму Уорнеру за то, что он сделал для меня столько лет назад, поддержать его в самый тяжелый момент его жизни.

Кристен Мосс любит поговорить. Она зарабатывает тем, что разглагольствует перед присяжными. Она, возможно, самый искусный лжец на планете.

– Я знаю, ты меня все равно убьешь, – говорю я. – Я хочу знать, как вы это провернули. Я заслуживаю услышать правду.

Адам отворачивается.

– Это какое-то безумие, – говорит он.

Он не тот, кем я его считала. Кем хотела бы его видеть.

– Это *твоя* вина, Адам, – говорю я. – *Твое* безумие.

Адам выглядит напуганным. Как будто вот-вот сломается.

– Я ничего не делал, Ли. Честно, я тут ни при чем.

Кристен по-прежнему невозмутима. Но она не может перестать говорить. Ей важно, как именно будет рассказана эта история.

– Вечером накануне так называемого похищения Адам подсыпал Софи бутират, – говорит она. – Мне он достался от клиента-идиота, который притащил его прямо в зал суда. Конечно, сама я такое не употребляю. Я дала его Адаму, чтобы тот подсыпал Софи, и приберегла дозу для Коннора.

– Коннора ты тоже усыпила, – говорю я. – Вот почему он ничего не помнит.

Кристен коротко, напряженно смеется:

– Тебе бы в детективы пойти.

Она бы гордилась этой шуткой, если бы озвучила ее перед присяжными.

– Что случилось? – спрашиваю я, стараясь потянуть время. – Я должна знать.

Кристен, по счастью, готова к монологу.

– Адам притащил ее в подвал. Я сделала то, что была должна. Прервала ее жизнь, потому что мистеру О-Нет-Я-Бы-Никогда не хватило на это смелости. Типичный мужчина. Много болтовни, но мало проку. Я ввела в нее сперму Коннора из шприца. И все. Мы спрятали ее тело в туннеле, а потом, когда пришло время, выбросили в канал.

Она замолкает и смотрит на Адама.

– От тебя, Адам, требовалось лишь одно. И ты не справился. Она здесь. Значит, ты либо кому-то проболтался, либо не избавился от улики, так?

Он не отвечает.

– Я нашла соломенную шляпу, – говорю я.

Кристен понимающе кивает.

– Ну конечно, – говорит она. – Я знала, что нужно было вернуться туда самой. Дура. Дура.

Смысл ее слов не соотносится с интонацией. Она говорит абсолютно бесстрастно. Я еще никогда не слышала, чтобы такие страшные вещи говорили таким спокойным голосом. Она будто заказывает пиццу.

– Я ни в чем не виноват, – пытается убедить меня Адам. – Пожалуйста, поверь мне. Она сошла с ума.

Где же полиция?

– Это ты придумал лучшую часть плана, – говорит Кристен, глядя на Адама, который резко замолкает.

– Какую именно? – спрашиваю я.

Кристен улыбается:

– Я про надувную куклу.

Я долго ломала голову, как же устроить подходящее алиби. У меня за плечами больше десяти лет юридической практики; я знаю, как избежать правосудия. Необходимо иметь железобетонное алиби и никогда не признаваться в содеянном. Моим алиби, конечно, будет Коннор, но необходимо было позаботиться и об Адаме. Чтобы все прошло гладко, я должна была убедиться, что даже такой эгоистичный глупец уйдет безнаказанным.

На эгоистов невозможно положиться.

Адам должен быть в лодке, и старик должен увидеть драку на берегу. Очень простые предпосылки. Всегда лучше начинать с простого. Чрезмерно сложные планы лишь запутывают.

Я во второй раз встречаюсь с Адамом в таверне «Голдфинч». Это место идеально нам подходило, потому что там всегда полно туристов. Они были слишком заняты тем, чтобы перещеголять друг друга, и не обращали на нас ни малейшего внимания. Отлично. Нам надо было о многом договориться. До Дня поминовения оставалось всего десять дней, и мы должны были действовать сообща. В полном согласии.

Я положила на стол пакетик с бутиратом.

– Подростки называют его «вишневым метом».

Адам положил пакетик в карман:

– Звучит аппетитно.

Мы заказали напитки – виски и вино – и, дождавшись, пока их принесут, перешли к делу. Я внимательно разглядывала Адама. Он был готов. Как и требовалось. Он рисковал больше, чем я. Речь шла о его *жене*.

– Старик должен увидеть похищение, – сказала я.

– Верно, – ответил он. – Ты наденешь шмотки Софи и устроишь сцену. Старик с собакой увидит, как ты с кем-то дерешься, и потом ты исчезнешь из виду.

Адам не склонен продумывать все до мелочей. Я поняла это с самого начала.

– Не сработает, – сказала я, сделав глоток вина. – Я не могу просто притвориться, что на меня кто-то напал. Старик не слепой, просто близорукий.

– Ты не можешь накачать Коннора и заставить его на тебя напасть?

Это была лишь дурацкая шутка, но в ней содержалась крупица истины.

– Он будет в полной отключке, – сказала я. – Я подставлю его, не беспокойся об этом. Он понесет наказание. Я пущу все на самотек. Нет нужды сдавать его полиции. Он всегда стремился все делать правильно.

– Мне его почти жаль, – сказал Адам.

– Не стоит, – сказала я совершенно искренне. – Он трахал твою жену. Она родила от него ребенка! Он разрушил наши жизни.

Адам залпом допил свой виски. Он нервничал. Я засомневалась, справится ли он.

– Я никогда этого не забуду, – сказал он.

Хорошо, подумала я.

– Но кто-то должен на меня напасть, – продолжила я. – Что насчет манекена?

– Не понял, – сказал он.

Выглядел Адам неплохо, но очень уж медленно соображал. Он неизбежно должен был стать слабым звеном нашей операции. Я об этом не забывала.

– Что, если мы оденем манекен в одежду Софи, а я притворюсь Коннором? – спросила я. – Надену его куртку. Может быть, шапку. И устрою драку с манекеном.

Адам поставил пустой стакан на стол и жестом попросил у официанта еще виски.

– Хорошая идея, – сказал он. – Но у нас нет манекена. Так ведь?

Я покачала головой, чтобы официант не подливал мне вина.

– Нет, – сказала я. – И покупать его сейчас – не лучшая идея.

Некоторое время Адам сидел молча.

– У меня в багажнике лежит надувная секс-кукла, – сказал он.

– Ты омерзителен, – ответила я.

Он пожал плечами.

– Мне подарили ее на вечеринке. Я все собирался выбросить. Больше всего на свете боюсь, что я попаду в аварию и полиция найдет в машине эту куклу.

Меня преследовали другие страхи. Например, провести остаток жизни в тюрьме.

– Подойдет, – сказала я. – Даже лучше, чем манекен. Кукла более гибкая.

Я снова прокрутила в голове наш план. В одну сторону и в другую. Все могло сработать. Пребывание в соседних коттеджах вполне можно было объяснить.

– Запомни, – сказала я Адаму, – мы с тобой никогда не встречались. Не знаем друг друга в лицо. Мой муж проследил за твоей женой до «осьминожьей дыры». Это был сюрприз. Софи узнала про коттеджи от Коннора. Она забронировала «Глицинию», написала об этом в «Фейсбуке», и Коннор забронировал для нас «Лилию». Ни ты, ни я не имели ни малейшего представления о том, что случится дальше.

– Ага, – сказал он. – Мы всего лишь жертвы.

– Так и есть, – сказала я, думая о том, как предали нас наши супруги.

– Что насчет третьего коттеджа?

– Я уже знаю, кто его забронировал.

– Кто?

– Какая-то пожилая женщина с детьми. Она будет занята.

– Почему ты так уверена?

– Просто поверь мне. Все произойдет очень быстро. Ты и моргнуть не успеешь.

Когда мы встаем из-за стола, Адам смотрит на меня так, как делают мужчины, когда думают, что им может что-то перепасть.

Об этом я тоже не забуду. Еще пригодится.

– Она лжет, – сухо говорит Адам. – Я бы никогда не причинил Софи вреда. Да, я злился на нее. Да, мне было неприятно думать, что Обри – не моя дочь. Но я никогда бы не опустился до того, чтобы убить свою жену. Поверь мне, Ли.

– Я не знаю, чему верить, – говорю я, стоя с ними в гостиной дорогого дома Адама.

Кристен совершенно спокойна. Адам теряет над собой контроль. *Я знаю, что ты убийца, Адам, думаю я. Жанна Фонг рассказала мне про надувную куклу в твоём багажнике.*

Он тычет пальцем в Кристен:

– Она свихнулась.

Кристен не реагирует. Она до странного невозмутима. Безмятежна.

– Не свихнулась, – говорит она, направляя пистолет на самую большую угрозу – на Адама. – Я просто устала. Устала работать, отдавать все, что у меня есть, пока остальные лишь берут и берут. Если бы у тебя было, что отдать, ты бы понял. Но у тебя ничего нет. Ты только и можешь, что жалеть себя. «О нет, моя жена мне изменила».

Слушая Кристен, я понимаю, что меня и Адама ни ждет ничего хорошего. Но я могу это изменить.

– Я вас понимаю, – говорю я.

Она переводит взгляд на меня:

– Неужели, детектив?

Сумасшедших невозможно понять. Но ими легко манипулировать.

– Вы через многое прошли, – говорю я. – Коннор мне рассказал. Я знаю, как вы пытались забеременеть.

Она холодно смотрит на меня, но ничего не говорит.

– Вы пошли на все это только потому, что хотели ребенка. Верно, Кристен?

Ее веки дрожат.

– Я знаю, что ты говорила с Коннором, – говорит она. – Он тоже лжет.

– Кристен, – говорит Адам, – опусти пистолет. У тебя ничего не выйдет.

Он говорит хрипло, будто задыхаясь от переполняющих его чувств – как мне кажется, искренних.

Кристен смотрит на меня, затем на Адама.

– Думаешь, я этого не понимаю? – спрашивает она. – Думаешь, я не знала с той самой первой ночи в коттедже, что все наши планы рухнут? Зря я с тобой связалась, Адам. Это ты заставил меня пойти на это. Ты меня уговорил, подонок.

И с этими словами она стреляет Адаму в грудь. Он ахает и прижимает руку к красному пятну, расползающемуся по рубашке, на которую я загляделась, едва войдя в дом. Адам потрясен. Я вдруг понимаю, что он считал себя неуязвимым, даже когда Кристен направила на него заряженный пистолет. Он верил в свой безупречный брак. Идеальную работу. Сговор с Кристен. Теперь у него ничего не осталось. Он тихо оседает на черно-белый ковер, заляпанный кровью. Не произносит ни слова.

Кристен по-прежнему смотрит на него, когда я достаю свой пистолет и стреляю.

Она падает, по-прежнему сжимая пистолет. Ее распахнутые глаза озирают комнату, но я знаю, что мой выстрел ее убил. В молодости я ездила охотиться с отцом. Я хорошо знаю испуганный, растерянный взгляд умирающего оленя. Теперь на месте оленя оказалась Кристен Мосс.

Мои легкие заполняет запах пороха. Я еще никогда не стреляла в человека. На глаза у меня наворачиваются слезы. Я беспокойно оглядываюсь. Вся моя карьера готовила меня к этому моменту. Я знаю, что делать. Я пинком отбрасываю пистолет подальше от Кристен и подхожу к Адаму, издающему ужасные гортанные звуки.

– Мне так жаль, Ли.

Сама не знаю почему, но я опускаюсь на колени, чтобы успокоить его.

– Я знаю, Адам, – говорю я. – Все будет хорошо.

Я снова оказалась на Тамарак-Лейн в Шелтоне. Но теперь под ветвями сливового дерева лежит Адам Уорнер. Ему нужна помощь. Я протягиваю к нему руки и обещаю отвести его домой.

Я лгу так же, как он солгал мне:

– Все будет хорошо.

– Во всем виновата Кристен, – говорит он.

– Я знаю, – отвечаю я.

Я смотрю на его привлекательное лицо, модные очки, заляпанные крошечными брызгами крови. Я пытаюсь понять, почему мальчик, спасший меня, превратился в чудовище. Мне тяжело дышать, но я все-таки дышу. Я гадаю, знает ли вообще хоть кто-то из нас, почему мы совершаем тот или иной поступок. Даже самые кошмарные поступки. Глаза Адама начинают мутнеть.

Я слышу звук полицейской сирены.

– Держись, Адам, – говорю я. – Помощь на подходе.

Эпилог

Ли

Адам Уорнер выжил; ему предъявили обвинение в убийстве, как только в лаборатории закончили повторный анализ образцов крови Софи Уорнер и обнаружили остатки бутирата. Этот наркотик не входит в стандартную токсикологию. На него проверяют только в тех случаях, когда есть основания подозревать его наличие.

Собиратели устриц наткнулись на красную куртку Коннора, но узнали, что это важная улика только после репортажа Линды Ландан о том, что действительно произошло в коттеджах у «осьминожьей дыры». Инсценировав похищение, Кристен и Адам выбросили куртку в воду. Эта ошибка вполне могла раскрыть их обоих – куртка была куплена в универмаге Сиэтла. На чеке, забытом в кармане, были указаны платежные данные Кристен. Куртка была частью ее маскировки. В соломенной шляпе нашли синтетические волосы.

Надувная кукла.

В этом Кристен не солгала.

А вот кое-что другое оказалось ложью.

Доктор Кольер позвонила мне после вскрытия Кристен.

– Я прочитала ваш отчет, – сказала она. – Насчет того, как она пыталась забеременеть. Елки-моталки. Надеюсь, вы сейчас сидите.

Нет. Но сказала, что сижу.

– У Кристен не могло быть детей. У нее не было яичников. Врожденная аномалия. Так называемая овариальная агенезия.

– Но она лечилась от бесплодия, – сказала я.

– Я проверила. Оказывается, доктор Ямада – психиатр. Вам стоит с ним поговорить, когда вернетесь на работу. Бьюсь об заклад, это очень необычный случай. Она чего только ни перепробовала, но физически не могла забеременеть. Интересно, ее муж знал?

– Сомневаюсь. Он всеми силами ее поддерживал. Ну и ну.

Доктор Кольер сказала, что отправила полный отчет Монтроузу.

– Просто хотела, чтобы вы были в курсе, – сказала она.

Я поблагодарила ее и нашла место, чтобы присесть. Неожиданно для себя самой я ощутила жалость к Кристен. Она хотела того, чего никогда не смогла бы получить, и это свело ее с ума.

А вот Адам – другое дело.

Меня отстранили на неделю, пока шло расследование произошедшего. Мы с Миллисент пересмотрели кучу сериалов, и, к моему большому удивлению, Дэн Белдинг-младший пригласил меня на свидание. Еще большим сюрпризом стало то, что я согласилась. Он хороший человек, а в моей жизни в последнее время дефицит таких людей.

Когда я росла, то вовсе не собиралась становиться одинокой кошатницей.

Как и Кристен Мосс, я хотела выйти замуж и завести детей.

Хотя, наверное, не так страстно, как она.

Через две недели после ареста Адама молодая девушка с собакой случайно забрела в овраг у лесовозной дороги неподалеку от Харрикейн-Ридж на полуострове Олимпик. Ее внимание привлек красный пикап Джима Койла, объявленный в розыск, и она вызвала полицию. Оказалось, он говорил правду. Койл убил только себя самого. Я вспомнила о его просьбе присмотреть за собакой. Связавшись со службой отлова животных, я с облегчением выяснила, что Эйджея, обожаемого померанца Койла, усыновила молодая семейная пара из Юниона.

Беспрестанно лающая шавка – единственная, для кого эта история закончилась хорошо.

По крайней мере насколько я могу судить.

Коннор

Я-то думал, что, получив признание и массу доказательств, меня вскоре освободят, но жернова правосудия вращаются неимоверно медленно, даже когда ответ очевиден. Адвокат говорит, что меня выпустят где-то через пару месяцев. То, что я сам признал свою вину, осложняет дело.

Тест на отцовство подтвердил то, что я и так знал: Обри – моя дочь. Сейчас она живет с бабушкой и дедушкой. Фрэнк и Хелен –

довольно милая пара, они дважды меня навещали. Мой адвокат уже подготовил необходимые бумаги для оформления опеки. Не думаю, что Флинны будут возражать. Они не похожи на людей, которые стремятся все контролировать. Я сижу в комнате для свиданий, и мое сердце нервно стучит. Все это для меня в новинку. Хелен одета словно для пикника и, похоже, волнуется, а Фрэнк улыбается мне, пока охранник заканчивает инструктаж. А Обри? Она меня уже запомнила и улыбается так широко, что растаяло бы даже самое холодное сердце.

Когда-нибудь она назовет меня папой.

Оказывается, иметь своего ребенка — это все, чего я когда-либо хотел.

Совсем как Кристен.

Адам

Дождаясь суда в тюрьме, я пытаюсь понять, как же я сюда попал. Я думаю о том, что я мог бы сделать иначе, чтобы избежать всего этого. Может, моя жизнь сложилась бы по-другому, если бы я не нашел Ли Хуземан на той свалке? Все считали меня героем. Но я никак не мог отделаться от мысли, что это случайность, что я просто оказался в нужном месте в нужное время.

Или, наоборот, в неправильном месте?

Вот что самое забавное (хоть я и знаю, что *забавное* – неподходящее слово). Я любил Софи. Я действительно ее любил. Она так сильно ранила меня своей изменой, что все пошло кувырком. Я не знаю, как это объяснить. Но я дал ей второй шанс. Я ничего не сказал. Если бы только я не повел Обри к врачу в тот роковой день. Возможно, я бы никогда не узнал, что она – чужая дочь. Ее лицо. Лицо Софи. Я не мог перестать о ней думать. Мысль о ее неверности поглотила меня. Потому я и связался с Кэрри ЛаКруа. Признаю. Но больше я ничего не делал. Кристен Мосс солгала. Я не убивал свою жену.

Я должен всех в этом убедить.

Об авторе

В послужном списке Грегга Олсена больше двадцати пяти книг, включая «Звуки дождя» и «Тяжелое молчание» из серии про Николь Фостер. Он неоднократно попадал в списки бестселлеров New York Times и «Амазон Чартс». Олсен известен своим талантом создавать причудливо закрученные сюжеты; он становился героем многих телевизионных и радиопередач, таких как Good Morning America, Dateline и Entertainment Tonight, а также выпусков новостей на каналах CNN и MSNBC. Кроме того, он появлялся в таких журналах, как Redbook, People и Salon, а также в Seattle Times, Los Angeles Times и New York Post.

Его работы – как художественные, так и публицистические – получили множество премий и вошли в списки бестселлеров USA Today и Wall Street Journal. Штат Вашингтон официально выбрал его книгу «Зависть» для Национального книжного фестиваля, а «Непроглядная тьма» стала Книгой года в штате Айдахо.

Олсен – уроженец Сиэтла и живет в сельской местности штата Вашингтон со своей женой. Он уже начал работу над своим новым триллером. Загляните на его официальный сайт: www.greggolsen.com или страницу в «Твиттере»: @Gregg_Olsen.

notes

Примечания

1

Дестини (*Destiny*) – «судьба» в переводе с английского. (*Прим. пер.*).

Пол Баньян – гигантский дровосек, фольклорный американский персонаж. – *Прим. пер.*

Вымышленный провинциальный городок.

Table of Contents

[Грегг Олсен Затаившийся](#)

[1 Адам](#)

[2 Ли](#)

[3 Ли](#)

[4 Коннор](#)

[5 Адам](#)

[6 Ли](#)

[7 Адам](#)

[8 Ли](#)

[9 Адам](#)

[10 Кристен](#)

[11 Ли](#)

[12 Ли](#)

[13 Адам](#)

[14 Ли](#)

[15 Адам](#)

[16 Ли](#)

[17 Ли](#)

[18 Адам](#)

[19 Адам](#)

[20 Адам](#)

[21 Ли](#)

[22 Ли](#)

[23 Ли](#)

[24 Ли](#)

[25 Адам](#)

[26 Ли](#)

[27 Ли](#)

[28 Адам](#)

[29 Коннор](#)

[30 Ли](#)

[31 Адам](#)

[32 Ли](#)

[33 Адам](#)

[34 Ли](#)
[35 Адам](#)
[36 Адам](#)
[37 Ли](#)
[38 Адам](#)
[39 Кристен](#)
[40 Кристен](#)
[41 Коннор](#)
[42 Кристен](#)
[43 Адам](#)
[44 Ли](#)
[45 Адам](#)
[46 Адам](#)
[47 Кристен](#)
[48 Кристен](#)
[49 Адам](#)
[50 Адам](#)
[51 Адам](#)
[52 Кристен](#)
[53 Ли](#)
[54 Ли](#)
[55 Кристен](#)
[56 Коннор](#)
[57 Ли](#)
[58 Ли](#)
[59 Адам](#)
[60 Адам](#)
[61 Ли](#)
[62 Коннор](#)
[63 Ли](#)
[64 Ли](#)
[65 Адам](#)
[66 Ли](#)
[67 Ли](#)
[68 Ли](#)
[69 Коннор](#)
[70 Ли](#)

[71 Ли](#)

[72 Ли](#)

[73 Адам](#)

[74 Ли](#)

[75 Кристен](#)

[76 Ли](#)

[77 Адам](#)

[78 Ли](#)

[79 Кристен](#)

[80 Ли](#)

[Эпилог](#)

[Адам](#)

[Об авторе](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

